

Министерство образования и науки Российской Федерации
Правительство Свердловской области
Свердловское региональное отделение
Вольного экономического общества России
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

Уральский государственный экономический университет

УРАЛ – XXI ВЕК: РЕГИОН ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

М а т е р и а л ы
II Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 29–30 ноября 2017 г.)

Том 1

Екатеринбург
Издательство Уральского государственного
экономического университета
2017

УДК 332.14(470.5)

ББК 65.9(235.55)

У68

Ответственные за выпуск:

доктор экономических наук,
ректор Уральского государственного экономического университета
Я. П. Силин

доктор экономических наук, проректор по научной работе
Уральского государственного экономического университета
Е. Б. Дворядкина

Редакционная коллегия:

доктор географических наук, профессор *Е. Г. Анимица* (председатель);
доктор экономических наук, профессор *В. Ж. Дубровский*;
кандидат экономических наук, доцент *А. Ю. Коковихин*;
доктор экономических наук, профессор *М. С. Марамыгин*;
кандидат педагогических наук *В. П. Соловьева*

Ответственные секретари секций:

Е. В. Зубкова, Н. А. Истомина, В. А. Лазарев, Н. В. Сбродова, Н. Ю. Ярошевич

У68 **Урал – XXI век: регион инновационного развития** [Текст] : материалы II Междунар. науч.-практ. конф (Екатеринбург, 29–30 ноября 2017 г.) : [в 2 т.] / [отв. за вып. : Я. П. Силин, Е. Б. Дворядкина] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. – Т. 1. – 285 с.

В сборнике материалов II Международной научно-практической конференции рассмотрены концептуально-методологические вопросы, связанные с формированием новой индустриализации в России и на Урале; раскрыты вопросы развития городов разных типов; сформулировано понятие «периферийная территория»; обосновывается развертывание четвертой промышленной революции в экономике страны и Уральского региона. Анализируются финансовые и правовые проблемы в контексте четвертой промышленной революции. Видное место в сборнике занимают вопросы, связанные с социально-экономической политикой на различных иерархических уровнях, а также с конкурентной борьбой за человеческий капитал. Представлен комплексный анализ стратегического развития потребительского рынка в масштабе Уральского региона.

Предназначается для научных и практических работников, аспирантов и студентов, специалистов, занимающихся вопросами региональной экономики и управления.

УДК 332.14(470.5)

ББК 65.9(235.55)

© Авторы, указанные в содержании, 2017

© Уральский государственный
экономический университет, 2017

Стратегические доминанты новой индустриализации в пространстве Уральского макрорегиона в XXI веке

Аннотация. Цель настоящей статьи – показать, что некоторые крупные экономические регионы страны (в частности, Уральский макрорегион) объективно обладают предпосылками для перехода на путь новой индустриализации, для трансформации в другую экономику без острых кризисов и потрясений. В ранее представленных работах нами было обосновано авторское понимание процесса новой индустриализации и доказана его острая необходимость для экономики Уральского макрорегиона. Следует подчеркнуть, что многие исследователи связывают проведение новой индустриализации с региональным развитием. Территориальность присуща любым экономическим процессам, ибо все они происходят на конкретной территории, и все виды ресурсов также дислоцированы на определенной территории. Поэтому реализация такого грандиозного проекта, как новая индустриализация, объективно должна иметь пространственный аспект.

Ключевые слова: новая (нео) индустриализация; Уральский макрорегион; приоритеты новой индустриализации.

Введение. В последние годы умы многих ведущих отечественных экономистов занимают проблемы формирования новой модели социально-экономического роста страны. Как считает Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев: «Нам предстоит формировать модель развития, способную обеспечить нашей стране значимое место в современном мире» [15, с. 5].

Среди многочисленных предлагаемых экономических моделей и формул особо выделяется модель новой (нео) индустриализации. Хотя разговоры о необходимости проведения в России новой индустриализации идут еще с начала 1990-х годов, инициатором новой серьезной дискуссии в отечественной науке, как считают многие исследователи, выступил профессор МГУ С. С. Губанов, опубликовавший в 2008 г. фундаментальную статью по этому вопросу в журнале «Экономист» [11].

С. С. Губанов сущность новой индустриализации России определяет как вторую, цифровую и технотронную фазу индустриализации [12, с. 43].

Многие известные отечественные ученые-экономисты: С. Д. Бодрунов [6; 7], С. Ю. Глазьев [8], Р. С. Гринберг [9; 10], Е. Б. Ленчук [14], Р. М. Нуреев [16], В. Т. Рязанов [17–19], А. З. Селезнев [20], Я. П. Силин [21; 22]; Д. Е. Сорокин [23; 24], О. С. Сухарев [25], А. И. Татаркин

[26; 27] и др., будущее российской экономики видят через призму мощного технологического прорыва – новой индустриализации.

Уральский макрорегион – специфический государственно-образующий тип региона. Среди крупных экономических районов, или, иначе, макрорегионов России, особо выделяется Уральский макрорегион, который представляет собой государственно-образующий тип региона, исторически сформировавшийся в срединной, стратегически важной части страны, структурированной и идентифицированной на основе как традиционных факторов (географического, исторического, цивилизационного и культурного), так и новых факторов эпохи постмодерна (коммуникационных, сетевых, виртуальных и др.) и концентрирующий значительную долю населения, производственно-научного и оборонного потенциала, капитала и ресурсов России.

Урал в качестве крупнейшего экономического региона страны наиболее ярко воплотил как общую, так и регионально-историческую специфику инновационных преобразований. Уральский регион непосредственно влияет на экономические, социальные и политические процессы, протекающие в России.

Академик А. И. Татаркин предложил идею признания миссии Урала в модернизации российской экономики [26].

Уральский макрорегион в настоящее время можно представить как некоторую саморазвивающуюся социально-экономическую целостность без жесткой замкнутости территориальных границ, характеризующуюся определенной культурно-цивилизационной общностью территорий, конструированием региональной идентичности, новыми формами кооперации в рамках вертикальной интеграции, существенным сближением экономических интересов субъектов, входящих в состав макрорегиона, и т. п.

Для Уральского макрорегиона политика новой индустриализации вызвана необходимостью, во-первых, обеспечения восстановления традиционных базовых отраслей промышленности на новой технологической основе (политика реиндустриализации), во-вторых, создания новых производств пятого и шестого технологических укладов, позволяющих в итоге поднять экономику не только региона, но и всей страны на новый уровень развития.

Формирование промышленной цифровизации на Урале в ближайшей перспективе будет иметь скачкообразный характер и затронет структуру производства, инжиниринговые процессы и технологии управления ими.

Приоритеты новой индустриализации в макрорегионе. Один из ключевых вопросов исследования – выбор отраслевых приоритетов новой индустриализации. Учитывая высокий уровень затрат на инно-

вационные производства, соответствующие пятому и шестому технологическим укладам, создание высокотехнологичных секторов экономики требует наличия научного, трудового, материального, информационного, финансового и прочих потенциалов в регионе, а также политики поддержки со стороны федеральных и региональных властей.

Образ будущего облика экономики России видится расплывчатым, непознанным, и в первую очередь в связи с растущим отставанием ее в научном и технологическом развитии. Для выявления стратегических направлений и отраслевых приоритетов новой индустриализации на территории Уральского макрорегиона нам пришлось выявить, проанализировать и обобщить конкретные данные по высокотехнологичным производствам предприятий, функционирующих в настоящее время в пространстве макрорегиона.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что *отраслевые приоритеты* новой индустриализации Уральского макрорегиона находятся в области преимущественного развития *средств производства*. Среди них выделяются:

- оборонно-промышленный комплекс (предприятия присутствуют во всех субъектах Уральского макрорегиона);

- производство беспилотных летательных аппаратов (Республика Удмуртия, Свердловская область);

- атомная промышленность (Свердловская, Челябинская области; Республика Удмуртия);

- производство робототехники (Челябинская область и Пермский край);

- информационные технологии (Пермский край);

- аддитивные технологии (Свердловская область);

- производство наноматериалов (Свердловская, Челябинская области, Пермский край, Республика Башкортостан);

- производство металлопродукции, предназначенной для развития и освоения Арктики и континентального шельфа.

Вертикальная интеграция производства и неиндустриализация. Большинство инновационных уральских предприятий вошли в состав вертикально интегрированных структур крупнейших государственных корпораций, задачей функционирования которых является поддержка и развитие высокотехнологичных современных производств в стране, что соответствует сути новой индустриализации.

В корпорациях экономический эффект достигается за счет реального взаимодействия между тремя институциональными секторами – государством, производством и наукой (образованием), причем главной движущей и организующей силой выступают различные государственные структуры. В зарубежной экономической литературе данная

триада идентифицируется под названием модель «тройной спирали», автором которой считается профессор Стэнфордского университета Генри Ицкович [13]. Ведущую роль в этой триаде играют университеты, а не государство. Логика данной модели с опорой на университеты проста – ведь только усилиями молодых людей можно построить новую инновационную экономику.

Создание вертикально интегрированных государственных корпораций представляет собой составную часть институтов развития наряду с особыми экономическими зонами и инвестиционными фондами [1; 2; 5].

Как доказывает С. С. Губанов, без вертикальной интеграции производства неоиндустриализация неосуществима [11].

В частности, в 2007 г. в России были созданы шесть государственных корпораций с целью решения задач экономического, социального и политического характера, среди которых ГК «Ростехнологии», ГК «Росатом», ГК «Роснано».

С позиции исследования новой индустриализации наибольший интерес представляет деятельность квазихолдинга ГК «Ростехнологии», квазимиистерства «Росатом», главной задачей которых является повышение конкурентоспособности отдельных стратегических секторов (отраслей), обеспечение национальной безопасности, реструктуризация и консолидация соответствующих государственных активов. ГК «Роснано» (в настоящее время АО «Роснано») содействует реализации государственной политики по развитию nanoиндустрии, инвестируя в высокотехнологичные проекты, создающие новые производства на территории России.

Промышленные предприятия с высокотехнологичным производством Уральского макрорегиона широко представлены в структуре двух основных государственных корпораций – «Ростех», «Росатом» и АО «Роснано». Эти предприятия с весьма разветвленными отраслевыми (вертикальными) и территориальными (горизонтальными) производственными связями формируют своеобразные территориально-производственные сети.

Проведя анализ состава и специализации уральских предприятий, входящих в состав ГК «Ростех», ГК «Росатом» и АО «Роснано», можно констатировать, что стратегические ориентиры новой индустриализации на территории исследуемого макрорегиона – это прежде всего отрасли **оборонно-промышленного комплекса (ОПК)**.

ОПК Уральского региона – важнейшая точка инновационного роста. В Уральском макрорегионе пятый технологический уклад в основном представлен именно на предприятиях ОПК.

Практически из 17 технологий, составляющих базу пятого технологического уклада, на предприятиях ОПК Урала сконцентрировано 16 (в том числе ядерные, космические, авиационные, химические) [28]. Предприятия ОПК Уральского региона способны участвовать в любой из 28 технологических платформ из 36, созданных в РФ за период 2010–2015 гг., которые позволяют в рамках определенной корпорации замкнуть круг производственной деятельности – от идеи до выпуска конечной продукции и их обслуживания.

Перспективность предприятий ОПК Уральского макрорегиона подчеркивает тот факт, что многие из них вошли в состав государственной корпорации «Ростех», цель деятельности которой закреплена как содействие разработке, производству и экспорту *высокотехнологичной промышленной продукции* посредством обеспечения поддержки на внутреннем и внешнем рынках российских организаций – разработчиков и производителей высокотехнологичной промышленной продукции путем привлечения инвестиций в организации различных отраслей промышленности, включая оборонно-промышленный комплекс, а также участия в социальных и иных общественно значимых проектах в интересах государства и общества. Стратегическая цель Ростеха звучит как «Содействие государственной политике по модернизации и развитию промышленности», что напрямую согласуется с парадигмой новой индустриализации.

В составе корпорации выделены 15 структурных подразделений: 9 холдинговых компаний оборонно-промышленного комплекса и 6 в гражданских отраслях промышленности.

В каждом структурном подразделении корпорации представлены уральские предприятия, что свидетельствует о высокотехнологичном характере производства и их значимости для российской экономики в перспективе.

Производство беспилотных летательных аппаратов. В состав государственной корпорации «Ростех» входит концерн «Калашников» (бывшее Научно-производственное объединение «Ижмаш», Удмуртская Республика, Ижевск) – крупнейший российский производитель боевого автоматического и снайперского оружия, управляемых артиллерийских снарядов, а также широкого спектра высокоточного оружия, большой сегмент гражданской продукции включает охотничьи ружья, спортивные винтовки, станки и инструмент.

Концерн является флагманом отечественной стрелковой отрасли, на его долю приходится порядка 95 % производства стрелкового оружия России. Продукция Концерна «Калашников» поставляется примерно в три десятка стран.

Новыми стратегическими направлениями деятельности Концерна являются: дистанционно-управляемые боевые модули, беспилотные летательные аппараты и многофункциональные катера специального назначения.

Среди заказчиков беспилотного воздушного судна есть как государственные органы и предприятия, так и различные коммерческие структуры.

Атомная промышленность. Атомная отрасль традиционно является одной из высокотехнологичных и экспортно ориентированных отраслей России и Уральского макрорегиона.

Пять «атомных» городов, расположенных на территории Урала (из десяти, находящихся в ведомственном подчинении государственной корпорации «Росатом»), представляют собой обособленный и замкнутый ядерно-оружейный комплекс, интегрирующий самые современные теоретические, конструкторские и производственные составляющие – от добычи, обогащения и производства урана до сборки ядерных боеприпасов [3; 4].

Пять крупнейших предприятий атомной промышленности (АО «Уральский электрохимический комбинат»; ФГУП «Электрохимприбор»; ФГУП «Производственное объединение «Маяк»; ФГУП «Приборостроительный завод»; ФГУП «Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики имени академика Е. И. Забабахина»), имеющие статус градообразующих, с полным основанием можно отнести к предприятиям пятого и шестого технологических укладов. От деятельности градообразующих атомных предприятий в значительной степени зависит жизнедеятельность закрытых городов, на территории которых они функционируют.

Четырнадцать уральских предприятий включены в состав государственной корпорации «Росатом», основное назначение которой напрямую связано с процессами новой индустриализации – повышение конкурентоспособности продукции и услуг на атомных энергетических рынках за счет модернизации существующих технологий и технического перевооружения производственных мощностей.

Производство робототехники. Робототехника – одно из ведущих стратегических производств, быстро формирующихся на Урале. Российской «столицей» производителей данных машин может стать Пермь. Здесь же может разместиться соответствующий федеральный центр. Именно в Перми был создан промобот – обладатель искусственного интеллекта. Промоботы уже «работают» гидами в музеях, консультантами в банке, продавцами и т. п.

На территории Челябинской области формируется Южно-Уральский промышленный кластер «Робототехника и человеко-машинный интерфейс». В настоящее время в работе кластера задействованы 16 организаций и учреждений, в том числе ведущие предприятия робототехнической отрасли Уральского макрорегиона. Кластер имеет широкую сеть инженерно-технических, коммерческих и сервисных организаций, объектов транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры.

Центральным (кластерообразующим) субъектом, выпускающим конечную продукцию, является НПО «Андроидная техника» (Магнитогорск) – единственный разработчик и производитель антропоморфной робототехники в России, одна из ведущих компаний по производству неиндустриальных робототехнических систем в стране. Продукция предприятия предназначена для сфер образования, медицины, космической и атомной отраслей, различных областей сервиса. В организации решаются фундаментальные инженерные задачи – интеграция технологий в области механики, электроники, электротехники, технического зрения, сенсорного восприятия, навигации, искусственного интеллекта и группового взаимодействия мобильных объектов.

Формирование роботокластера на территории Челябинской области происходит по принципу тройной спирали, включающей три основные составляющие: власть – бизнес – наука.

Информационные технологии. Как подчеркнул В. В. Путин на совещании с представителями IT-отрасли в Перми, «кто будет владеть информационными цифровыми кластерами в отдельных отраслях, тот будет хозяином этих отраслей в мире».

В Уральском макрорегионе активно формируется кластер информационных технологий. В частности, на территории Перми концентрируется кластер информационно-коммуникационных технологий, представляющий собой группу предприятий и организаций, осуществляющих деятельность по разработке и производству продуктов и услуг в области управления информацией (информационных технологий), а также осуществляющих деятельность, направленную на развитие данной отрасли.

К основной продукции IT-кластера Пермского края относятся: оборудование и комплектующие, предназначенные для сбора, хранения и передачи информации; тиражное программное обеспечение различного назначения; услуги в сфере информационных технологий; технические и программные средства защиты информации, услуги защиты информации; сервисы, основанные на современных технологиях обработки информации.

Аддитивные технологии. По мнению экспертов, на территории Свердловской области существуют все предпосылки для формирования новой специализации региона – аддитивного производства. Регион обладает развитым индустриальным, научно-техническим и кадровым потенциалом.

В июле 2016 г. был подписан документ о создании научно-производственного консорциума «Аддитивные технологии». В консорциум вошли ключевые субъекты компетенций в сфере аддитивных технологий и порошковой металлургии: Уральский электрохимический комбинат, Корпорация ВСМПО-АВИСМА, Госкорпорация «Ростех», общество «Наука и инновации», Всероссийский институт легких сплавов, Опытное конструкторское бюро «Новатор», Машиностроительный завод им. Калинина, Уральский федеральный университет, Уральское отделение Российской академии наук. В рамках консорциума «Аддитивные технологии» в течение 2017–2018 гг. планируется решить две практические задачи: создать средства производства – аддитивные машины и материалы, из которых эти машины будут формировать детали.

Перспективность развития аддитивных технологий на Урале обусловлена высокой динамичностью мирового рынка 3D-печати. По оценкам заместителя директора департамента Министерства промышленности и торговли РФ Д. Никитина, мировой рынок 3D-печати ежегодно растет на 20–30 % и в 2020 г. может превысить 20 млрд дол., что в четыре раза больше, чем в 2015 г.

В настоящее время заказчиками аддитивных изделий являются предприятия оборонно-промышленного комплекса, в том числе Опытное конструкторское бюро «Новатор», Уральский приборостроительный завод, НПО «Автоматика», а также производители нефтегазового и нестандартного оборудования. Промышленные аддитивные системы установлены и работают на Уральском оптико-механическом заводе, производственном объединении «Октябрь».

Производство наноматериалов. Производство наноматериалов представляет собой еще одно направление становления собственно неоиндустриального сегмента экономики Уральского макрорегиона.

Ключевые уральские предприятия в данной сфере – ОАО «Кыштымский горно-обогатительный комбинат» (производство особо чистых кварцевых концентратов), АО «Уралпластик-Н» (производство гибкой полимерной упаковки, модифицированной нанокompозитами собственного производства), ЗАО «Новомет-Пермь» (производство нефтедобывающего оборудования с использованием наноструктурированных покрытий), ООО «ЕСМ» (производство прецизионных экологически чистых электрохимических станков нового поколения), ОАО

«Челябинский трубопрокатный завод» (производство соединительных деталей трубопроводов с использованием наноструктурированных материалов), ООО «Грубная металлургическая компания» (производство высокоточных труб из нержавеющей сталей и сплавов).

Производство металлопродукции и металлоконструкций для развития и освоения Арктики и континентального шельфа. Уральский макрорегион обладает соответствующим научным, научно-техническим и инновационным потенциалом для освоения арктической зоны РФ.

В частности, коллектив ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» разработал и внедрил уникальную технологию производства листового проката с индексом «Arc». Это означает, что по своим характеристикам, вязкости и хладостойкости металлопрокат выдерживает эксплуатацию при температуре до -70 °С. Этот металлопрокат применяется без ограничений в условиях Арктики для любых конструктивных элементов и не имеет аналогов в мире.

Поставщиками металла и конструкций для самых больших и мощных атомных ледоколов в мире (в частности, «Урал» и «Арктика») также являются уральские предприятия, среди которых и ММК.

Считаем, что определяющий фактор, инициирующий прогрессивные структурные сдвиги в экономике Уральского макрорегиона, – это запуск процессов новой индустриализации, основанной на приоритетной поддержке конкурентоспособных технологий по важнейшим стратегическим направлениям.

Заключение

1. Проведенное исследование показало, что в экономике Уральского макрорегиона происходят серьезные структурные изменения в пользу высокотехнологичных производств.

2. Экономические преобразования в пределах макрорегиона отличаются неповторимостью не только в зависимости от времени, но и с учетом количественных и качественных характеристик пространства, ибо они со своими уникальными факторами и условиями усложняют, тормозят или искривляют протекание этих преобразований.

3. Системный анализ статистических показателей за время современных реформ свидетельствует, что Уральскому макрорегиону удалось сохранить свой «генетический код» – *индустриальную модель с ядром производства средств производства*.

4. Стратегические приоритеты новой индустриализации Уральского макрорегиона заложены в следующих ключевых направлениях: оборонно-промышленный комплекс; производство беспилотных летательных аппаратов; атомная промышленность; производство робототехники; информационные технологии; аддитивные технологии; про-

изводство наноматериалов; производство металлоконструкций для освоения Арктики. Эти направления базируются на новейших технологиях пятого и шестого технологических укладов, способных изменить конфигурацию экономического ландшафта Урала.

Библиографический список

1. *Абалкин Л. И.* Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики // Вопросы экономики. 1997. № 6.
2. *Авдашева С. Б., Симачев Ю. В.* Государственные корпорации: можно ли оценить корпоративное управление? // Вопросы экономики. 2009. № 6.
3. *Анимица Е. Г., Власова Н. Ю., Дворядкина Е. Б., Новикова Н. В., Софронов В. Н.* Закрытые атомные города России: особенности развития и управления. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2002.
4. *Анимица Е. Г., Силин Я. П.* Новая индустриализация в пространстве макрорегиона: цели, возможности, этапы // Неоиндустриально ориентированные преобразования в экономическом пространстве Уральского макрорегиона. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017.
5. *Барышева Г. А., Бондарь Т. В.* Государственная корпорация как новый инструмент реализации государственной собственности // Современные наукоемкие технологии. 2010. № 2.
6. *Бодрунов С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб. : ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016.
7. *Бодрунов С. Д., Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е.* Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1(35).
8. *Глазьев С.* Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М. : Книжный мир, 2016.
9. *Гринберг Р. С.* Перемены в экономическом устройстве мира: российская специфика // Социально-экономические проблемы современности: поиски междисциплинарных решений : сб. науч. тр. участников Междунар. конф. «XXIV Кондратьевские чтения». М. : Изд-во Межрегион. обществ. организации содействия изучению, пропаганде научного наследия Н. Д. Кондратьева, 2017.
10. *Гринберг Р. С.* Состояние и перспективы экономики современной России. Осмысливая роль государства в экономике // Кондратьевские волны. 2016. № 5.
11. *Губанов С.* Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9.
12. *Губанов С.* Неоиндустриализация: к вопросу о «вопросе» (некоторые уточнения) // Экономист. 2017. № 3.
13. *Ицкович Г.* Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии : пер. с англ. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010.

14. *Ленчук Е. Б.* Роль «Новой индустриализации» в формировании инновационной экономики России // Институциональная среда «новой индустриализации» экономики России: сборник / под ред. Е. Б. Ленчук. М. : Ин-т экономики РАН, 2014.
15. *Медведев Д. А.* Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10.
16. *Нуреев Р. М.* От старой индустриализации к новой // Экономическое возрождение России. 2016. № 2.
17. *Рязанов В. Т.* Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. 2013. № 8.
18. *Рязанов В. Т.* Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты // Экономическое возрождение России. 2014. № 2(40).
19. *Рязанов В. Т.* Новое индустриально-технотронное общество: грядущее под вопросом // Экономическое возрождение России. 2017. № 2(52).
20. *Селезнев А.* Есть ли альтернатива парадигме новой индустриализации? // Экономист. 2014. № 8.
21. *Силин Я. П., Анимица Е. Г.* Перед вызовами третьей волны индустриализации // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 3(65).
22. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Новая индустриализация – стратегический вектор развития промышленности России // Управление промышленным предприятием в условиях новой индустриализации. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016.
23. *Сорокин Д. Е.* Технологическое обновление российской экономики: необходимость и ограничения // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10, № 1.
24. *Сорокин Д. Е., Толкачев С. А.* Условия и факторы эффективной реиндустриализации и промышленной политики России // Экономическое возрождение России. 2015. № 4(46).
25. *Сухарев О. С.* Реиндустриализация России: возможности и ограничения // Экономист. 2013. № 3.
26. *Татаркин А. И.* Модернизационная миссия Урала в повышении интеграционной активности российской экономики. Части I и II // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2013. № 1(33).
27. *Татаркин А. И.* Новая индустриализация экономики России: потребность развития и (или) вызовы времени // Экономическое возрождение России. 2015. № 2(44).
28. *Шалимов Л. Н., Лесных В. В.* Вертикальная интеграция в институциональной трансформации ОПК. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2008.

Е. В. Попов

*Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург*

Перспективы развития экономической науки на Урале

Аннотация. Статья посвящена анализу развития мировой экономической науки и перспективным направлениям исследований уральских экономистов. Показано, что кризис неоклассической парадигмы исследований, резкое увеличение разнообразия хозяйственной деятельности и появление новых объектов изучения привели к формированию институциональной парадигмы экономической теории. Выделены перспективные методы исследований: институциональный, эволюционный, поведенческий и другие гетеродоксальные методы анализа. Перспективные объекты исследования отмечены ключевыми словами «инновации», «человек», «общее управление», «экономический рост». Проанализированы основные направления развития экономической науки на Урале: экономическая теория, промышленная политика, зеленая экономика, развитие территорий и освоение Арктики. Представлены авторские результаты по систематизации экономических институтов, формализации транзакционной функции, теории измерения институтов и оценке социальных инноваций. Рассмотрены возможности экономического моделирования промышленной политики и изучения проблем зеленой экономики. Показаны возможности экономических исследований развития территорий и формирования опорных арктических зон. Продемонстрирована практическая значимость проводимых исследований.

Ключевые слова: мировая наука; нобелевские лауреаты; перспективные исследования.

Вручение Нобелевской премии по экономике 2017 г. Ричарду Талеру за «изучение экономического поведения и за понимание того, какую роль психология играет в экономике» продемонстрировало актуальный вектор развития экономической науки в направлении междисциплинарности и синтеза различных сфер исследования. При этом остается нерешенным вопрос дальнейшего развития экономической науки.

Целью настоящего исследования является определение перспективных направлений экономической науки и формирование направлений исследований уральских экономистов.

Развитие методологии экономической науки. Методология экономической науки – это знание методов экономических исследований, т. е. знание методов описания объектов и предметов исследования, а также инструментов изучения хозяйственной деятельности.

Развитие современной экономической теории привело к появлению серьезного противоречия между разработанным и применяемым инструментарием. С одной стороны, в мировой и отечественной экономической литературе накоплен значительный арсенал методов и средств

моделирования хозяйственной деятельности. С другой стороны, передовой инструментарий современной экономической теории чрезвычайно разрознан и не систематизирован. В ближайшие годы возможна мощная систематизация экономико-теоретического инструментария, как по методам анализа, так и по объектам исследования [8].

Что касается методов экономического анализа, то к настоящему времени в теоретических исследованиях наиболее плодотворно используются неоклассические, институциональные, неинституциональные и эволюционные подходы. Причем теоретические исследования показывают, что указанные направления экономического анализа суть одного и того же представления хозяйственной деятельности [5]. Вместе с тем, последние три направления легко могут быть интерпретированы как институционально-эволюционная экономическая теория, поскольку развитие институциональных систем может быть адекватно описано в рамках эволюционного подхода [3].

В этом смысле предвидение Т. Веблена о том, что экономика основана на деятельности институтов как «устойчивых привычек мышления, присущих большой общности людей» [18] сыграло свою, постановочную роль в формировании современных взглядов на экономическую теорию. Неоклассическая теория, как «мэйнстрим» экономической науки конца двадцатого столетия, отходит на второй план из-за значительного количества ограничений на оценку анализируемых событий. Необходимая рациональность поведения экономических агентов, анализ экзогенных по отношению к хозяйственному субъекту факторов, анализ предельных параметров в равновесном состоянии привели к ситуации, когда неоклассическое направление рассматривается в большей части как необходимое упражнение для студентов университетов. Реальные экономические ситуации наиболее адекватно могут быть описаны в рамках институционально – эволюционного подхода. Подобный подход позволяет анализировать сложные, неравновесные ситуации, например, динамику формирования и развития институциональных ловушек [6], и обладает в силу этого большей прогностической силой, чем неоклассическое направление.

Модельные подходы институциональной экономической теории [11] предопределили разработку транзакционной теории экономических институтов [16]. Основное содержание указанной теории состоит в количественном измерении качества институтов через оценку экономических транзакций.

Основаниями транзакционной теории экономических институтов являются научные принципы:

предельности акта транзакций по Дж. Коммонсу [14],

формирования транзакционного сектора по Дж. Уоллису и Д. Норту [19],

внепроизводственного характера транзакционных издержек по Р. Мэтьюзу [15],

пропорциональности транзакционных издержек специфичности активов по О. Уильямсону [20],

минимизации транзакций при формировании экономических институтов по Р. Коузу [13].

Научными идеями теории выступают авторские разработки по типологии транзакций, оценке кризисов [9], определению транзакционных издержек по бухгалтерской отчетности [17], оценке тесноты связей гибридных организаций и стоимостной оценке экономических институтов по транзакционным издержкам [10].

Показателем перехода инструментального аппарата экономической науки от неоклассической (ортодоксальной) теории к институционально-эволюционному представлению хозяйственной деятельности явилось создание в начале нынешнего столетия международной Ассоциации гетеродоксальной экономики.

Как же можно оценить изменение методологии экономической науки?

По-видимому, наиболее адекватная оценка изменения методологии экономической науки может быть проведена посредством анализа объектов исследования лауреатов Нобелевских премий по экономике. Следует исходить из того, что Шведская королевская академия наук объявляет имена лауреатов, чьи исследования представляют наибольший интерес для научной общественности именно в год присуждения нобелевской премии.

Полученные нами результаты [7] демонстрируют возрастающий интерес Шведской королевской академии наук к присуждению Нобелевских премий по экономике за работы, выполненные по более современной тематике. Исходя из полученных данных, в ближайшие годы следует ожидать награждение лауреатов, исследования которых отмечены ключевыми словами «инновации», «человек», «экономический рост». А, это в свою очередь, будет означать смещение методологии экономической науки в направлении методов эволюционной экономики, бихевиоризма и институциональной парадигмы.

Развитие экономической теории. Стремительные изменения хозяйственного уклада при внедрении цифровых технологий и, соответственно, очень быстрое формирование цифрового общества определяют необходимость постановки научного направления взаимодействия человека и экономических институтов при развитии цифровой экономики. Отметим, что Президентом России принято реше-

ние о включении направления «Цифровая экономика» в перечень основных направлений стратегического развития Российской Федерации до 2018 г. и на период до 2025 г.

Актуальность данного научного направления обусловлена высокой скоростью информатизации социально-экономических процессов, вызывающей трансформацию соответствующих социальных и экономических институтов. Приращение в геометрической прогрессии объема информации и данных, выступающих индикаторами формирования цифровой экономики в мировом пространстве, требует не только соответствующего технического и программного оснащения, но и эффективно функционирующих экономических институтов, обеспечивающих сохранение и наращивание темпов роста национальных экономик, а также обеспечивающих рост благосостояния и качества жизни общества. Фундаментальной научной проблемой, таким образом, становится потребность в разработке моделей прогнозирования экономического роста и повышения качества жизни человека в условиях развития цифровой экономики посредством применения наиболее передового аппарата институциональной экономической теории. Высокая научная значимость решения поставленной проблемы обусловлена приоритетом разработки прогнозных моделей развития институциональной экономики в сравнении с неоклассическим «мейнстримом» и отсутствием аналогов в мировой экономической литературе.

Отсюда, возможные формулировки будущих идей научных исследований по экономической теории и их обоснование могут быть следующими.

1. Моделирование поведения человека при *сетевых взаимодействиях* в условиях формирования цифрового общества. Ускорение информатизации экономических процессов, практическое применение искусственного интеллекта в перспективных направлениях экономики, активное развитие сетевых и межсетевых отношений, интеграция межкультурных различий стали причиной трансформации поведения экономических агентов на различных уровнях хозяйствования. Обозначенные тенденции требуют своевременной трансформации экономических институтов, а также разработки гибких и устойчивых институциональных моделей, позволяющих обеспечить конкурентоспособность хозяйственных систем и повышении качества жизни человека.

2. Прогнозирование и проектирование институционального *развития общественного сектора* в условиях формирования цифровой экономики средствами институционального анализа. Эффективное развитие экономики требует наличие системы эффективно функционирующих институтов, обладающих высокой степенью адаптации к изменяющимся условиям внешней среды. Институты общественного сек-

тора в отличие от рыночных институтов обладают более низкой степенью адаптируемости, что определяет потребность в разработке принципов проектирования, обеспечивающих формирование социальных институтов. Прогнозирование институционального развития, в свою очередь, позволит проводить институциональные изменения постепенно, избегая при этом негативных последствий от возможного сопротивления экономических агентов.

3. Проектирование *инновационного развития* регионов России в условиях формирования цифровой экономики средствами институциональной и эволюционной экономических теорий. Социально-инновационное развитие регионов России предполагает проектирование и развитие новых форм поведения экономических агентов, основанных на сбалансированном учете социальных и культурных в ходе реализации инновационных проектов. Цифровизация экономики при этом формирует новые возможности построения социальных и экономических связей, основанных на мультикультурных взаимодействиях. Проектирование институтов инновационного развития на базе мультикультурного анализа, а также путем активного использования возможностей цифровой экономики, обеспечит формирование системы перспективных институтов хозяйствования.

4. Моделирование и прогнозирование *жизнестойкости и уязвимости территорий* в конкурентном экономическом пространстве. Под жизнестойкостью территории понимается способность органов власти региона преодолевать препятствия, барьеры, компенсировать потери, связанные с несовершенством институциональной среды, негативными ситуациями, криминализацией экономики, стихийными бедствиями. Здесь представляется перспективной разработка карты уязвимости территории, состоящей из восьми квадрантов: 1) финансовая уязвимость; 2) стратегическая уязвимость; 3) уязвимость в отношении стихийных бедствий и опасных случайностей; 4) операционная уязвимость; 5) информационная уязвимость; 6) коррупционно-криминальная уязвимость; 7) репутационная уязвимость; 8) демографическая уязвимость.

5. Исследование социально-экономических институтов цифрового общества и институциональное проектирование *цифрового регионального развития*. Исследование социально-экономических институтов цифрового общества формирует научную базу, представляющую интерес для таких направлений научного анализа, как государственное управление, инновационная экономика, менеджмент, информационные технологии. В условиях достаточно заметной социально-экономической дифференциации, существует риск возникновения проблемы «цифрового неравенства» российских регионов, что создаст дополни-

тельные трудности для их социально-экономического развития. Исходя из этого, исследования в области проектирования цифрового регионального развития отличаются своей дополнительной актуальностью. Научная значимость предполагаемых результатов обусловлена приоритетом разработки прогнозных моделей развития институциональной экономики в условиях трансформации общественных отношений, вызванных развитием цифровых технологий.

Практическая значимость ожидаемых результатов заключается в возможности их использования при разработке программ поддержки сетевых взаимодействий, общественного сектора, инновационной деятельности, конкурентоспособности территорий и развития цифрового общества. Ожидаемые результаты могут быть использованы предпринимателями, а также органами власти при формировании и развитии институциональной инфраструктуры на современном этапе глобального развития цифрового общества.

Исследования промышленности и развития территорий. Актуальные исследования промышленной политики включают анализ внедрения сетевого взаимодействия между машинами, оборудованием, зданиями и информационными системами, а также возможности осуществления мониторинга окружающей среды, процессов передачи функций управления и принятия решений интеллектуальным системам. При оценке развития промышленной политики следует учитывать конвергенцию промышленных технологий, которая означает взаимопроникновение технологий, когда границы между отдельными промышленными технологиями стираются, а многие интересные результаты возникают в рамках междисциплинарной работы на стыке различных областей.

К перспективным проблемам развития промышленной политики относятся [1]:

- 1) проблема экономико-математического моделирования кросс-индустриальных сетевых производственно-сервисных экосистем;
- 2) проблема оценки и прогнозирования эффектов технологической трансформации с использованием количественных показателей;
- 3) проблема формирования промышленной политики, основанной на принципах саморазвития, саморегулирования, дифференцированности и сетевентричности (сетевая промышленная политика).

Необходимость решения проблем *зеленой экономики* связана с ростом негативного воздействия на человека и окружающую среду выбросов в атмосферу от различных источников, и увеличением объемов образования отходов на фоне снижения уровня их переработки. Следует отметить, что в России постепенно усиливается общественное мнение о необходимости положительного решения экологических

проблем, а также начинает осознаваться важность перехода научно-технологического развития регионов на использование принципов зеленой экономики.

Возможные направления развития зеленой экономики включают следующие позиции [2]:

обоснование феномена зеленой экономики как синтетического вызова времени, меняющего экономическое и нравственно-эстетическое поведение людей в системе «человек-природа»;

раскрытие содержания основных рисков и социально-экономических последствий, связанных с переходом регионов на использование принципов зеленой экономики;

выделение и обоснование внутренних и внешних особенностей научно-технологического развития регионов на принципах зеленой экономики.

Экономические исследования *развития территорий* связаны, прежде всего, с формированием стратегий регионального развития. Здесь возможно применение различного программного обеспечения [4].

Исследования, связанные с *освоением Арктики*, предполагают разработку концептуальных схем экономической интеграции и промышленного взаимодействия отдельных территорий Арктики с индустриально-развитыми территориями. Обоснование влияния процессов международного экономического сотрудничества в Арктике на возможности и перспективы социально-экономического развития регионов участвующей страны. Необходимо формирование комплекса методов и моделей, обеспечивающих оценку и прогнозирование взаимосвязанного развития производственных комплексов, эффективности промышленной политики, реализуемой в Арктической зоне и сопредельных территориях, движения финансовых потоков между институциональными секторами экономики на этих территориях. Требуется разработка стратегической карты эффективности промышленной политики в Арктической зоне, позволяющей учитывать опережающие и запаздывающие эффекты от реализации механизмов промышленной политики, а также от промышленного взаимодействия предприятий Арктической зоны РФ и сопредельных территорий [12].

Практическая значимость планируемых исследований состоит в создании прикладных методик оценки и управления развитием экономических систем, разработке моделей прогнозирования социально-экономического развития и научном сопровождении стратегий регионального развития.

Библиографический список

1. *Акбердина В. В., Коровин Г. Б.* Траектории новой индустриализации российских регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 1(424)
2. *Бочко В.С.* Зеленая экономика: содержание и методология познания // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 3(65).
3. *Клейнер Г. Б.* Эволюция институциональных систем. М. : Наука, 2004.
4. *Куклин А. А., Охотников С. А., Кориунов Л. А.* Архитектоника информационно-аналитической системы «Антикризис» // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 2.
5. *Маевский В. И.* О взаимоотношениях эволюционной теории и ортодоксии // Вопросы экономики. 2003. № 11.
6. *Полтерович В. М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35, № 2.
7. *Попов Е. В.* Культура научного сообщества – основа методологии экономической науки // Вестник РАН. 2016. Т. 86, № 4.
8. *Попов Е. В.* Миниэкономика – приоритетное направление исследований // Вестник РАН. 2004. Т. 74, № 9.
9. *Попов Е. В.* Трансакционная теория институтов // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 27.
10. *Попов Е. В.* Трансакционное измерение институтов // Экономическая наука современной России. 2011. № 2.
11. *Попов Е. В., Власов М. В., Симахина М. О.* Территориальная модель институтов развития предпринимательства // Журнал экономической теории. 2010. № 2.
12. *Татаркин А. И., Логинов В. Г., Захарчук Е. А.* Социально-экономические проблемы освоения и развития Российской арктической зоны // Вестник РАН. 2017. Т. 87, № 2.
13. *Coase R. H.* The Nature of Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4, no. 10.
14. *Commons J. R.* Institutional Economics // *American Economic Review*. 1931. Vol. 21, no. 4.
15. *Matthews R. C. O.* The Economics of Institutions and Sources of Growth // *Economic Journal*. 1986. Vol. 96, no. 12.
16. *Popov E. V.* Transaction Estimation of Institutions // *Advances in Economics and Business*. 2014. Vol. 2, no.1.
17. *Popov E. V., Vlasov M. V., Veretenikova A. Y.* Knowledge Generation within a Firm as an Object of Institutional Design // *Actual Problems of Economics*. 2013. No. 1.
18. *Veblen T.* The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. N. Y. : Huebsch, 1919.
19. *Wallis J., North D.* Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970 // *Long-Term Factors in American Economic Growth* / ed. by S. L. Engerman, R. E. Gallman. Chicago : University of Chicago Press, 1986.
20. *Williamson O. E.* Strategizing, Economizing and Economic Organization // *Strategic Management Journal*. 1991. Vol. 12, no. 1.

Урал XXI – пространство для экономического и инновационного развития

Я. П. Силин, Е. Г. Анимица, Н. В. Новикова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Наследие русского циклизма в исследовании индустриализации Уральского макрорегиона

Аннотация. В последние годы ведущие отечественные экономисты активно исследуют проблемы формирования новой модели социально-экономического роста страны. Среди многочисленных предлагаемых экономических моделей и формул особо выделяется модель новой (нео) индустриализации. Целью данной статьи является применение наследия научной школы русского циклизма для исследования развития индустриализации Уральского макрорегиона. Научная задача исследования – выявление основных циклов индустриального развития Урала, разработка циклично-волновой модели развития индустриализации в пространстве макрорегиона. На основании датировки «поворотных точек» (пиков и спадов) проведена периодизация промышленных циклов на Урале, выделены ведущие факторы, определяющие динамику в каждом цикле. Наиболее глубокие спады отмечаются в 1862 г., 1917–1920 гг., 1991–1995 гг. Практически все спады были связаны с «тектоническими» социально-экономическими сдвигами. Область применения результатов исследования – анализ динамики индустриального цикла, анализ путей неиндустриального развития Уральского макрорегиона.

Ключевые слова: русский циклизм; индустриализация; Уральский макрорегион; циклично-волновая модель.

Научная школа русского циклизма. Неоиндустриализация рассматривается нами как последовательная *вторая волна* процесса *индустриализации*, вследствие чего она может быть глубоко исследована в русле теорий и научных школ сложившейся *индустриальной научной парадигмы*, сформированных российской научной мыслью в последней четверти XIX – начале XX века.

Среди течений, заложивших основы индустриальной научной парадигмы, следует выделить научные школы *русского циклизма*.

Мы согласны с тем, что наиболее глубокое исследование кризисов принадлежит К. Марксу, который рассматривал их в рамках теории воспроизводства, раскрывая материальную основу периодичности кризисов – обновление основного капитала. Однако на рубеже XX века центр исследований циклов и кризисов переместился в Россию.

В частности, в научных исследованиях М. И. Туган-Барановского [34] и М. А. Бунятына [6] был дан глубокий анализ промышленных кризисов, их взаимосвязей с инновационным развитием. Первопроходцами школы русского циклизма были также Н. Я. Данилевский [10], В. В. Хлебников [36], М. М. Ковалевский [15].

Труды этих ученых можно рассматривать в рамках первой волны школы русского циклизма.

Вторая волна (1920–1930 гг.) связана прежде всего с трудами учеников М. И. Туган-Барановского: П. А. Сорокина [29; 30] и Н. Д. Кондратьева [17; 18; 19; 20], а также А. А. Богданова [5].

Н. Д. Кондратьев дал глубокий анализ влияния мировой войны на динамику циклов и кризисов [18] и выдвинул теорию больших циклов конъюнктуры, получившую всемирное признание [17]. Его теория долгосрочных циклов раскрыла взаимосвязь экономической динамики с научно-технологическими и социально-политическими трансформациями в обществе. Российским ученым была доказана закономерность выходов из кризиса на основе последовательных волн научных открытий, значимых изобретений и базисных инноваций [20], изложены основы экономической статики и генетики [19].

А. А. Богданов разработал общую теорию кризисов динамики социальных систем [5]. П. А. Сорокин исследовал циклическую динамику социально-культурной сферы и выявил многовековые циклы смены идеационального, чувственного и интегрального социокультурного строя [29; 30].

Российские ученые В. А. Базаров [3] и А. Л. Чижевский [37] внесли существенный вклад в теорию промышленных циклов и кризисов, больших циклов конъюнктуры, прогнозирования будущего.

В середине XX века отечественные ученые вновь вошли в авангард мировой научной мысли по вопросам исследования циклов и кризисов. Возрождение школы научных циклов (третья волна) приходится на середину 1980-х – начало 1990-х годов, когда вышли в свет ряд работ по теории циклов, кризисов, предвидения будущего. В конце 1990-х – начале 2000-х годов в связи с новыми экономическими кризисами возобновился интерес к теории кризисов и циклов, характеризующих постиндустриальное общество (см. подробнее: [28; 42]).

Третья волна активного использования идей русского циклизма преимущественно связана с именем и исследованиями научной школы Ю. В. Яковца. Ученым выделены научно-технические циклы [40]; детально изучены различные виды научных, технологических циклов и революций, сформулирован прогноз очередной научной-технологической революции конца XX века [39]; введено понятие изобретательно-инновационных и экологических циклов и обоснован меха-

низм программно-целевого планирования в условиях развернувшегося в СССР цивилизационного кризиса [41]. В 1991 г. Ю. В. Яковец предложил классификацию кризисов в обществе, сформулировал методологию предвидения кризисов, разработал блок-схему прогнозирования кризисов и путей выхода из них [40].

Можно утверждать, что в России сложилась лидирующая в мире школа русского циклизма, которая выступает составным элементом новой парадигмы обществознания, адекватной реалиям XXI века. В результате появилась единая теория циклов, кризисов и инноваций, находящих выражение в периодических трансформациях общества [8; 38].

Общая теория циклического (волнового) развития включает следующие основные положения, используемые нами в рамках данного исследования:

- а) цикличность означает нелинейность развития;
- б) длительность циклов объективно обусловлена и меняется во времени и пространстве;
- в) каждый цикл индивидуален;
- г) циклы в смежных сферах взаимосвязаны.

Циклично-волновая модель развития индустриализации в пространстве Уральского макрорегиона. Историческое движение развития промышленности Урала – это длительный, растянутый во времени и пространстве сложный процесс, состоящий из ряда сменяющихся друг друга циклов.

Учитывая устойчивость структуры хозяйства Урала, в которой в разные периоды времени от 30 до 60 % составляло горно-металлургическое производство, нами для построения циклично-волновой модели индустриализации использованы динамические ряды натуральных показателей выпуска чугуна, стали, проката предприятиями макрорегиона (рис. 1, 2, 3). В настоящее время динамические ряды натуральных показателей – это главный метод получения сопоставимых долговременных рядов промышленной динамики, датировки «поворотных точек» в циклах роста экономики макрорегиона.

Нами построена, проанализирована и обобщена погодная динамика промышленного производства Урала с начала XVIII века по 2016 г. На этой основе путем датировки «поворотных точек» (пиков и спадов) проведена периодизация промышленных циклов на Урале с выделением ведущих факторов динамики в каждом цикле.

С точки зрения развития промышленности Уральского макрорегиона можно выделить четыре больших цикла:

- а) первый цикл – *протоиндустриализация* – охватывает период с начала XVIII века и до конца 1850-х – начала 1860-х годов;

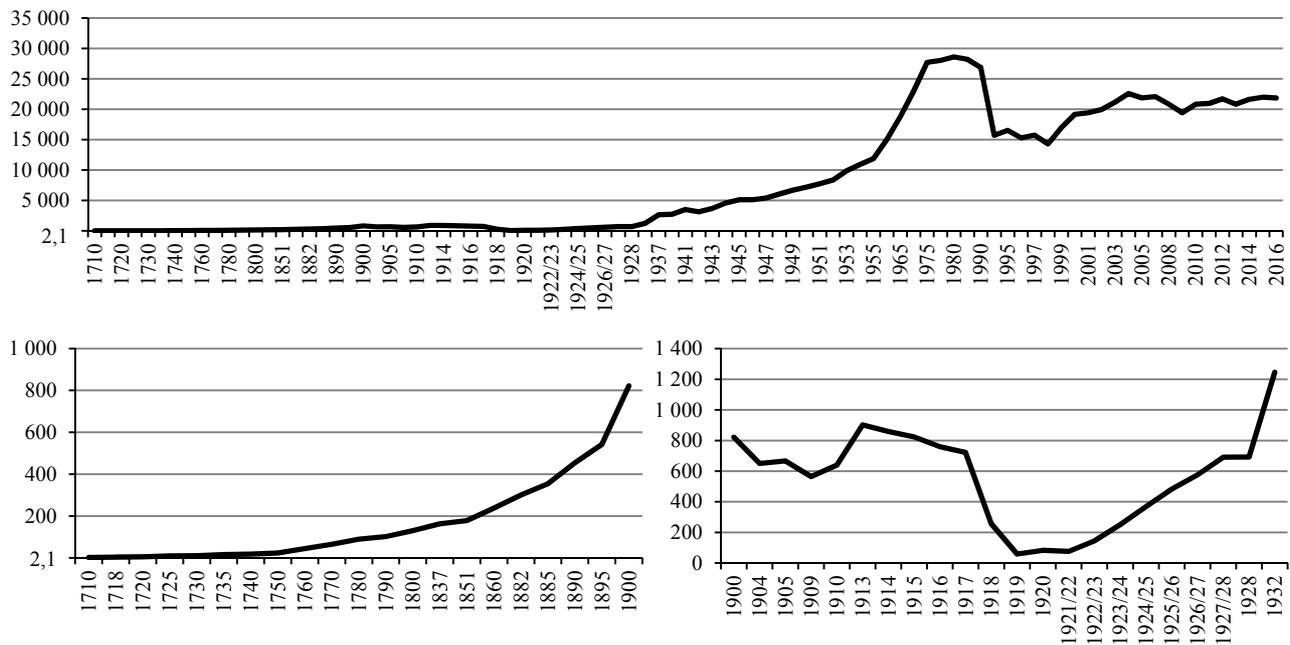

Рис. 1. Динамика выплавки чугуна предприятиями Уральского макрорегиона за 1710–2016 гг.¹, тыс. т

¹ Динамические ряды рис. 1, 2, 3 выстроены на основе статистических материалов Российской империи, СССР (ЦСУ, ЦУНХУ), Российской Федерации.

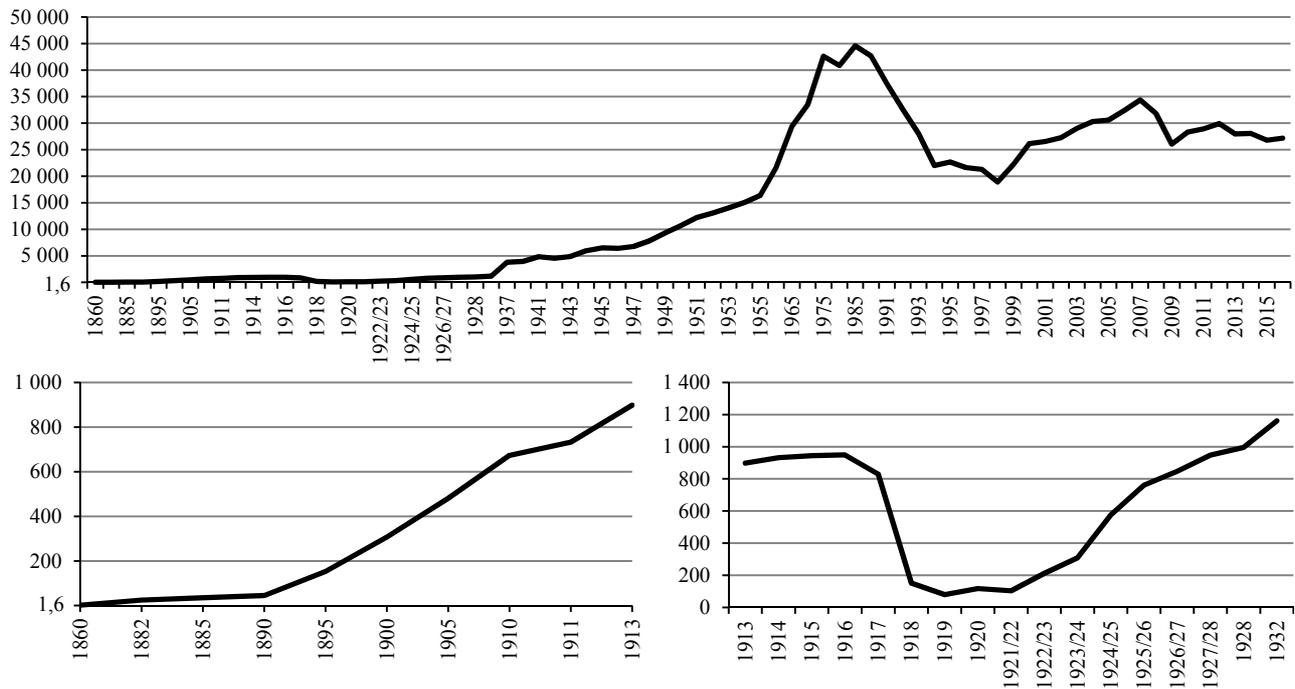

Рис. 2. Динамика выплавки стали предприятиями Уральского макрорегиона за 1860–2016 гг., тыс. т

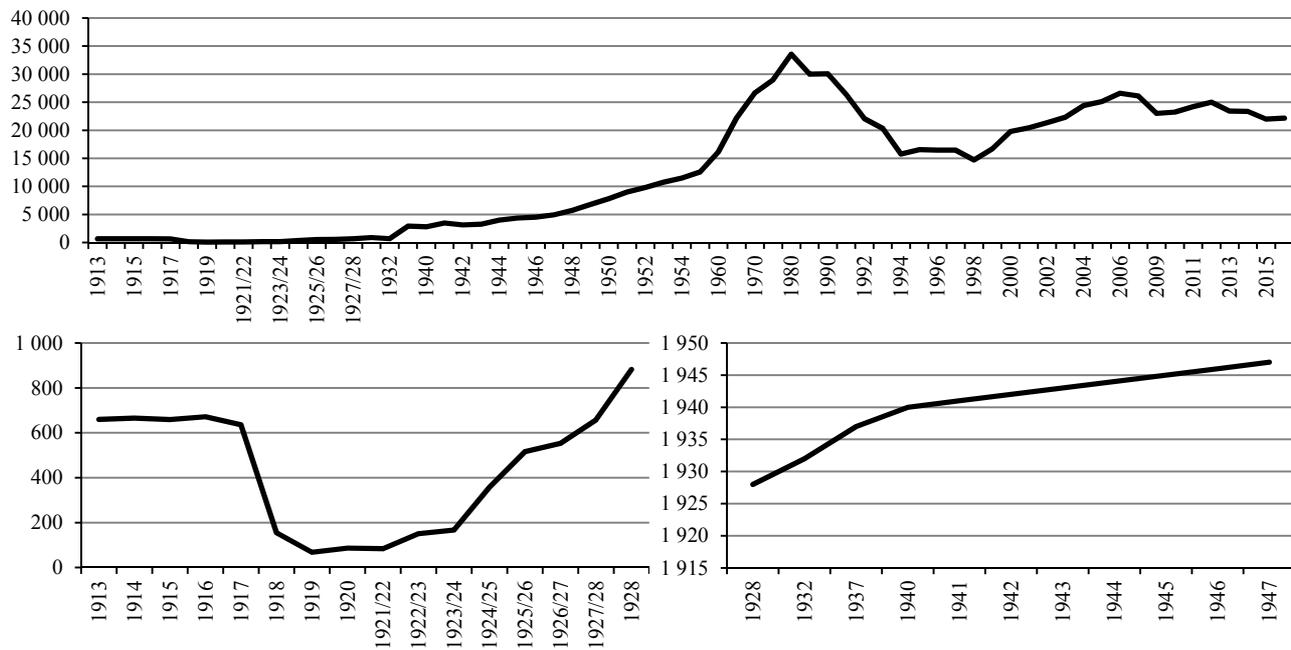

Рис. 3. Динамика производства проката предприятиями Уральского макрорегиона за 1913–2016 гг., тыс. т

б) второй цикл – *собственно индустриализация* – состоит из двух фаз. Первая – с начала 1860-х годов до середины 1920-х годов. Вторая фаза охватывает почти весь административно-командный период – середина 1920-х – конец 1980-х – начало 1990-х годов;

в) третий цикл – активизация процессов *деиндустриализации*, связанных с проявлением системного кризиса, зарождение неоиндустриализации – с начала 1990-х до 2020-х годов;

г) четвертый цикл – *неоиндустриализация* – с 2020-х до 2035–2040-х годов (рис. 4).

Разумеется, хронологические рамки этих циклов в известной мере условны. Между тем порогами периодизации послужили резкие, переломные моменты в развитии уральской промышленности, вызванные проявлением совокупности общегосударственных и региональных процессов и тенденций.

Каждый из выделенных четырех циклов развития уральской промышленности представляет собой некую целостность. Он внутренне организован, выделяется собственным внутренним временем, особенностями протекания региональных производственно-экономических, научно-технических и иных процессов.

Чтобы протянуть общую, осевую линию через все историческое время, в рамках которого развивалось уральское хозяйство, следует не только определить специфическое, свойственное лишь тем или иным последовательно сменяющимся циклам и фазам, но и выделить то общее, что объединяет их в целостное образование – уральское хозяйство.

Урал на протяжении трех циклов формировался и развивался в качестве особого типа социокультурного и экономического региона, определяющее влияние на развитие которого оказывала горнозаводская и военная промышленность. Экономика региона медленно эволюционировала от аграрной к индустриальной (горнозаводской), в которой особую роль играло государство.

Взаимосвязанные технико-технологические, экономические, социальные и административно-организационные слагаемые сложной уральской экономики развивались противоречиво, почти никогда не достигая равновесного состояния. Периоды промышленного подъема не сопровождались адекватным повышением уровня жизни населения.

Урал стал полигоном для реализации «русской модели» индустриализации, когда государство инициирует проведение ускоренной индустриализации, опираясь при этом на внутренние человеческие, природные и финансовые ресурсы, без крупных иностранных инвестиций, формирует самостоятельно практически все сектора экономики [27].

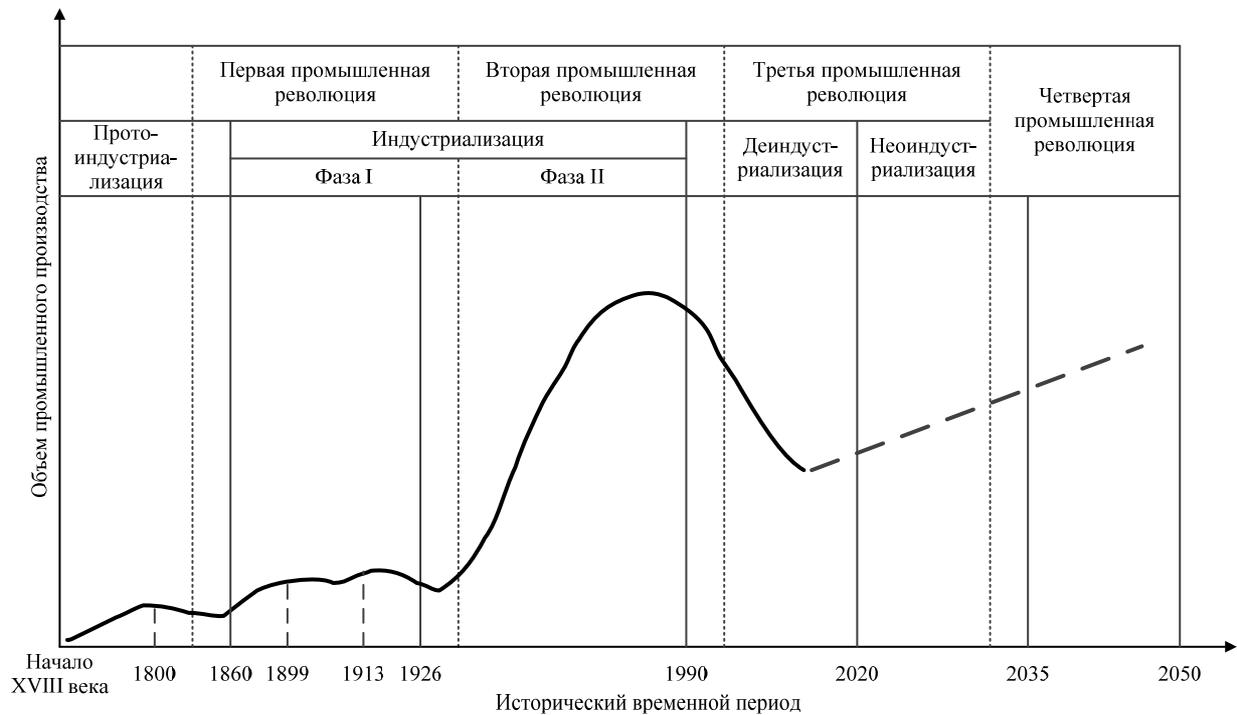

Рис. 4. Циклично-волновая модель развития индустриализации в пространстве Урала

Чтобы в кратчайшие сроки провести индустриализацию, требовались не просто гигантские по масштабам человеческие ресурсы, но при этом обязательно очень дешевые. Поэтому широко применялось внеэкономическое принуждение, в частности, привлекались многочисленные подразделения ГУЛАГа, а также принудительный труд крестьян и депортированных народов.

Интересы ускоренной индустриализации потребовали организовать добычу и переработку подземных богатств, особенно стратегически важных, среди которых – золото, платина, вольфрам, кобальт, уран.

Промышленные гиганты, составившие базис промышленности Урала, закрепили его монопрофильный характер.

Ураловеды основательно исследовали эволюцию развития уральской промышленности, начиная с XVIII века до начала XXI века (см., например: [2; 3; 4; 7; 11; 21–24; 26; 33; 35]). Они убедительно показали, что от развития промышленности макрорегионов, подобных Уральскому, во многом, если не в определяющей степени, зависит и будущее всей Российской Федерации.

Остановимся подробнее на сущностных признаках выделенных циклов развития индустриализации в пространстве Урала.

Первый цикл – протоиндустриализация. Первый цикл – *протоиндустриализация* Урала – датируется началом XVIII века и длится до конца 1950-х – начала 1960-х годов.

Уральские железодельательные предприятия являлись мануфактурами, основанными на разделении преимущественно *ручного труда* и применении механизмов, приводимых в движение силой *воды*.

Известный знаток Урала И. В. Комар писал: «По своей организации уральские заводы представляли типичные мануфактуры. Они работали на водной энергии, имели огнедействующие и вододействующие устройства и механизмы <...> Весьма характерным для этих мануфактур было сложное переплетение феодальных и капиталистических элементов» [16, с. 86].

Металлургические заводы периода протоиндустриализации плавил металл только на древесном угле и строились исключительно в лесной полосе, в руслах многочисленных уральских рек, в привязке к ним. В этот период отсутствовали весомые стимулы внедрения в производство технических усовершенствований первой промышленной революции, которая активно развертывалась в странах Западной Европы (1760–1840 гг.), по причине использования даровой рабочей силы уральских крепостных крестьян.

В результате инновации первой промышленной революции пришли в Россию и на Урал с опозданием почти на 100 лет.

Второй цикл – собственно индустриализация. В рамках второго цикла индустриализации на Урале можно выделить две самостоятельные фазы, связанные с первой и второй промышленными революциями.

Первая фаза индустриализации (начало 1860-х – середина 1920-х годов) олицетворяла первую (для России) промышленную революцию, для которой характерно изобретение *парового двигателя*, двигателя внутреннего сгорания, способствующих возникновению и развитию крупной машинной индустрии. Она связана с отменой в 1861 г. крепостного права в России, внедрением передовых технологий первой промышленной революции, изменением политики российского правительства в пользу развития отечественной промышленности, развертыванием железнодорожного строительства, значительно повысившего спрос на металл. В этот период через Урал прошла величайшая в мире по протяжению железнодорожная Транссибирская магистраль.

Однако процесс индустриализации на территории Урала проходил очень непросто, что было обусловлено рядом факторов. В частности, новые инновационные технологии первой промышленной революции позволили металлургическим предприятиям Западной Европы и США осуществить переход на каменноугольное топливо и отказаться от древесного угля, вследствие чего значительно повысить эффективность производства. Для металлургов Урала это оказалось невозможным, поскольку на территории региона отсутствовали месторождения коксующихся углей и до конца XIX века не было железных дорог, по которым их можно было доставить.

Специфика индустриализации Уральского макрорегиона заключалась в том, что технический прогресс осуществлялся на базе отсталого древесноугольного производства металла. К 1900 г. подавляющее большинство домен Урала работало на горячем дутье, паровая машина и усовершенствованные гидротурбины заняли ведущее положение, вытеснив примитивные водяные колеса. Если в 1860 г. в силовом хозяйстве доля паровых машин и усовершенствованных турбин составляла 13,6 %, то в 1900 г. – 81,5 % [12, с. 19].

Еще одна специфическая черта индустриализации Урала – это глубокий финансовый кризис, для преодоления которого российское правительство предоставило уральским горнозаводчикам финансовую поддержку, были предприняты решающие меры для создания общероссийской железнодорожной сети.

В 1880–1890-е годы на Урале было построено 16 металлургических заводов, среди которых такие крупные, как Чусовской (1883 г.), Надеждинский (1896 г.), Аша-Балашевский (1900 г.). Как правило, они

оснащались передовой по тому времени прогрессивной техникой, закупаемой в странах Западной Европы и США или производимой отечественными заводами.

Индустриализация на Урале связана с возникновением предприятий военного ведомства. Необходимость развития *военного производства* стала еще одним фактором, ускоряющим процесс индустриализации на Урале. После Крымской войны (1853–1856 гг.), выявившей технико-экономическую отсталость России, правительство вынуждено было начать перевооружение армии. Важную роль в этом процессе сыграли уральские заводы (в частности, Пермский пушечный (Мотовилихинский) завод, Ижевский оружейный завод).

Однако к началу социалистических преобразований экономика горнозаводского Урала находилась в катастрофическом состоянии, испытывая серьезные последствия Гражданской войны. В 1920 г. объем промышленной продукции на Урале составил 12 %, выплавка чугуна – 9 %, а добыча железной руды – 7 % по отношению к довоенному 1913 г. [13, с. 148].

Вторая фаза индустриализации на Урале (середина 1920-х – конец 1980-х – начало 1990-х годов) представляет сталинскую форсированную индустриализацию, следствием которой стало строительство крупных предприятий тяжелой промышленности – комбинатов металлургии, основной химии, тяжелого машиностроения. Особенностью данного этапа индустриализации является опора исключительно на собственные ресурсы – природные, кадровые, финансовые, научно-технические и пр.

Данный период связан с широким применением достижений второй промышленной революции – *электричества*, внедрением новой техники. В это время в развитых странах Западной Европы завершилась вторая промышленная революция (конец XIX – середина XX века), Россия и Урал находились в состоянии догоняющей индустриальной модернизации.

Самым важным фактором второй промышленной революции было электричество – наиболее удобная форма энергии, которую можно было производить по мере необходимости. Могучим рычагом развития экономики Урала стали механизация и электрификация на основе местных источников энергии и привлечения коксующихся углей из других восточных регионов страны, формирование Урало-Кузнецкого комбината.

В результате прохождения второй фазы промышленной революции Урал превратился в крупнейший индустриальный регион мира, в котором решающую роль играли металлургия, тяжелое машиностроение, химия, отрасли ОПК.

Когда в Европе началась вторая промышленная революция, Урал, как и вся Россия, начал движение в сторону первой. Поэтому не случайно И. Сталин на Первой Всероссийской конференции работников социалистической промышленности в феврале 1931 г. рассуждал: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [32, с. 20]. Со временем эти слова превратились в прописную истину.

Правительством была поставлена задача создания на Урале многоотраслевого комплекса общегосударственного значения, органически связанного с экономикой всей страны.

Перспективы дальнейшего развития Урала требовали коренной модернизации промышленности, реализации поставленной задачи превращения страны из аграрной в индустриальную, способную производить собственными силами необходимое оборудование. *Индустриализация* была признана ключевым направлением развития страны и ее регионов, укрепления материально-технической базы, решающим средством ликвидации технико-экономической отсталости и повышения обороноспособности.

Важнейшей составной частью индустриализации была техническая реконструкция уральской промышленности, предусматривающая как обновление и развитие традиционных отраслей (металлургии, горнорудной промышленности), так и ускоренное создание новых, не получивших развития в прошлом – машиностроения, химической, легкой и пищевой промышленности и др. Интересно отметить, что спустя сто лет те же идеи предлагаются идеологами новой индустриализации России.

Главной задачей развития Урала стало превращение его в срединную угольно-металлургическую базу страны для более полного использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири, создание на Урале нового *индустриального центра* общегосударственного значения на основе высоких темпов развития ведущей отрасли края – металлопромышленности, интенсификации топливно-энергетической базы, формирования общеуральской энергосистемы.

Основной ресурс *индустриальной модернизации* – *государственная политика*, в рамках реализации которой были выделены крупные капитальные вложения, в частности, в 1931 г. в размере 2 250 млн р., в 1932 г. – 2 485 млн р., в том числе в промышленность направлялись соответственно 1 040 млн и 1 654 млн р., т. е. более 20 % общесоюзных ассигнований [1, с. 487].

Итогом первых лет индустриализации стали структурные изменения в тяжелой промышленности Урала. В частности, за 1928–1932 гг. увеличился удельный вес наиболее перспективных по тем временам

отраслей тяжелой индустрии – электроэнергетики, химической промышленности и машиностроения. Крупный шаг сделало машиностроение: уступая в 1928 г. черной металлургии почти в три раза, оно к 1932 г. вплотную подошло к ней. Урал в годы первой пятилетки превратился из района в основном добывающей промышленности и первичной переработки в район по преимуществу машиностроения, обрабатывающей промышленности.

В период 1926–1932 гг. были построены крупнейшие предприятия тяжелой индустрии (комбинаты) – Уральский завод тяжелого машиностроения, Челябинский тракторный завод, Уралвагонзавод и др.

За 1926–1935 гг. на Урале был создан крупный центр отечественного машиностроения. В результате строительства новых и реконструкции старых машиностроительных предприятий производственные фонды выросли с 1926 по 1932 г. в 2,5 раза и к концу 1932 г. уступали только фондам черной металлургии [31, с. 37]. В эти годы сформировалась новая отрасль экономики Урала – *станкостроение*.

Главнейшей особенностью развития хозяйства Уральского региона в 1933–1937 гг. (вторая пятилетка) стало его ярко выраженное *индустриальное направление* (рис. 5).

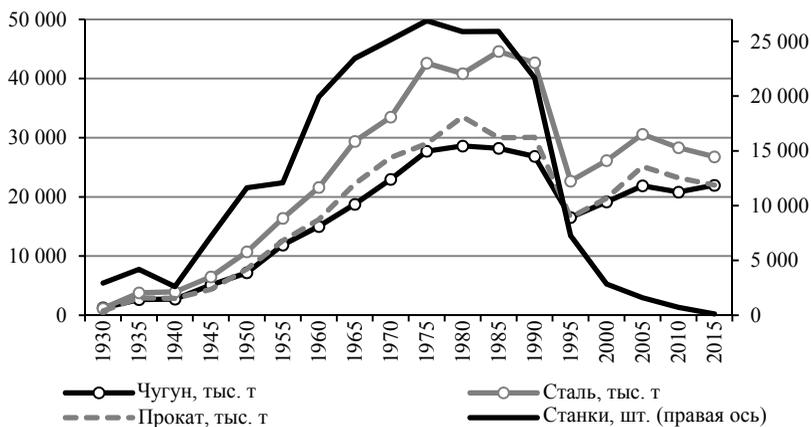

Рис. 5. Динамика производства основных видов промышленной продукции предприятиями Уральского макрорегиона за 1930–2015 гг.

Если в целом по СССР капиталовложения в промышленности составили 47,8 %, то на Урале – 74,7 %. Другой характерной чертой было преимущественное развитие производства средств производства предприятиями тяжелой индустрии. Из 5 333,1 млн р., освоенных в про-

мышленности, 4 793 млн р. пошли на строительство предприятий тяжелой индустрии.

По итогам выполнения правительственных заданий второй пятилетки в Уральском макрорегионе были сформированы *промышленные узлы*, которые впоследствии стали основой создания единого народно-хозяйственного комплекса Урала, что является ярким проявлением *пространственной модернизации*.

В годы Второй мировой войны процессы индустриализации ускорились, перестройка экономики Урала включала перевод заводов на выпуск военной продукции, прием, размещение и ввод в строй эвакуированных предприятий. Уральский макрорегион пережил «буквально промышленную революцию» [14, с. 283] и превратился в мощный индустриальный район СССР.

Об этом ярко свидетельствуют следующие цифры: удельный вес Урала в валовой продукции промышленности страны составлял в 1940 г. 6,4 %, в 1941 г. – 9,1 %, в 1942 г. – 23,2 %, в 1943 г. – 23,5 %, в 1944 г. – 22,2 % и в 1945 г. – 20,9 %. В 1943 г. на Урале производилось продукции столько же, сколько в Поволжье, Западной Сибири, Казахстане и Средней Азии вместе взятых [12, с. 216].

В послевоенный период машиностроение Урала становится одним из значимых центров технического оснащения и перевооружения важнейших отраслей экономики.

За 1950–1960 гг. в результате прохождения второй фазы индустриализации существенно *изменилась отраслевая структура* экономики Урала. Преимущественное развитие получили отрасли, производящие черные металлы и прокат, а также строительные (цемент, железобетон) и лесные (деловая древесина, пиломатериалы) материалы, необходимые для капитального строительства.

К середине 1980 г. Урал превратился в типичный старопромышленный регион, в экономике которого доминируют машиностроение и энергоемкие отрасли тяжелой индустрии, в частности металлургия, горнодобывающее, химическое, тяжелое машиностроение, успешно развивающиеся более ста лет, но в условиях рыночных преобразований претерпевающие значительный спад.

Подобное толкование понятия «старопромышленный регион» широко представлено в отечественной и зарубежной экономической литературе [9; 25]. «Классические» старопромышленные регионы, зародившиеся в Манчестере (Великобритания), Руре (Германия), Лилле (Франция), сформировали эмпирическую и концептуальную основу теории развития старопромышленных регионов [43; 44; 45].

Третий цикл – деиндустриализация. Третий цикл развития индустриализации в пространстве Уральского макрорегиона охватывает

период с начала 1990-х до 2020-х годов. В рамках этого цикла наблюдаются активизация процессов *деиндустриализации*, что является следствием тяжелого системного кризиса, и появление предпосылок *новой индустриализации* на технологической основе *четвертой промышленной революции*.

Процессы деиндустриализации нами рассматриваются в тесной связи с фазой кризиса, который носил глубокий структурно-системный, экономический, технологический, социально-политический, идеологический, бюджетно-финансовый характер. Глубина кризиса усугублялась распадом СССР и необходимостью построения на его развалинах новой страны – России.

В этот период развитые страны мира активно внедряли в свое производство достижения третьей промышленной революции, связанные с использованием компьютерных, информационно-коммуникационных и иных новейших технологий.

Уральская промышленность не была подготовлена к переходу на рыночные отношения. Потеря предприятиями государственного финансирования и заказов, разрушение традиционной системы снабжения и сбыта продукции, разрыв внутриотраслевых и межотраслевых производственных связей, недостаток оборотных средств и слабое инвестирование, резкое повышение цен на сырье, электроэнергию, топливо, транспортные услуги, резкий спад в стране металлопотребления и производства оборонной техники, огромное уменьшение спроса на металлы со стороны машиностроения, станкостроения, строительства вызвали катастрофическое падение экономики Уральского макрорегиона.

Финансовый кризис августа 1998 г. привел к резкому росту очень чувствительных для металлургических предприятий цен на рудное сырье, каменный уголь, ферросплавы, железнодорожные перевозки. Из-за низкой покупательной способности отечественных потребителей российские предприятия не могли реализовать свою продукцию на внутреннем рынке и были вынуждены переориентироваться на внешний.

Не все промышленные предприятия Уральского макрорегиона, опираясь на мощный производственный базис, созданный в советское время, смогли пережить 1990-е годы, адаптироваться к новой экономической ситуации, осуществить выход на мировой рынок. В лучшем положении оказались металлургические предприятия, ориентированные на экспорт своей продукции, более сложная ситуация сложилась в машиностроении (см. рис. 5).

Последствия либерально-рыночных реформ ярко проявляются и в настоящее время. В частности, в быстроменяющемся мире за последние пять лет (2012–2016 гг.) физический объем ВВП Китая (в по-

стоянных ценах) вырос на 32 %, Индии – на 31 %, Индонезии – на 22 %, Малайзии – на 21 %, Вьетнама – на 27 %. На этом фоне Россия потеряла 1,1 %.

В 2016 г. РФ уступила лидирующие позиции в мире по количеству космических пусков, ее обогнали США и Китай. Появились признаки сокращения доли нашей страны на мировом рынке вооружений в пользу Китая (по данным SIPRI).

Урал традиционно остается экспортером стали и продуктов из нее, однако по объему производства этой ключевой позиции макрорегион находится на уровне 2000 г.

Четвертый цикл – неоиндустриализация. Новая индустриализация России и ее регионов связана с необходимостью выхода из глубокого системного кризиса. На Урале она совпадает по времени с началом четвертого цикла индустриализации в условиях окончания третьей и начала четвертой промышленной революции. В настоящее время мы не в полной мере осознаем скорость темпов развития, размаха и глубины новой промышленной революции.

Решающим фактором формирования четвертой промышленной революции является разнообразие техники, основанной на цифровой экономике.

Учитывая высокий уровень затрат на инновационные производства, соответствующие пятому и шестому технологическим укладам, создание высокотехнологичных секторов экономики требует научного, трудового, материального, информационного, финансового и прочих потенциалов в регионе, а также политики поддержки со стороны федеральных и региональных органов власти.

В связи с тем, что образ будущего облика экономики России видится расплывчатым, непознанным и в первую очередь в связи с растущим отставанием ее в научном и технологическом развитии от развитых государств, для выявления стратегических направлений и отраслевых приоритетов новой индустриализации использованы стратегические ориентиры, заложенные в документах Российской Федерации, субъектов РФ, входящих в состав Урала, ведущих предприятий региона с учетом общемировых тенденций.

Считаем, что детерминанты развития промышленности Урала на этапе четвертого цикла, который охватывает конец третьей промышленной революции и начало четвертой, находятся в сфере преимущественного развития *средств производства*. Среди них особо отметим: оборонно-промышленный комплекс (предприятия присутствуют во всех субъектах Уральского макрорегиона); производство беспилотных летательных аппаратов (Республика Удмуртия, Свердловская область); атомная промышленность (Свердловская, Челябинская области, Рес-

публика Удмуртия); производство робототехники (Челябинская область и Пермский край); информационные технологии (Пермский край); аддитивные технологии (Свердловская область); производство наноматериалов (Свердловская область, Челябинская область, Пермский край, Республика Башкортостан); выпуск металла, производство механизмов и машин для работы в условиях низких температур Арктики (производственный потенциал имеется во всех субъектах Уральского макрорегиона). Последнее направление хотелось бы выделить как исключительно уральское, аналоги которого практически отсутствуют на территории России.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что Уральский макрорегион имеет все исторически сложившиеся предпосылки и условия для выхода на новую траекторию экономического роста.

Библиографический список

1. *XI Уральская областная конференция ВКП(б): стенографический отчет.* Свердловск ; М. : Партийное изд-во, Урал. обл. отд-ние, 1932.
2. *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008.
3. *Базаров В. А.* Кривые развития капиталистического и советского хозяйства // *Плановое хозяйство.* 1926. № 4.
4. *Белов В. Д.* Исторический очерк уральских горных заводов / Высочайше утвержденная Постоянная Совещательная Контора Железозаводчиков. СПб. : Тип. Исидора Гольдберга, 1896.
5. *Богданов А. А.* Всеобщая организационная наука (Тектология). М. : Кн. изд-во писателей в Москве, 1917.
6. *Бунятян М. А.* Экономические кризисы: опыт морфологии и теории периодических экономических кризисов и теории конъюнктуры. М. : Тип. и цинк. т. д. «Мысль» Н. П. Меснянкин и К^о, 1915.
7. *Вяткин М. П.* Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. М. ; Л. : Наука, 1965.
8. *Глазьев С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика, 2010.
9. *Гранберг А. Г., Артоболевский С. С., Ковалева Г. А.* Реструктуризация старопромышленных регионов: опыт России и мира // *Региональное развитие и сотрудничество.* 1998. № 1-2.
10. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб. : Н. Стрехов, 1895.
11. *Зуйков В. Н.* Создание тяжелой индустрии на Урале (1926–1932 гг.). М. : Мысль, 1971.
12. *История народного хозяйства Урала : в 2 ч. / отв. ред. М. А. Сергеев.* Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. Ч. 1 (1917–1914).

13. *История Урала* : в 2 т. / В. Ф. Попов, А. Н. Фадеев, В. Г. Черемных [и др.] ; под общ. ред. И. С. Капсуговича. Пермь : Пермское кн. изд-во, 1977. Т. 2 : Период социализма.
14. *Калинин М. И.* Статьи и речи (1941–1946). М. : Политиздат, 1975.
15. *Ковалевский М. М.* Экономический строй России : пер. с фр. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1899.
16. *Комар И. В.* География хозяйства Урала. М. : Наука, 1964.
17. *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М. : Экономика, 2002.
18. *Кондратьев Н. Д.* Мировая экономика и ее конъюнктура во время и после войны. Вологда : Областное отд-ние гос. изд-ва, 1922.
19. *Кондратьев Н. Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. М. : Наука, 1991.
20. *Кондратьев Н. Д.* Основы экономической статики и динамики: предварительный эскиз. М. : Наука, 1991.
21. *Курский А. Д.* Размещение промышленности в первой пятилетке. М. ; Л. : Стандартизация и рационализация, 1933.
22. *Металлургические заводы Урала XVII–XX веков*: энциклопедия. Екатеринбург, 2001.
23. *Митинский А. Н.* Горнозаводской Урал. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1909.
24. *Озеров И. Х.* Горные заводы Урала. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытин, 1910.
25. *Романова О. А., Акбердина В. В., Брянцева О. С.* Потенциал старопромышленного региона в условиях неоиндустриальной парадигмы развития // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2013. № 02(93).
26. *Сигов С. П.* Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936.
27. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Региональные аспекты новой индустриализации // *Экономика региона*. 2017. Т. 3, вып. 3.
28. *Ситнин В. К., Яковец Ю. В.* Экономический механизм повышения эффективности производства. М. : Экономика, 1978.
29. *Сорокин П.* Главные тенденции нашего времени. М. : Наука, 1997.
30. *Сорокин П.* Экономическая и социальная динамика. М., 1997.
31. *Социалистическое строительство Урала за 15 лет*. М. : Фукс ; Свердловск : Уральское областное управление народнохозяйственного учета, 1932.
32. *Сталин И.* О задачах хозяйственников. Речь на первой Всероссийской конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // *Сталин И. Сочинения*. Т. 13. М. : Государственное изд-во политической литературы, 1951.
33. *Тиунов В.* Мировые гиганты на Урале. Свердловск ; М. : ОГИЗ, 1931.
34. *Туган-Барановский М. И.* Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1894.
35. *Уральская железная промышленность в 1899 г.*, по отчетам о поездке, совершенной с высочайшего соизволения: С. Вуколовым, К. Егоровым,

П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте / ред. Д. Менделеев. СПб. : М-во финансов, Деп. торговли и мануфактур, 1900.

36. *Хлебников В.* Творения. М.: Сов. художник, 1986.

37. *Чижевский А. Л.* Космический путь жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М. : Мысль, 1995.

38. *Яковец С. Ю.* Глобально-экономические трансформации XXI века. М. : Экономика, 2011.

39. *Яковец Ю. В.* Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование. М. : Экономика, 1984.

40. *Яковец Ю. В.* Методологические рекомендации по прогнозированию кризисов и путей выхода из них. М. : АНХ, 1991.

41. *Яковец Ю. В.* Ускорение научно-технического прогресса: теория и экономический механизм. М. : Экономика, 1988.

42. *Яковец Ю. В.* Школа русского циклизма: единая теория циклов, кризисов и инноваций // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 6.

43. *Carney J., Hudson R., Lewis J.* Region in Crisis. L. : Croom Helm, 1980.

44. *Lorber L.* Holistic approach to revitalized old industrial areas // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. № 120.

45. *Steiner M.* Old Industrial Areas: A Theoretical Approach // Urban Studies. 2009. № 46.

Е. Б. Дворядкина, Е. И. Кайбичева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Периферийные территории старопромышленного региона на пороге новой индустриализации (на материалах Свердловской области)

Аннотация. Представлена развернутая характеристика процессов новой индустриализации, протекающих в старопромышленном регионе (Свердловской области) и на его периферии. Показана ключевая роль промышленности в экономике рассматриваемого субъекта РФ и его периферийных муниципальных образований.

Количественное и качественное развитие промышленности, связанное с «новой индустриализацией», является залогом успешного развития области. Качественные характеристики промышленного производства свидетельствуют о том, что генератором основных инноваций выступают промышленные предприятия, расположенные в центре региона. Периферийные территории Свердловской области служат ресурсной базой развития промышленности субъекта РФ. Сделан вывод: развитие Свердловской области в целом и ее периферийных территорий в частности может быть связано с распространением инновационных импульсов центра на периферию, с технологическим перевооружением действующих на периферии предприятий.

Ключевые слова: периферия; старопромышленный регион; новая индустриализация; региональная экономика.

Введение. Старопромышленные регионы, основными характеристиками которых являются ранняя индустриализация, специализация на отдельных отраслях промышленности, доминирование в экономике крупных промышленных предприятий [3; 4], сегодня оказались перед вызовом проведения новой индустриализации. Восстановление объемов промышленного производства, техническое перевооружение действующих предприятий и создание новых, внедрение в производственный процесс самых современных технологий – таков «рецепт», который «прописывают» данным регионам экономисты и политики. Нет сомнений в правильности предложенных мер. Однако встает вопрос о их применимости в различных точках регионального пространства. Как идут процессы новой индустриализации на периферии? Какова их специфика? Ответы на эти вопросы и определили цель настоящего исследования, заключающуюся в характеристике процессов новой индустриализации на периферии старопромышленного региона. Работа выполнена на материалах предприятий Свердловской области как одного из наиболее ярких промышленных регионов Урала, обеспечивающего

производство 85,4 % российских буровых установок, 18,7 % мостовых электрических кранов, 22,1 % стальных труб, десятой части готового проката черных металлов, выплавки чугуна и стали.

Центр и периферия старопромышленного региона: ключевые характеристики. Применительно к российским старопромышленным регионам центральные территории – это, как правило, крупные промышленные центры, имеющие статус административного центра субъекта РФ. В Свердловской области бесспорным лидером по многим социально-экономическим показателям является муниципальное образование «город Екатеринбург». Говоря о развитии промышленности, можно отметить на карте области четыре крупных центра:

1) Екатеринбургская агломерация с городами-спутниками Березовский, Полевской, Верхняя Пышма, Асбест, Первоуральск, Ревда;

2) так называемый Северный «куст» – Североуральск, Карпинск, Краснотурьинск, Серов;

3) Нижнетагильский узел – Нижний Тагил, Верхняя Салда, Краснотурьинск;

4) промышленный центр, представленный городом Каменском-Уральским.

Периферийные территории региона, как правило, представлены наиболее отсталыми в экономическом отношении муниципальными образованиями, реализации потенциала которых во многом препятствует неразвитость инфраструктуры. Их основными чертами являются устаревшая производственная инфраструктура, высокий износ основных фондов, относительно низкий уровень заработной платы, низкая восприимчивость к инновациям. Периферия Свердловской области представлена следующими десятью муниципальными образованиями: городской округ Пелым; Волчанский городской округ; городской округ Верхотурский; Гаринский городской округ; Новолялинский городской округ; Сосьвинский городской округ; Махневское муниципальное образование; Тавдинский городской округ; Талицкий городской округ; Туринский городской округ.

Промышленное производство на периферии: современное состояние. Расчет индекса хозяйственной специализации, произведенный по нижеприведенной формуле, позволил определить отрасли (виды экономической деятельности) специализации для муниципальных образований Свердловской области и сделать вывод, что значительная часть периферийных территорий имеет промышленную специализацию:

$$K_s = \frac{I_i}{I_r},$$

где K_S – индекс хозяйственной специализации; I_i – доля занятых в определенном виде деятельности в i -м муниципальном образовании; I_r – доля занятых в этом же виде деятельности в Свердловской области.

Лишь несколько муниципальных образований региона, включая административный центр – город Екатеринбург, характеризуются полиотраслевой структурой экономики.

Удельный вес центральных и периферийных территорий в основных показателях промышленности Свердловской области представлен в таблице. Стоит заметить, что реальный вклад промышленных предприятий периферии и центра в соответствующие региональные показатели будет выше, чем приведенные значения. Это обусловлено отсутствием части необходимой для расчетов информации в открытом доступе (см. таблицу)¹.

**Удельный вес центральных и периферийных территорий
Свердловской области в показателях объема отгруженных товаров
собственного производства, выполненных работ и услуг
собственными силами по видам экономической деятельности, % к итогу**

Вид экономической деятельности	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Центральные территории (МО «город Екатеринбург»)*						
Добыча полезных ископаемых	1,02	0,97	1,13	1,30	1,28	1,21
Обрабатывающие производства	17,14	17,10	16,34	18,07	17,70	21,17
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	33,48	34,19	35,88	38,50	37,60	37,07
Периферийные территории (10 муниципальных образований)*						
Добыча полезных ископаемых	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Обрабатывающие производства	1,32	0,06	0,02	0,10	0,01	0,01
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,39	0,49	0,49	0,53	0,51	0,44

Примечание. База данных показателей муниципальных образований Свердловской области. URL : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DbInet>.

* Без учета данных, которые не публикуются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций, в соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (ст. 4, п. 5; ст. 9, п. 1).

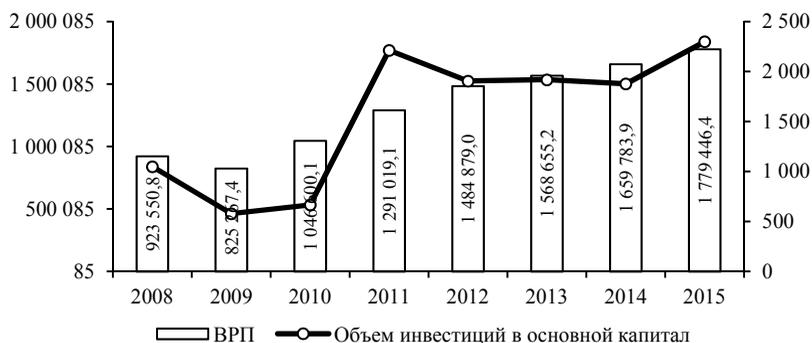
Новая индустриализация на периферии Свердловской области. И. В. Макарова и Г. Б. Коровин, анализируя процессы новой индустриализации в Свердловской области, пришли к заключению, что основными трендами их развития являются «рост инновационной и инвестиционной активности промышленных предприятий; измене-

¹ См. подробнее: *Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации* : федер. закон от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г.) // *Собрание законодательства РФ.* 2007. № 49. Ст. 6043.

ние структуры трудового баланса в сторону роста удельного веса людей с высшим, профессиональным, специальным образованием; увеличение доли наукоемких и высокотехнологичных производств; усиление вертикальной интеграции в экономике, достигаемой в рамках формируемых кластеров» [1, с. 2]. Определим, насколько сложившиеся тренды справедливы в отношении периферийных территорий. Обратимся к статистике.

Начнем с анализа *инвестиционной деятельности предприятий* как залога «нового индустриального» пути развития.

Основными источниками инвестиций для предприятий периферийных территорий Свердловской области остаются собственные средства. В 2015 г. за счет собственных средств предприятий было профинансировано 51,9 % инвестиций. В Екатерининбурге и Свердловской области в целом ситуация выглядит несколько иначе – здесь преобладают привлеченные средства. За тот же период их доля составила 57,7 и 57,2 % соответственно. Можно сделать вывод, что предприятия на периферии Свердловской области испытывают определенные трудности с привлечением кредитных и бюджетных средств для финансирования инвестиционной деятельности. Этим обстоятельством отчасти объясняется динамика самих инвестиций, которые имеют тенденцию к росту в период стабильной экономической ситуации и тенденцию к спаду в период экономических трудностей и потрясений (см. рисунок).

Динамика ВРП Свердловской области (левая шкала) и инвестиций в основной капитал, осуществляемых предприятиями периферии (правая шкала)¹, млн р.

¹ База данных показателей муниципальных образований Свердловской области. URL : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DbInet>; Свердловская область за 80 лет: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2015.

Недоступность финансовых ресурсов является общей проблемой для промышленных предприятий региона. Ее отметили в качестве одного из главных факторов, ограничивающих рост производства, руководители крупных и средних предприятий с такими основными видами экономической деятельности, как «добыча полезных ископаемых», «обрабатывающие производства», «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» [2, с. 17].

Еще одной характеристикой новой индустриализации является *выпуск новой продукции* с использованием новейшего оборудования и технологий. Вследствие отсутствия официальной статистики наши выводы основаны на данных самих организаций о перечне выпускаемой продукции. В последние годы активно расширяют ассортимент производимой продукции ЗАО «Туринский целлюлозно-бумажный завод», ООО «Аргус-СФК», ООО «Талицкий молочный завод» и др.

На отдельных промышленных предприятиях активно внедряются новые технологии, в том числе разработанные на Урале. В частности, ЗАО «Туринский целлюлозно-бумажный завод» реализует проект модернизации «производства для выработки конкурентоспособной, импортозамещающей бумажной продукции на основе НИОКР ФГБОУ ВПО „Уральский государственный лесотехнический университет“, общий объем инвестиций в который оценивается в 215 млн р.»¹. Однако подобная практика пока не получила повсеместного распространения на периферии региона.

Инновационную деятельность промышленных организаций периферии оценить достаточно сложно. В официальной статистике необходимая информация в разрезе муниципальных образований отсутствует. Памятуя о том, что основная научно-исследовательская база сконцентрирована в крупных городах страны, наукоградах и отчасти в закрытых административно-территориальных образованиях, можно сделать вывод, что в случае надобности промышленные предприятия с периферии обращаются за консультациями и (или) научным сопровождением в учреждения и организации, находящиеся за пределами их местонахождения, что, в свою очередь, усиливает их зависимость от внешних центров. Отсутствие на периферии элементов инновационной инфраструктуры существенно усложняет продвижение собственных разработок в жизнь, если таковые имеют место быть. Можно сказать, распространение инноваций в пространстве Свердловской области пока имеет явный центробежный вектор – инновации из центра идут в менее крупные города, а затем доходят и до периферии.

¹ *Инвестиционный портал* Свердловской области. URL: <http://invest.midural.ru/projects>.

Заключение. Наблюдаемые в развитых странах процессы новой индустриализации обеспечивают переход промышленности на новую технологическую основу, возрождение роли промышленных предприятий как главной движущей силы экономического развития территорий. Старопромышленные регионы исторически, да и в силу специфики своего развития, являются участниками этих процессов.

В Свердловской области – одном из старейших промышленных регионов Урала – новая индустриализация определяет развитие всех элементов экономического пространства. Центральные территории при этом выступают в качестве генератора нововведений и источника технологий для промышленных предприятий, периферийные – в качестве ресурсной базы и места локализации производственной и материально-технической инфраструктуры. Будущее новой индустриализации в Свердловской области может быть связано с распространением инновационных импульсов центра на периферию, с перевооружением действующих производств, способных стать основой модернизации экономики региона.

Библиографический список

1. *Макарова И. В., Коровин Г. Б.* Тенденции неоиндустриализации экономики старопромышленного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2014. Т. 12, вып. 31.
2. *Развитие* производственного сектора экономики Свердловской области: информационная записка / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2016.
3. *Carney J., Hudson R., Lewis J.* Regions in Crisis. London : Croom Helm., 1980.
4. *Skokan K.* Regional Clusters and Transformation of Old Industrial Regions: 3rd Central European Conference in Regional Science. CERS, 2009.

Е. В. Радковская

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Урал XXI – социально-экономические критерии развития региона

Аннотация. На основе данных официальной статистики анализируются основные социально-экономические показатели развития Уральского федерального округа в сопоставлении с показателями других федеральных округов РФ. Помимо сравнительного анализа на основе исходных и расчетных значений показателей, приводится сводная таблица, характеризующая долю и место Уральского федерального округа в экономике Российской Федерации.

Ключевые слова: регион; федеральный округ; основные социально-экономические показатели; развитие; статистические данные.

Уральский регион по праву считается опорным краем державы, сохраняя это почетное звание на протяжении уже нескольких столетий. Недаром многие ученые, в том числе экономические деятели, посвятили свое время изучению Урала (см., например: [1–5] и др.). XXI век – наверное, не самое легкое время для Уральского региона (как, впрочем, и для остальных субъектов Российской Федерации), однако он предоставляет Уралу потенциальную возможность не только сохранить, но и укрепить свои позиции в общей системе социально-экономического развития страны.

Занимая среди остальных федеральных округов (ФО) РФ третье место по площади территории (1 818,5 тыс. км², что составляет 10,6 % от общей площади территории государства), Урал, тем не менее – один из наименее плотно заселенных регионов (7-е место среди всех 9 ФО РФ). Численность населения Уральского ФО на начало 2016 г. составляла 12 308,1 чел. (8,4% от общей численности населения РФ), соответственно, плотность населения составляет 6,77 чел. на 1 км² территории. Попутно можно заметить, что до 2014 г. пальму первенства по плотности населения держал Центральный ФО (60,14 чел. на 1 км²), однако после вхождения Крыма в состав РФ наибольшая плотность населения отмечается именно в этом федеральном округе (80,05 чел. на 1 км²). Наименьшая плотность населения наблюдается в Сибирском и Дальневосточном ФО (3,76 и 1 чел. на 1 км² соответственно). Все приведенные в статье статистические данные взяты из сборников официальной статистики¹.

¹ *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 : стат. сб. / Росстат. М., 2016.*

Среднегодовая численность занятых составляла 6 010,1 тыс. чел., что означает официальную занятость 48,8 % населения региона. Среднее значение числа занятых по стране достигает 45,7 %, Урал в этой ситуации занимает 2-е место, уступая лишь Дальневосточному ФО (52,5 %).

Одним из важнейших показателей благосостояния населения являются, конечно, среднедушевые денежные доходы. На середину второго десятилетия XXI века величина среднедушевых доходов по стране колебалась от 16 063 р. (Крымский ФО) до 38 776 р. (Центральный ФО). Имея среднедушевые денежные доходы ниже, чем в Центральном и Дальневосточном ФО (36 320 р.), Урал занимает 3-ю позицию по этому показателю. Среднедушевые доходы уральцев достигают 32 794 р., что, хоть и не намного, но выше среднего значения по РФ (28 472,4 р.).

На ту же 3-ю позицию Уральский регион выходит и по ежемесячным потребительским расходам на душу населения. Средняя величина потребительских расходов по РФ составляет 20 276,7 р. Самые высокие (27 692 р.) потребительские расходы – у жителей Центрального ФО, самые низкие – у крымчан (13 055 р.). Уральцы же в среднем тратят в месяц 22 954 р.

Рассматривая работающую часть населения, в первую очередь следует обратить внимание на вознаграждение за труд. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в среднем по всем федеральным округам составляет 31 876,8 р. Самую высокую заработную плату получают жители Дальневосточного ФО (43 164 р.), следующую по величине – работники в Центральном ФО (41 961 р.), далее следует Уральский ФО (39 083 р.). Наименьшая номинальная начисленная заработная плата работников организаций – в Северо-Кавказском ФО (21 720 р.).

Конкретный вклад региона в социально-экономическое развитие государства можно проанализировать, изучая величину валового регионального продукта. К 2015 г. ВРП Уральского ФО составлял 8 001 748,7 млн р., т. е. 13,6 % совокупного валового продукта страны (при доле населения, напомним, В 8,4 % от общей численности граждан РФ). При том, что среднее значение ВРП по всем ФО составляет 6 544 516,91 млн р. и, следовательно, ВРП Уральского региона превышает эту цифру на 1 457 231,79 млн р., в рейтинге регионов по данному показателю Урал занимает лишь 3-е место. На первых двух – Центральный и Приволжский ФО с величиной ВРП в 20 820 578,6 млн р. и 9171075 млн р. соответственно.

Однако все не так однозначно. Многие экономические показатели (в число которых входит и ВРП), приведенные в абсолютных значениях, не могут в полной мере характеризовать реальную «отдачу»

изучаемого показателя для каждого конкретного региона, поскольку не учитывают численность его населения, а, стало быть, не отражают вклад в создание величины этого показателя проживающих и работающих на территории региона жителей. То есть, еще проще, не учитывают производительность их труда. Поэтому мы считаем, что по показателям, характеризующим суммарные, общие (а не средние) для региона величины, следует выполнять анализ на основании значений, рассчитанных на душу населения.

Если проанализировать, в частности, величину ВРП на ушу населения, то, со значением 650,12 тыс. р., Уральский ФО занимает 1-е место среди остальных ФО страны. Следующим по величине ВРП на душу населения становится Центральный ФО (532,44 тыс. р.), среднее же значение ВРП по стране составляет 1 128,76 тыс. р. Два последних места занимают Северо-Кавказский и Крымский ФО (163,32 и 66,98 тыс. р. соответственно). Заметим попутно, что показателем Крымского ФО на текущий момент нельзя рассматривать как устоявшиеся и, тем более, как отражающие реально негативный потенциал округа – слишком большое влияние, с одной стороны, оказывает недавняя украинская принадлежность региона, и с другой стороны – в отдельных сферах (социальной, инфраструктурной и др.) сейчас наблюдаются непропорционально большие (по сравнению с остальными регионами) вложения в экономику Крымского ФО из бюджета РФ.

Еще устойчивее положение Уральского ФО по показателю основных фондов в экономике (по полной учетной стоимости на конец года). Данная величина для Уральского ФО составляет 28 902 312 млн р., среднее значение по РФ: 17 858 362,33 млн р., максимальное значение демонстрирует Центральный ФО: 50049197 млн. р. При этом Уральский регион занимает 2-е место среди всех ФО РФ, обеспечивая 18% совокупной величины основных фондов государства. При расчете данного показателя на душу населения среднее значение по РФ достигает 1 128,76 тыс. р., а для Уральского ФО: 2 348,24 тыс. р., что в 2,08 раза выше средней цифры. Это обеспечивает Уральскому ФО 1-е место в перечне регионов по рассматриваемому показателю.

В производственном блоке Уральский ФО уверенно держит лидерские позиции, занимая 1-е место среди всех ФО РФ по трем основным показателям: «добыча полезных ископаемых», «обрабатывающие производства», «производство и распределение электроэнергии, газа и воды», рассчитанным на душу населения. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по такому виду экономической деятельности как добыча полезных ископаемых составляет в Уральском ФО 4339223 млн р., что почти в 3,5 раза выше средней цифры по регионам. Здесь, конечно,

надо признать определяющую роль Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, являющихся лидерами по добыче полезных ископаемых и входящих в состав Уральского ФО. С учетом этого, выраженный в рублях объем добычи полезных ископаемых на душу населения в УрФО составляет 352,55 тыс. р. По виду деятельности «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» на душу населения Уральский регион превосходит среднее значение (183,55 тыс. р.) примерно в 1,8 раза, величина этого показателя для Уральского ФО достигает 329,5 тыс. р. В регионе почти на 56% выше объем производства и распределения электроэнергии, газа и воды, выраженный в рублях на душу населения: 48,21 тыс. р. Все это подтверждает высокий производственный потенциал Уральского ФО.

Конечно, не во всех областях социально-экономической деятельности Урал является лидером. Так, например, по объему произведенной сельскохозяйственной продукции на душу населения округ занимает лишь 8-е место из 9, производя продукции на 25,12 тыс. р. при средней цифре по стране, составляющей 33,82 тыс. р., то есть почти на 35 % меньше, чем в среднем по ФО РФ. Частично это объясняется не особенно благоприятными природно-климатическими условиями Урала.

В социальном блоке Уральский ФО демонстрирует неплохие показатели. Так, по вводу в действие общей площади жилых домов три округа – Центральный, Северо-Западный и Уральский имеют близкие значения: около 0,65 м² на душу населения. По показателю оборота розничной торговли на душу населения значение Уральского ФО достигает 201,82 тыс. р., что на 17,6 % ниже, чем у лидера по данному показателю – Центрального ФО, но на 85,2 % выше, чем у аутсайдера – Крымского ФО.

Если рассматривать организационный потенциал региона, то можно обратить внимание на показатель сальдированного финансового результата (прибыль минус убыток) деятельности организаций на душу населения. Для Уральского ФО эта величина составляет 135,79 тыс. р., при средней по стране в 41,02 тыс. р., т. е. превосходит ее в 3,3 раза, что обуславливает 1-е место Уральского региона по данному показателю.

Перспективы развития региона можно оценить на основе текущих инвестиций в основной капитал на душу населения. Для Урала они составляют 204,26 тыс. р., что в 2,15 раза больше, чем в среднем по ФО РФ (94,79 тыс. р.) и почти в 13 раз больше, чем в Крымском регионе, имеющем минимальную величину этого показателя (15,74 тыс. р.).

Подытоживая анализ социально-экономического потенциала УрФО, проведенный на основе официальных статистических данных, можно представить сводную таблицу по основным показателям, включающую долю УрФО в общем значении каждого рассмотренного по-

казателя по стране и место, занимаемое УрФО по этому показателю среди остальных ФО РФ (см. таблицу). По возможности были использованы показатели на душу населения, более объективно отражающие работу региона.

**Место и доля Уральского федерального округа
по основным социально-экономическим показателям**

Показатель	Доля УрФО в РФ, %	Место
Площадь территории	10,6	3
Численность населения	8,4	6
Плотность населения		7
Среднегодовая численность занятых – на душу населения	48,8	2
Среднедушевые денежные доходы (в месяц)		3
Потребительские расходы в среднем (в месяц) – на душу населения		3
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций		3
Валовой региональный продукт – на душу населения	13,6	1
Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости) – на душу населения	18,0	1
Добыча полезных ископаемых – на душу населения	38,8	1
Обрабатывающие производства – на душу населения	12,3	1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды – на душу населения	12,3	1
Продукция сельского хозяйства – на душу населения	6,0	8
Ввод в действие общей площади жилых домов – на душу населения	9,3	3
Оборот розничной торговли – на душу населения	9,0	2
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций – на душу населения	22,3	1
Инвестиции в основной капитал – на душу населения	17,3	1

Из таблицы видно, что по большинству основных социально-экономических показателей Уральский ФО занимает высокие (от 1-го до 3-го) места, при этом по 7 из рассмотренных 17-ти показателей – 1-е. Исключая плотность населения, лишь одна сфера является очевидно плохо развитой на Урале – это сельское хозяйство, чему, впрочем, есть объективные причины.

Таким образом, несомненно высокий производственно-промышленный и социальный потенциал Уральского ФО подтверждает обоснованность высоких ожиданий в плане дальнейшего развития Урала – как на благо собственного населения, так и страны в целом.

Библиографический список

1. Анимица Е. Г., Глумов А. А. Особенности и основные черты развития срединного региона (на примере Уральского экономического района) // Известия Уральского государственного экономического университета. 2006. № 4(16).

2. Анимица Е. Г., Силин Я. П. Средний Урал на пути к новой индустриализации // Экономика региона. 2013. № 3(35).

3. Бороненкова С. А. История развития экономического анализа на Урале // Известия Уральского государственного экономического университета. 2009. № 4(26).

4. Кочкина Е. М., Радковская Е. В. Сравнительный анализ сельского хозяйства в регионах Уральского экономического района // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12-5(54).

5. Мальцев А. А. Уральская промышленность: возможности для роста в посткризисной фазе // Управленец. 2015. № 1(53).

А. А. Глумов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Исследование хозяйственных связей в пространстве макрорегиона (на примере Уральского района)

Аннотация. Одним из актуальнейших вопросов пространственно-го развития России является вопрос нового районирования территории. В научной повестке – дискуссия о границах макрорегионов, в том числе Уральского макрорегиона. Одним из инструментов принятия решения является анализ хозяйственных связей внутри макрорегиона для выделения субъектов РФ с наиболее интенсивным уровнем взаимодействия. Статья посвящена анализу экономических связей Свердловской области с другими субъектами Российской Федерации, выделены регионы-лидеры по межрегиональной торговле, на основании открытых источников сделаны предположения о том, какие именно предприятия осуществляют отгрузки. Ключевым выводом статьи является тезис о тесных связях Свердловской области как внутри Уральского федерального округа, так и в пределах Уральского экономического района. Соответственно, оба варианта нового районирования имеют право на существование.

Ключевые слова: регион; Свердловская область; хозяйственные связи; межрегиональная торговля.

В настоящее время в научной и экспертной среде ведется дискуссия о новом районировании территории России. Как справедливо отмечают Е. Анимица и Я. Силин [1], именно макрорегион в современных условиях является основным объектом стратегического планирования пространственного развития страны в соответствии с законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Более того, в соответствии со ст. 11 указанного закона одним из видов документов стратегического планирования является стратегия социально-экономического развития макрорегионов.

В целях реализации данного закона Министерством экономического развития Российской Федерации разработан проект Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г., в котором дается определение макрорегиона. Однако состава макрорегионов не приведено. В связи с этим, до момента утверждения стратегии в 2018 г. [8], актуальнейшим вопросом является научное обоснование состава макрорегионов.

Система современного территориального районирования России предполагает два подхода – политический (федеральные округа) и экономический (экономические районы).

Одним из инструментов научного обоснования состава макрорегионов является исследование экономических связей каждого из регионов макрорегиона, в результате чего можно будет сделать вывод о степени связности тех или иных регионов и, соответственно, о возможности включения их в состав макрорегиона.

Экономические связи всех типов (технологические, миграционные и т. д.) цементируют экономическое пространство страны и ее регионов.

Целью статьи является анализ экономических связей Свердловской области и определение степени связности с другими регионами Уральского экономического района.

Вопросы межрегиональных связей вызывают значительный интерес ученых. Исследованию связей регионов посвящены работы А. Новиковой и А. Филатова [5], Н. Зенковой [2], Л. Капустиной [3], Д. Чайковского [7], В. Лукина [4]. Уральская наука в лице, прежде всего Института экономика УрО РАН, имеет значительный опыт исследования хозяйственных связей предприятий, поскольку на региональном уровне была даже принята Программа развития кооперации на территории Свердловской области¹, однако основной акцент в данном документе делается на исследовании внутрирегиональных связей.

Ключевым источником информации для исследования выступили данные официальной статистики – форма «Межрегиональная торговля отдельными видами продукции организациями Свердловской области»².

Росстат отслеживает информацию только по 62 основным товарным группам, что, безусловно, не отражает всей широты товарной номенклатуры, по которой осуществляется межрегиональный обмен. Со-

¹ *Программа развития кооперации на территории Свердловской области до 2020 г.* Екатеринбург, 2009.

² *Межрегиональная торговля отдельными видами продукции организациями Свердловской области за 2015 г.* : бюллетень / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2016.

ответственно, в официальную статистику не попадает значительное количество полуфабрикатной продукции, которую предприятия поставляют друг другу, в том числе в рамках внутрихолдинговых (сетевых) структур. Кроме того, не учитывается продукция сельского хозяйства, предприятий оборонно-промышленного комплекса, предприятий ядерного цикла.

В таком случае сбор информации производился на основании открытых источников – периодических изданий, сайтов предприятий и т. д.

Помощь в исследовании хозяйственных связей оказывает изучение холдинговой принадлежности предприятий. Например, в структуре «УГМК-Холдинга» входит значительное количество металлургических предприятий, расположенных на территории Уральского экономического района – в Башкирии, Оренбургской области, Челябинской области, Свердловской области. Это может свидетельствовать о наличии у данных предприятий хозяйственных связей, поскольку включение предприятия в холдинг имеет логику в случае его участия в технологической цепи всего холдинга.

Кроме того, определенный вклад в исследование связей вносят современные информационные системы, например, «Спарк».

По итогам 2015 г. из 84 регионов РФ только у 18 регионов доля товарооборота со Свердловской областью превышает среднероссийский уровень, составляющий 1,19% (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

**Территориальная структура
торгово-экономических связей Свердловской области**

Регион	Ввоз в Свердловскую область, тыс. р.	Вывоз из Свердловской области, тыс. р.	Итого, тыс. р.	Ввоз в CO, %	Вывоз из CO, %	Итого, %
Челябинская область	52 090 923,8	11 725 479,0	68 816 402,8	41,23	5,46	18,7
Москва	7 168 286,6	47 467 484,3	54 635 770,9	5,67	22,09	16,01
ХМАО	10 151 594,0	38 564 651,3	48 716 245,3	8,04	17,95	14,28
Омская область	14 026 137,1	3 570 969,8	17 597 106,9	11,1	1,66	5,16
ЯНАО	6 508 094,0	7 639 140,6	14 147 234,6	5,15	3,56	4,15
Республика Татарстан	4 891 880,9	9 068 557,7	13 960 438,6	3,87	4,22	4,09
Республика Башкортостан	6 384 440,3	2 878 843,5	9 263 283,8	5,05	1,34	2,71
Московская область	429 228,1	8 264 712,5	8 693 940,6	0,34	3,85	2,55
<i>Итого все субъекты РФ</i>	<i>126 338 556,4</i>	<i>214 883 222,9</i>	<i>341 221 789,3</i>	<i>100,00</i>	<i>100,00</i>	<i>100,00</i>
<i>Среднероссийский уровень</i>						<i>1,19</i>

Структура связей с регионами Уральского экономического района представлена в табл. 2.

Таблица 2

**Торгово-экономические связи Свердловской области
с регионами Уральского экономического района**

Регион	Доля товарооборота, %
Челябинская область	18,7
Республика Башкортостан	2,71
Пермский край	1,69
Оренбургская область	1,19
Удмуртская республика	0,88
Курганская область	0,13

Таким образом, на шесть регионов УЭР приходится 25,3 % товарооборота Свердловской области, а на 5 регионов УрФО – 39,4 %.

Безусловным лидером по товарообороту является Челябинская область. В структуре поставок значительную часть (42,15 млрд р.) составляют поставки проката черных металлов из Челябинской области, это порядка 81 % всего ввоза продукции из Челябинской области в Свердловскую область. Это поставки металла с Магнитогорского металлургического комбината предприятиям Свердловской области, в том числе для Уралвагонзавода. В структуре закупок Уралвагонзавода доля металла ММК в отдельные периоды достигает 27,3 %¹.

Необходимо отметить, что эти связи носят не стихийный, а крайне устойчивый характер, поскольку такие крупнейшие предприятия, как ММК, НТМК, ЧМК, Уралвагонзавод, ЧТЗ-Уралтрак, были построены десятилетия назад, хозяйственные связи между ними выстроены и одновременно измениться не могут.

Столичные и околостолличные регионы (Москва, Московская область, Санкт-Петербург) занимают передовые позиции именно благодаря своему столичному статусу – это крупнейшие рынки страны. В связи с этим при выявлении закономерностей пространственного развития сети регионов их необходимо учитывать с оговоркой об особом статусе.

Значительная часть товарооборота Свердловской области приходится на ХМАО. Из ХМАО в Свердловскую область завозится бензин автомобильный (на сумму 9,8 млрд р., что составляет 97 % ввоза из ХМАО), а вывозятся, в основном, трубы стальные (35,6 млрд р., 92 % от всего вывоза в ХМАО из Свердловской области). Исходя из това-

¹ *Ежеквартальный отчет АО «НПК «Уралвагонзавод» за I квартал 2017 г. С. 33. URL: <http://www.uvz.ru>.*

рооборота с ХМАО может сложиться мнение, что УрФО – более экономически связанная структура, нежели УЭР. Вместе с тем, необходимо учитывать, что поставки труб носят конъюнктурный характер, связанный со строительством трубопроводов. Соответственно, по завершении строительства объем товарооборота значительно снизится, а десятилетиями наработанные связи между металлургическими и машиностроительными предприятиями останутся.

Необходимо отметить, что 56 предприятиях Свердловской области производится практически вся номенклатура продукции для нефтегазового сектора.

В Удмуртию поставляется прокат черных металлов на 655,8 млн р. (металл поставляется, в том числе, на машиностроительные предприятия оборонного комплекса – «Воткинский завод», ИЭМЗ), трубы стальные на 1 671 млн р. (для нефтепроводов «Удмуртнефти»).

Из Республики Бакшортостан в Свердловскую область ввозится бензин автомобильный на 4,6 млрд р, дизельное топливо на 1,6 млрд р. Вместе это составляет 97,4 % всего ввоза из Башкирии в Свердловскую область. Производителями нефтепродуктов являются предприятия, входящие в холдинг «Башнефть».

В Башкирию предприятия Свердловской области поставляют прокат черных металлов на 901,5 млн р., трубы стальные на 1 916 млн р. Поставками труб занимается «Трубная металлургическая компания». Причем связи с предприятиями «Башнефти» настолько тесные, что в апреле 2016 г. была принята Программа технологического партнерства на 2016–2020 гг. ПАО «Трубная металлургическая компания» и ПАО АНК «Башнефть». Документ предусматривает более 20 совместных мероприятий, связанных с разработкой, внедрением, опытно-промышленными испытаниями продукции ПАО «ТМК» на месторождениях компании Башнефть.

В Пермский край предприятия Свердловской области поставляют прокат черных металлов на 1,9 млрд р., цемент (795,4 млн р.), трубы стальные (1,6 млрд р.).

Из Пермского края ввозится бумага на 607 млн р.

На 13,3 млрд р. ввозится дизельного топлива, что составляет 75,5 % всего товарооборота Свердловской и Омской областей. Это поставки, в том числе, с Омского НПЗ, входящего в структуру «Газпромнефти», для реализации в сети автозаправок «Газпромнефть».

В Оренбургскую область вывозится прокат черных металлов на 690 млн р. и трубы стальные на сумму 3 230 млн р. (в интересах ПАО «Оренбургнефть» и ООО «Газпром добыча Оренбург»). На две данные позиции приходится 97 % товарооборота между Свердловской и Оренбургской областями.

На данный регион приходится наименьший объем товарооборота среди регионов Уральского экономического района – 0,13%, что обусловлено сельскохозяйственной спецификой Курганской области. В Курганскую область поставляются прокат черных металлов (125,8 млн р.), цемент (151,5 млн р.), трубы стальные (127,1 млн р.). Среди потребителей продукции можно выделить «Курганмашзавод», «Курганстальмост».

Необходимо отметить, что в ряде случаев межрегиональные связи имеют стратегическую значимость, в частности, в сфере оборонно-промышленного комплекса. Например, предприятие «Мотовилихинские заводы» (Пермский край) производит стволы для танков «Уралвагонзавода» (Свердловская область) [6].

При этом официальный товарооборот между Свердловской областью и Пермским краем относительно небольшой.

НПО «Электромашина» (Челябинская область) производит более 46 наименований продукции только для одного вида танков «Уралвагонзавода» – Т-90С¹.

Межрегиональные хозяйственные связи предприятий ОПК имеют стратегическую значимость и, соответственно, свидетельствуют о высокой связности территорий.

Проведенное исследование позволило сделать выводы о наличии тесных хозяйственных связей между Свердловской областью и другими регионами, входящими в Уральский экономический район. Вместе с тем, теснота связи с рядом регионов Урала (например, с Курганской областью) не позволяет сделать однозначные выводы высокого уровня взаимодействия.

Тем не менее, бесспорной остается металлургическая и машиностроительная специфика Уральского экономического района, что само собой может рассматриваться определяющим фактором нового районирования.

В целом можно отметить, что все обсуждаемые варианты нового районирования на Урале имеют право на жизнь – будь то район в составе Уральского экономического района, Уральского федерального округа или так называемого Большого Урала, включающего территории двух указанных территориальных единиц.

Библиографический список

1. Анимица Е. Г., Силин Я. П. Новая индустриализация в пространстве макрорегиона: цели, возможности и этапы // Неоиндустриально ориентиро-

¹ НПО «Электромашина». URL: <http://www.npoelm.ru/objects/t-90>.

ванные преобразования в экономическом пространстве Уральского макрорегиона. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017.

2. *Зенкова Н.* Об оценке объемов межрегиональной торговли // Вопросы статистики. 2008. № 11.

3. *Капустина Л. М.* Трансформация внешнеэкономических и межрегиональных связей субъектов Федерации в условиях либерализации внешней торговли // Известия Уральского государственного экономического университета. 2001. № 4.

4. *Лукин В.* Межрегиональные связи: состояние и проблемы развития (на примере Вологодской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6(24).

5. *Новикова А., Филатов А.* Гравитационная модель межрегиональной торговли Иркутской области // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 5.

6. *Пономарев В.* Танковый залп // «Expert Online». 2012.

7. *Чайковский Д. Г.* Межрегиональная торговля как фактор экономического развития региона // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 81.

8. *Чугуевская Е.* Очаги, кластеры, агломерации // Вольная экономика. 2017. № 2.

И. Н. Ткаченко

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург,

Е. Н. Стариков

Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург

Отраслевая промышленная политика в лесной промышленности региона

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей реализации отраслевой промышленной политики в лесной промышленности Свердловской области. Отраслевой аспект промышленной политики является особенно значимым с точки зрения диверсификации промышленного потенциала территорий, развития малого и среднего предпринимательства, а также обеспечения занятости. При этом лесной сектор традиционно обладает значительным потенциалом роста, обусловленным повышением внутреннего и внешнего спроса на продукцию глубокой лесопереработки. В этой связи авторами статьи исследуются особенности современного этапа отраслевой промышленной политики в лесной промышленности Свердловской области. Рассмотрены такие элементы нормативно-правового регулирования реализации промышленной политики в лесной промышленности, как федеральные и региональные государственные программы и реализация приоритетных проектов в области освоения лесов. А также особенности инструментария государственной поддержки, предоставляемой промышленным предприятиям в рамках регионального закона о промышленной политике.

Ключевые слова: промышленная политика; лесная промышленность; федеральный уровень; региональный уровень; меры государственной поддержки; проекты в области освоения лесов.

Леса Свердловской области занимают площадь свыше 15,8 млн га, включая 7,2 млн га хвойных насаждений, что составляет 83 % территории региона. Величина расчетной лесосеки – 24,8 млн м³. Ежегодно вырубается не менее 20 тыс. га леса, при этом восстанавливается практически столько же. Среди наиболее острых вопросов развития лесопромышленного сектора региона можно выделить следующие:

недостаточный уровень развития производственной и дорожно-транспортной инфраструктуры, низкий уровень освоения расчетной лесосеки, ухудшающий санитарное состояние лесов и снижающий эффективность лесного хозяйства;

устаревшие технологии лесопереработки (средний износ оборудования превышает 80 %) с высокой долей отходов производства;

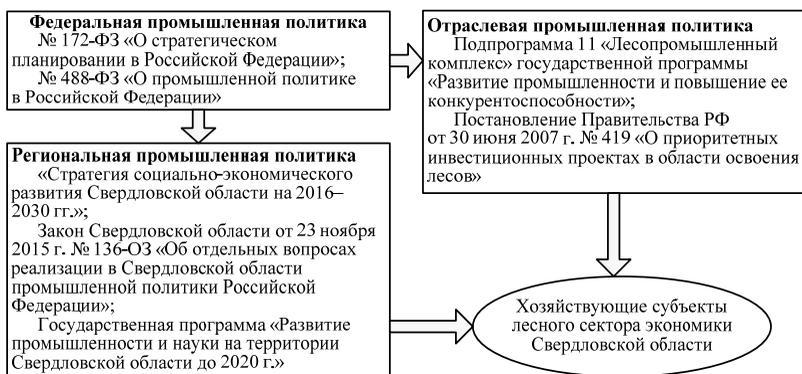
преобладание продукции с низкой добавленной стоимостью;

низкая инвестиционная привлекательность, обусловленная долгосрочной окупаемостью проектов, неудовлетворительным финансовым положением, зависимостью от импорта оборудования;

низкий уровень инновационного потенциала, недостаточное финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

В настоящее время лесоперерабатывающие предприятия не способны самостоятельно устранить сложившиеся структурные ограничения. В связи с этим вопросы разработки и применения эффективного инструментария промышленной политики в лесной промышленности региона являются сегодня крайне актуальными.

На деятельность субъектов лесной промышленности оказывают влияние отраслевая и региональная промышленная политика, реализуемые в рамках федеральных приоритетов (см. рисунок).

Нормативно-методическая база реализации промышленной политики в лесной промышленности Свердловской области

Промышленная политика на федеральном уровне определяет государственные приоритеты и основные направления действий по их достижению [3]. Единым нормативным актом, закрепляющим основные направления промышленной политики на федеральном уровне, является Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

Экспертная оценка мер по стимулированию развития промышленной деятельности, предусмотренными в данном Законе, показывает, что наиболее действенными стимулами являются – налоговые льготы, государственный заказ, государственные фонды развития промышленности, поддержка субъектов промышленности в сфере развития кадрового потенциала и новелла Закона – инвестиционный контракт [2].

Федеральный закон создает единую правовую базу реализации государственной программы «Развитие промышленности Российской

Федерации и повышение ее конкурентоспособности». Лесопромышленный комплекс рассматривается в данной госпрограмме в качестве отрасли, вносящей умеренный вклад в социально-экономическое развитие, обеспечивающей совместно с отраслями-лидерами основную занятость населения. При этом стратегическая значимость отрасли оценивается как высокая. Данная государственная программа включает в свой состав подпрограмму 11 «Лесопромышленный комплекс», на реализацию мероприятий которой на весь срок ее действия предусмотрено финансирование из федерального бюджета в размере 3 366 159,4 тыс. р. Основным мероприятием является субсидирование развития организаций лесопромышленного комплекса посредством частичного возмещения затрат на уплату процентов по кредитам, полученным предприятиями.

Одной из основных мер государственной поддержки хозяйствующих субъектов лесной промышленности России является сегодня реализация приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов, регламентируемая Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2007 г. № 419. Основные преференции для проектов, включенных в перечень приоритетных, состоят в возможности заключения договора аренды лесного участка без проведения аукциона и применение понижающего коэффициента – 0,5 – к ставкам платы за единицу площади находящегося в федеральной собственности лесного фонда и за единицу объема лесных ресурсов в течение срока окупаемости проекта.

В 2016 г. перечень приоритетных проектов содержал всего 121 проект с совокупным объемом инвестиций 398,9 млрд р., введены в эксплуатацию мощности по 41 проекту, общий объем инвестиций, по которым составил 148,5 млрд р., создано более 24 тыс. новых рабочих мест.

Однако применение данного инструмента промышленной политики ограничивается низкой эффективностью управления проектами. Так, к началу 2016 г. из перечня были исключены 28 проектов вследствие несоблюдения сроков финансирования и реализации [1].

Информация о приоритетных проектах в области освоения лесов, реализуемых в Свердловской области, представлена в таблице.

Инвестиционными планами этих проектов предусмотрено создание свыше 1 500 новых рабочих мест и формирование более 3,0 млрд р. дополнительных поступлений в бюджет.

Кроме того, в настоящее время для внесения в перечень рассматривается еще ряд проектов, планируемых к реализации на территории Свердловской области, среди которых:

**Приоритетные инвестиционные проекты в области освоения лесов,
реализуемые на территории Свердловской области**

Название проекта	Компания-исполнитель проекта	Источники финансирования проекта, млн р.		Характеристики проекта			
		Собственные	Заемные	Виды продукции и планируемый объем производства	Расчетная лесосека, тыс. м ³	Число создаваемых рабочих мест, ед.	Бюджетная эффективность, млн р.
Создание деревообрабатывающего предприятия в п. Восточном Серовского района	ООО «Аргус СФК»	–	310,0	Пиломатериалы – 154 тыс. м ³ ; фанера – 30 тыс. м ³	356,3	800	Более 100,0
Создание лесоперерабатывающего производства с собственным циклом лесозаготовки	ООО «Лесников»	50,0	474,8	Пиломатериалы – 27,2 тыс. м ³ ; детали профильные – 2,4 тыс. м ³ ; уголь древесный – 7,3 тыс. т; брикеты топливные – 21,17 тыс. т	158,1	223	711,0
Создание высокотехнологичного деревообрабатывающего производства с циклом заготовки древесины и дорожного строительства	ООО «Лестех»	390,0	185,4	Пиломатериалы – 48,3 тыс. м ³ ; детали профильные – 10,1 тыс. м ³ ; сортименты круглые – 37,6 тыс. м ³ ; брикеты топливные – 9,8 тыс. т; древесина для плитного производства – 162,2 тыс. м ³	287	306	1 900,0

формирование производственного комплекса по глубокой переработке низкосортной древесины со строительством завода по производству древесных плит (ООО «ЛесИнвест»);

строительство завода по производству лущенного шпона (ООО «Тура-Лес»);

строительство завода по производству домостроительных комплектов (ООО «СибирьЭкоСтрой»);

модернизация бумагоделательной машины Новолялинского ЦБК (ООО «ЦБК-Инвест»).

Промышленно развитые регионы традиционно формируют собственную региональную промышленную политику, целесообразность которой обусловлена высокой значимостью промышленности и спецификой экологических, социальных и иных проблем в регионе. Региональная промышленная политика предполагает обоснованный выбор приоритетных отраслей и разработку адекватных мер поддержки их развития. При формировании региональной промышленной политики важно учитывать долгосрочный характер ее реализации и соответствие стратегическим приоритетам развития региона. Кроме того, региональная промышленная политика также должна обеспечивать согласованность с приоритетными направлениями федерального уровня и постоянство инструментов государственной поддержки.

В этой связи в Свердловской области был разработан и принят областной Закон от 23 ноября 2015 г. № 136-ОЗ «Об отдельных вопросах реализации в Свердловской области промышленной политики Российской Федерации», которым был установлен перечень инструментов государственной поддержки субъектов промышленной деятельности и условия их предоставления. К основным инструментам поддержки промышленности Свердловской области в настоящее время относятся субсидии на возмещение затрат по выплате процентов за кредит, налоговые преференции, предоставление займов, грантов и взносов в уставный капитал организаций за счет средств созданного с 1 января 2017 г. областного Фонда технологического развития промышленности.

Меры государственной поддержки промышленности региона, а также повышения инвестиционной привлекательности и делового климата содержатся в региональной государственной программе «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2020 г.». Среди инструментов стимулирования предусмотрено несколько видов прямого субсидирования, в частности на возмещение части затрат на модернизацию и техническое перевооружение производственных мощностей, направленных на создание и (или) развитие производства новой высокотехнологичной конкурентоспособной про-

дукции. В 2016 г. такая субсидия в размере 3,2 млн р. была предоставлена ООО «Новолялинский целлюлозно-бумажный комбинат».

Подводя итог, можно сказать, что современная промышленная политика в лесной промышленности Свердловской области имеет системный базис в виде регионального закона о промышленной политике и заданный федеральными и региональными приоритетами социально-экономического развития вектор своей реализации. Вместе с тем, институциональный контур государственной поддержки предприятий отрасли находится на этапе активного наполнения разнообразными инструментами, формирующимися на основе комплексного подхода с учетом отраслевых и территориальных особенностей региона.

Библиографический список

1. Колесникова А. В. Влияние механизма приоритетных инвестиционных проектов на развитие лесопромышленного комплекса Сибири и Дальнего Востока // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». 2015. № 8(494).

2. Толкачев С. А., Тепляков А. Ю. Закон «О промышленной политике» и реальная промышленная политика в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2015. № 2.

3. *Эффективность* законодательства: вопросы теории и практика / Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянцева, А. А. Аюрова и др. М. : ИНФРА-М, 2016.

Н. В. Новикова, Т. А. Чунина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Индикаторы в определении экономической безопасности социально-экономического положения региона (на примере Свердловской области)

Аннотация. Авторами описана сущность индикаторов экономической безопасности региона, дано определение их пороговых значений. Перечислены различные методики по определению уровня экономической безопасности страны (региона). Проанализированы индикаторы экономической безопасности Свердловской области, их соотношение с пороговыми значениями. На основе характеристик данного субъекта, его индивидуальности предложены дополнительные индикаторы экономической безопасности, пороговые значения которых необходимо еще проработать. Даны рекомендации по определению уровня экономической безопасности исходя из законодательной проработки основополагающих индикаторов экономической безопасности региона на основе специфики климата, отраслевой структуры каждого из регионов Российской Федерации. Проведение такого анализа сделает возможным выявить угрозы и риски экономики региона, даст базу для построения прогнозов и стратегий.

Ключевые слова: экономическая безопасность региона; индикаторы экономической безопасности; пороговые значения; методики определения экономической безопасности региона; Свердловская область.

Экономическую безопасность государства невозможно представить без анализа уровня экономической безопасности каждого региона. Особенно это становится актуальным для таких государств, как Российская Федерация.

Экономическая безопасность региона представляет собой совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательность ее развития. Нужно заметить, что степень интеграции региональной экономики и ее независимость должны находиться в «золотой середине» [1].

Для определения уровня экономической безопасности необходимо применять специальные показатели – индикаторы – и сравнивать с пороговыми значениями каждого из них. Пороговые значения – предельные значения, несоблюдение которых препятствует нормальному развитию элементов воспроизводства, приводит к формированию негативных, разрушительных тенденций в области экономической безопасности [1].

На сегодняшний день предложено много различных методик для определения уровня экономической безопасности, например:

анализ основных макроэкономических показателей и сравнение их с пороговыми значениями (индикативный анализ) [2];

оценка темпов экономического роста страны по основным макроэкономическим показателям и динамика их изменения;

использование экономических инструментов при оценке последствий угроз безопасности через количественное определение ущерба [4];

прогнозирование показателей экономической безопасности [2];

экономико-статистические методы, где используется математическое моделирование на основе сценариев развития экономики [2] и др.

К сожалению, система индикаторов представлена преимущественно на федеральном уровне. В частности, еще в 1996 г. Сергеем Юрьевичем Глазьевым были разработаны такие индикаторы и их пороговые значения (всего 22 показателя), впоследствии пересмотренные с учетом современного положения нашей страны¹. Так, новая «Стратегия экономической безопасности России на период до 2030 г.» закрепляет основные показатели уровня экономической безопасности страны в целом, но не указывает их пороговые значения². При этом, необходимо учитывать важность и специфические особенности региональной экономики и определение уровня ее экономической безопасности. Целями применения подобной методики является:

оценка кризисных ситуаций и угрозы их возникновения в социально-экономической сфере региона;

оценка влияния местных кризисных ситуаций на национальную безопасность субъекта Федерации;

разработка и обоснование программно-целевых мероприятий по обеспечению экономической безопасности.

При определении уровня экономической безопасности региона экономисты в основном базируются на исследовании С. Ю. Глазьева. Исходя из представленных различных методик, нами были выбраны наиболее подходящие индикаторы экономической безопасности для экономики Свердловской области за 2010–2015 гг. (см. таблицу).

Из приведенных данных видны слабые места экономики исследуемого региона. Показатели, характеризующие темпы роста реальных доходов и расходов потребителей колеблются, четкая тенденция не прослеживается. Так, «доля населения с доходами ниже прожиточного минимума» сохраняет негативную тенденцию.

Более того, учитывая отраслевую структуру Свердловской области, нами был выделен специфический индикатор, такой как доля обрабатывающих отраслей в промышленности в ВРП.

¹ *О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г.* : Указ Президента РФ от 13 мая 2017 № 208.

² *Там же.*

**Значения показателей, отражающих уровень
экономической безопасности Свердловской области,
в сравнении с их пороговыми значениями за 2010–2015 гг.**

Показатель	Пороговое значение	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Объем ВРП на душу населения	Не менее 100 %	92,2	94,5	98,8	96,4	95,3	–
Степень износа основных фондов промышленных предприятий	Не более 40 %	54,6	54,8	55,2	57,8	58,5	58,5
Доля обрабатывающих отраслей в промышленности в ВРП	Не менее 80 %	86,2	84,8	81,6	80,1	80,9	–
Доля иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций в основной капитал	15–17 %	–	6,8	13,1	1,0	1,2	2,8
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	Не более 7 %	10,0	10,5	8,5	8,2	8,3	9,7
Уровень безработицы	Не более 5 %	8,4	7,2	5,8	5,9	6,1	6,5
Уровень преступности (количество преступлений на 100 тыс. населения)	Не более 1 000	2 241	1 798	1 659	1 603	1 611	1 669
Децильный коэффициент дифференциации доходов	Не более, чем в 8 раз	18,0	17,1	17,8	17,8	16,9	15,6
Уровень занятости населения	Не менее 60 %	62,6	64,1	65,2	65,5	65,2	65,7
Темп роста потребительских расходов	5–6 %	–	18,3	12,2	11,7	6,1	4,8
Темп роста реальных доходов населения	5–7 %	–	12,2	11,9	11,3	3,7	8,3

Примечание. Составлено по: Глазьев С. Ю. Речь о неотложных мерах по отражению угроз существованию России: доклад на закрытом заседании Межведомственной комиссии Совета безопасности РФ от 15 сентября 2015 г.. URL: <https://www.business-gazeta.ru/text/140998>; Новикова И. В., Красников Н. И. Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330; Социально-экономическое положение субъектов Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.

При анализе данного показателя необходимо учитывать его структуру и соотношение таких важных отраслей для Свердловской области, как металлургия, транспорт и др. Такие отрасли можно назвать приоритетными в контексте данного региона. То есть успешное развитие таких направлений является важным в социально-экономическом развитии региона и определении уровня экономической безопасности.

В связи с повышенной криминогенностью таких приоритетных отраслей экономики необходимо проводить регулярный мониторинг, работу по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений экономической направленности в данных сферах деятельности.

Определение уровня экономической безопасности Свердловской области (как и любого региона, страны в целом) невозможно провести без понимания тех важных моментов (индикаторов), отражающих эко-

номическое развитие. Таким образом, для возможности построения различного рода обоснованных и актуальных стратегических и прогнозных документов, для формирования социально-экономической политики нами предлагается законодательно закрепить пороговые значения показателей экономической безопасности как страны, так и регионов [3].

Для этого необходимо разработать нормативный правовой документ, закрепляющий категорию экономической безопасности всех уровней и ее показателей. Прежде всего, каждый регион должен провести мониторинг и оценку тех показателей, которые влияют на состояние экономики территории (виды промышленности, экспорт и импорт, уровень жизни населения и т. д.), и отобразить это отдельным нормативным правовым актом.

Конечно, за основу будут взяты показатели, отраженные в «Стратегии экономической безопасности на период до 2030 г.»¹. Регионы могут самостоятельно предлагать возможные пороговые значения выделенных ими показателей, опять же исходя из специфики каждого региона страны.

В отношении Свердловской области (и других регионов, где промышленность является одной из основополагающих отраслей экономики) нами видятся следующие показатели:

- объем ВРП на душу населения от общего по стране, %;
- степень износа основных фондов промышленных предприятий, %;
- доля обрабатывающих отраслей в промышленности в ВРП, %;
- доля машиностроения в обрабатывающем производстве, %;
- доля металлургического производства в обрабатывающем производстве, %;
- доля транспорта в обрабатывающем производстве, %;
- соотношение социальных расходов в консолидированном бюджете региона на душу населения с прожиточным минимумом, %;
- доля иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций в основной капитал, %;
- доля организаций малого и среднего бизнеса в общем количестве организаций, %;
- доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %
- уровень безработицы, %;
- уровень преступности (количество преступлений на 100 тыс. населения), ед.;

¹ *О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г.* : Указ Президента РФ от 13 мая 2017 № 208.

доля экономических преступлений в общем количестве преступлений, %;

децильный коэффициент дифференциации доходов, раз;

коэффициент Джини;

уровень занятости населения, %;

темпы роста потребительских расходов, %;

темпы роста реальных доходов населения, %.

Невозможно представить высокий уровень экономической безопасности при наличии высокого уровня криминализации экономики. Поэтому, нами видится необходимость проведения комплексной работы по выявлению фактов экономических преступлений – коррупции, деятельности теневого сектора, налоговых преступлений, в целях выявления уязвимых мест в нарушении уголовного, антикоррупционного, налогового законодательства.

На заключительном этапе данные по региону отправляются в центральный аппарат, где определяются итоговые индикаторы экономической безопасности, их пороговые значения.

Таким образом, роль индикаторов экономической безопасности довольно значима: с помощью них можно определить уровень социально-экономического положения региона, уровень и качество жизни населения, перспективы и точки роста.

Библиографический список

1. *Дворяджина Е. Б., Силин Я. П., Новикова Н. В.* Экономическая безопасность: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016.

2. *Криворотов В. В., Калина А. В., Эриаивили Н. Д.* Экономическая безопасность государства и регионов: учеб. пособие. М. : Юнити-Дана, 2014.

3. *Куклин А. А.* Экономическая безопасность регионов: теоретико-методологические подходы и сравнительный анализ // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 6-1.

4. *Новикова И. В., Красников Н. И.* Индикаторы экономической безопасности региона // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 330.

Н. Р. Ижгузина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Екатеринбургская агломерация в контексте новой индустриализации

Аннотация. Статья посвящена изучению процессов агломерирования в рамках концепции новой индустриализации. В данном исследовании городская агломерация рассматривается как особое пространственно-экономическое образование, скопление городов и других населенных мест вокруг одного или нескольких городов-ядер, объединенные развитыми, интенсивными социально-экономическими и иными взаимосвязями, способствующими проявлению агломерационного эффекта. Теоретическая основа статьи базируется на изучении инновационной составляющей во взаимосвязи с агломерационной экономией. Автор на основе анализа Стратегии инновационного развития Свердловской области до 2020 г. определяет территории инновационного развития региона, к числу которых относятся муниципальные образования Екатеринбургской агломерации, а также, используя метод факторной оценки, на примере Екатеринбургской агломерации предлагает методику расчета результирующего показателя социально-экономического развития городских агломераций – «условно исчисленного валового агломерационного продукта».

Ключевые слова: Екатеринбургская городская агломерация; новая индустриализация; инновации; деформация экономического пространства; условно исчисленный валовой агломерационный продукт.

В настоящее время в научном мире, а также среди органов власти все более актуальной становится концепция новой индустриализации. Такой интерес обусловлен, прежде всего, сложившейся непростой экономической ситуацией, в которой находится современное российское общество. При этом, как отмечают эксперты, в числе активно-деятельных образований представлены городские агломерации, в пространстве которых постоянно генерируются «агломерационные эффекты» благодаря интенсивным взаимодействиям между предприятиями, институтами и объектами инфраструктуры [6; 9, с. 685]. Ведь не случайно заместитель председателя Экономического совета при президенте РФ Алексей Кудрин, выступая на Инвестиционном форуме, заявил, что «крупные агломерации должны стать поставщиками инноваций»¹.

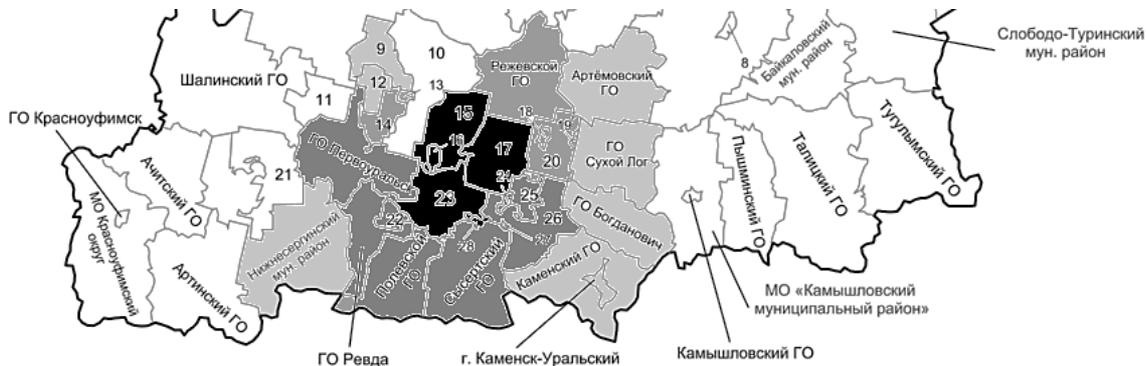
Таким образом, прежде всего, необходимо определиться с терминологическим аппаратом. Так, в данной работе новая индустриализа-

¹ *Москвы и Петербурга недостаточно для технологического рывка России – Кудрин* // Официальный сайт информационного агентства «REGNUM». URL: <https://regnum.ru/news/polit/2196329.html> (дата обращения: 08.10.2017).

ция рассматривается автором как «совокупность долговременных технических и технологических процессов, позволяющих количественно и качественно обновлять промышленную сферу, включая материально-техническую базу, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), управление, подготовку кадров. Новая индустриализация имеет свои цели, задачи, движущие силы, формы организации по вертикали и горизонтали. Она соответствует объективным экономическим законам и ведущим тенденциям современности» [8, с. 16]. Именно новая индустриализация способна стать импульсом передового экономического развития России, регионов, в том числе Урала и Свердловской области в частности [1; 4; 5; 7; 8; 10; 11].

В соответствии со Стратегией социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг. промышленная составляющая региона практически полностью (более 90%) сосредоточена на трех ключевых территориях, объем инвестиционных вложений на которых составляет более 85 % областного значения: Екатеринбургской, Горнозаводской и Серовской агломерациях¹. При этом, доминирующее положение принадлежит Екатеринбургской городской агломерации (ЕГА), однако прежде, чем перейти к анализу, необходимо обозначить границы ЕГА, поскольку вопрос делимитации несмотря на существенную историю до сих пор остается одним из самых дискуссионных. В данном исследовании состав ЕГА определен на основе часовой транспортной изохроны, проложенной автором при анализе топографических карт Свердловской области в масштабе 1:500000, расписаний движения пригородных и междугородних автобусов и электропоездов с учетом Общероссийского классификатора территорий муниципальных образований (ОКТМО) и интенсивности поездок пригородных и междугородних автобусов и электропоездов и включает следующие муниципалитеты: муниципальное образование (МО) «город Екатеринбург» (центр агломерации); МО «поселок Уральский»; Арамильский городской округ (ГО); Березовский ГО; ГО Верхняя Пышма; ГО Среднеуральск; Сысертский ГО; Белоярский ГО; ГО Верхнее Дуброво; ГО Дегтярск; ГО Ревда; ГО Заречный; ГО Первоуральск и Полевской ГО (рис. 1). Заметим, что несмотря на то, что в границы агломерации входит МО «поселок Уральский», в связи с отсутствием статистической информации по нему в силу его принадлежности к ЗАТО, далее в исследовании информация по данному муниципальному образованию не учитывается [2, с. 164].

¹ О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг. : закон Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 151-ОЗ.

Цифрами на карте обозначены:

1 — Волчанский ГО, 2 — Серовский ГО, 3 — ГО Красноуральск, 4 — Верхнесалдинский ГО, 5 — ГО ЗАТО Свободный, 6 — ГО «Нижняя Салда», 7 — МО г. Алапаевск, 8 — МО г. Ирбит, 9 — Кировградский ГО, 10 — Невьянский ГО, 11 — ГО Староуткинский, 12 — ГО Верхний Тагил, 13 — ГО Верх-Нейвинский, 14 — Новоуральский ГО, 15 — ГО Верхняя Пышма, 16 — ГО Среднеуральск, 17 — Берёзовский ГО, 18 — Малышевский ГО, 19 — ГО Рефтинский, 20 — Асбестовский ГО, 21 — Бисертский ГО, 22 — ГО Дегтярск, 23 — МО «город Екатеринбург», 24 — ГО Верхнее Дуброво, 25 — ГО Заречный, 26 — Белоярский ГО, 27 — МО «посёлок Уральский», 28 — Арамилский ГО

- ЕГА в пределах 0,5-часовой транспортной доступности
- ЕГА в пределах часовой транспортной доступности
- ЕГА в пределах 1,5-часовой транспортной доступности
- ЕГА в пределах 2-часовой транспортной доступности

Рис. 1. Екатеринбургская городская агломерация

Одним из важнейших социально-экономических показателей является численность населения, которое является основным источником рабочей силы, а его количественные и качественные характеристики напрямую определяют социально-экономическое положение региона и страны в целом. Согласно статистической информации, предоставляемой Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области, Екатеринбургская городская агломерация аккумулирует в своих границах 33 % населения региона (2016 г.), при этом, численность населения ЕГА на конец 2016 г. составила свыше 2,1 млн чел., что выше уровня предыдущего периода на 0,6 % (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения ЕГА на конец года, тыс. чел.

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Тр, %
МО «город Екатеринбург» (ядро)	1 411,1	1 429,4	1 445,7	1 461,4	1 477,7	1 488,4	100,6
Березовский ГО	71,0	72,2	73,2	73,9	74,1	74,3	–
Сысертский ГО	60,6	61,1	61,9	62,2	62,5	62,3	–
Арамилский ГО	17,5	17,7	17,9	18,0	18,2	18,4	–
ГО Верхняя Пышма	73,9	76,1	78,0	79,5	81,5	83,0	–
ГО Среднеуральск	21,1	21,4	21,7	22,4	23,1	23,5	–
ГО Первоуральск	149,8	149,8	149,6	149,3	148,5	147,5	–
Полевской ГО	71,1	71,1	70,7	70,6	70,4	70,2	–
ГО Ревда	63,3	63,4	63,6	63,8	64,0	64,3	–
ГО Дегтярск	15,7	15,9	16,0	16,0	16,1	16,2	–
ГО Заречный	30,0	30,4	30,8	31,2	31,2	31,2	–
Белоярский ГО	34,1	34,2	34,3	34,5	34,4	35,0	–
ГО Верхнее Дуброво	4,8	4,9	4,9	5,0	5,0	5,1	–
Спутниковая зона	612,9	618,3	622,6	626,4	629,0	631,0	100,1
ЕГА	2 024,1	2 047,7	2 068,2	2 087,8	2 106,8	2 119,4	100,5
Свердловская область	4 307,6	4 315,8	4 320,7	4 327,4	4 330,0	4 329,3	99,7

Примечание. Составлено по: Муниципальные образования Свердловской области в 2015 г. : стат. бюллетень / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2016; Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2015 : стат. сб. / Росстат. М., 2016; Социально-экономическое положение городских округов и муниципальных районов Свердловской области за 2010–2014 гг. Ч. 1, 2 : стат. сб. / Свердл. обл. комитет гос. статистики Госкомстата РФ. Екатеринбург, 2015.

Важно подчеркнуть, что среднегодовой темп роста исследуемого показателя для агломерации выше регионального значения на 0,8 процентных пунктов, то же наблюдается и для спутниковой зоны (0,4 %), а также для ядра ЕГА (МО «город Екатеринбург») – 0,9 %.

Т а б л и ц а 2

Условно исчисленный ВАП Екатеринбургской агломерации

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Тр. %
Условно исчисленный ВАП, млн р.	60 8592,9	507 254,5	529 795,5	811 911,1	804 088,9	730 699,7	728 706,3	726 268,2	117,4
Доля условно исчисленного ВАП в ВРП Свердловской области, %	65,9	61,5	50,6	62,9	54,2	46,6	43,9	40,8	–
ВРП Свердловской области, млн р.	92 3550,8	825 267,4	1 046 600,1	1 291 019,1	1 484 879,0	1 568 655,0	1 661 431,0	1 779 400,0	115,7

Примечание. Составлено по: *Муниципальные образования Свердловской области в 2015 г.* : стат. бюллетень / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2016; *Свердловская область в 2011–2015 гг.* : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. 2016; *Социально-экономическое положение городских округов и муниципальных районов Свердловской области за 2010–2014 гг.*. Ч. 1, 2 : стат. сб. / Свердл. обл. комитет гос. статистики Госкомстата РФ. Екатеринбург, 2015; *Социально-экономическое положение городских округов и муниципальных районов Свердловской области за 2008–2012 годы.* Ч. 1, 2 : стат. сб. / Свердл. обл. комитет гос. статистики Госкомстата РФ. Екатеринбург, 2013.

Такая ситуация характеризует усиленную концентрацию населения Свердловской области главным образом в Екатеринбурге и напрямую свидетельствует о деформации пространства региона: уплотнении его в границах ЕГА и разреженности в периферийных зонах.

В качестве результирующего показателя социально-экономического развития городских агломераций автор предлагает использовать «условно исчисленный валовой агломерационный продукт (ВАП)» [3], расчет которого позволяет изучать динамику процессов агломерирования на территории, а также своевременно реагировать на возможные негативные последствия.

Как видно из табл. 2, за период с 2008 по 2015 г. условно исчисленный ВАП ЕГА увеличился в 1,2 раза и в 2015 г. составлял свыше 726 млн. р. При этом среднегодовой темп роста агломерации по-прежнему превышает региональное значение, что наглядно демонстрирует факт «экономического опустынивания» территории Свердловской области в силу сосредоточения большей части социально-экономических ресурсов региона в пределах Екатеринбургской агломерации.

В условиях экономики нового времени важное значение приобретает анализ инновационной составляющей в рамках развития городских агломераций. Так, согласно Стратегии инновационного развития региона до 2020 г. к территориям инновационного развития Свердловской области относятся: территории с высоким уровнем человеческого потенциала – города, где высока доля находящихся в трудоспособном возрасте людей с высшим профессиональным образованием (Екатеринбург и ряд городов ЕГА (Верхняя Пышма, Заречный, Первоуральск); Нижний Тагил и города формирующейся Горнозаводской (Нижнетагильской) агломерации (Верхняя Салда и ГО ЗАТО Свободный); Каменск-Уральский и два ЗАТО – Новоуральск и Лесной); города, где сосредоточены крупные научно-исследовательские центры (Екатеринбург, Новоуральск, Заречный, Нижний Тагил и др.); города, где находятся производственные мощности инновационных производств (Екатеринбург, Новоуральск, Верхняя Салда, Лесной, Заречный, Нижний Тагил); города, где сосредоточен основной ресурс подготовки кадров высшей квалификации (Екатеринбург, Нижний Тагил)¹.

Таким образом, муниципалитеты в составе Екатеринбургской агломерации демонстрируют наибольшие перспективы в сфере инновационного развития, а потому в будущем должны стать площадками для размещения инфраструктуры инновационно-технологического типа.

¹ Об утверждении Стратегии инновационного развития Свердловской области на период до 2020 г. : постановление Правительства Свердловской Области от 22 мая 2013 г. № 646-ПП.

Высокий инновационный потенциал агломерации также подтверждается и уровнем образования населения (рис. 2).

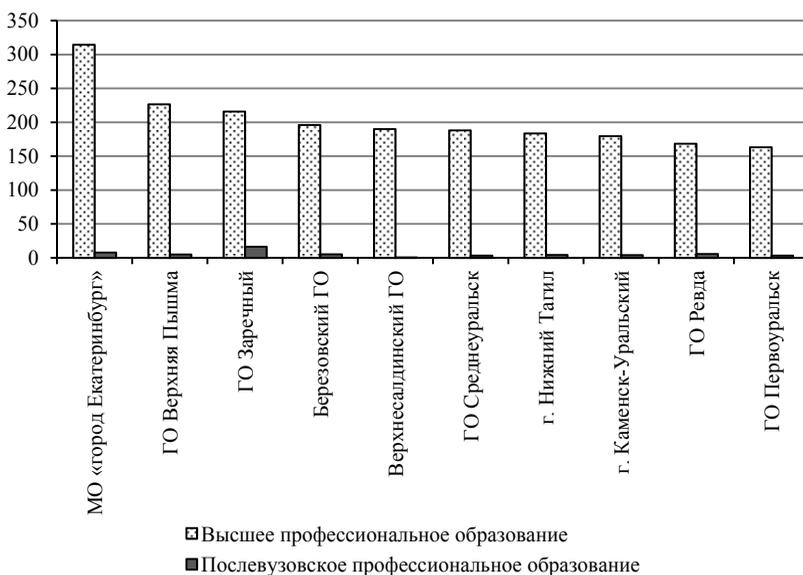

Рис. 2. Уровень образования населения (на 1 000 чел. в возрасте 15 лет и более, указавшие уровень образования), 2010 г., промилле¹

Таким образом, Екатеринбургская городская агломерация является одним из центров региона, распространяющим инновации на периферийные территории. Здесь сконцентрированы одни из лучших вузов страны, научно-исследовательские организации, высокотехнологичные медицинские и культурные центры, высококвалифицированные рабочая сила и человеческий капитал. При этом имеет место факт «стягивания» экономического пространства Свердловской области в пределах ЕГА, в этой связи важное значение приобретает управленческий аспект в развитии процессов агломерирования с тем, чтобы нивелировать отрицательные последствия и сосредоточиться на получении преимуществ в целях успешного социально-экономического развития регионов и всей страны в целом в условиях экономики нового времени.

¹ База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65>.

Библиографический список

1. *Анимица Е. Г., Силин Я. П.* Средний Урал на пути к новой индустриализации // Экономика региона. 2013. №3.
2. *Ижгузина Н. Р.* «Сжатие» пространства региона под воздействием крупных городских агломераций (на примере Свердловской области) // Сборник научных статей XIII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых по региональной экономике. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2015.
3. *Ижгузина Н. Р.* Расчет условно исчисленного валового агломерационного продукта (на примере крупных агломераций Свердловской области) // Журнал экономической теории. 2015. № 2.
4. *Кульков В. М.* Новая индустриализация в контексте экономического развития России // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 2.
5. *Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики* : науч. докл. / Е. Б. Ленчук, В. И. Филатов, Г. А. Власкин и др. М.: Ин-т экономики РАН, 2013.
6. *Проблемы развития агломераций России* / под ред. В. Я. Любовного. М. : Красанд. 2009.
7. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Новая индустриализация – стратегический вектор развития промышленности России // Управление промышленным предприятием в условиях новой индустриализации. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016.
8. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Перед вызовами третьей волны индустриализации: страна, регион // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 3(65).
9. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 3.
10. *Татаркин А. И., Романова О. А.* Теоретические основы и этапы новой индустриализации экономики России // Grand Altai Research & Education. 2014. № 1.
11. *Татаркин А. И.* Новая индустриализация экономики России: потребность развития и (или) вызовы времени // Экономическое возрождение России. 2015. № 2(44).

В. Н. Кузнецов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Государственная программа создания благоприятных условий для реализации инновационных проектов в моногородах

Аннотация. В статье анализируются меры государственной поддержки моногородов в отдельных депрессивных регионах Российской Федерации и создания в них благоприятных налоговых условий для организации новых инновационных производств. Рассматривается возможность создания в них территорий опережающего социально-экономического развития как программа мер по диверсификации экономики, обеспечению занятости населения и эффективного использования высококвалифицированных кадров.

Ключевые слова: моногород; градообразующее предприятие; территория опережающего социально-экономического развития; налоговые льготы.

Проблема моногородов в России решается на государственном уровне не одно десятилетие.

Еще в период строительства первых заводов в Российской империи вокруг них строились рабочие поселки, которые разрастались со временем до населенных пунктов со статусом города.

Заводы перерабатывали местные природные ресурсы и, как правило, являлись градообразующими предприятиями.

Наиболее актуальной проблемой моногородов стала в современной России после перехода в начале 1990-х годов от плановой к рыночной экономике и демилитаризации отдельных отраслей промышленности.

Термин моногород («моно» с греческого означает «единственный») имеет несколько критериев:

населенный пункт, в котором имеется одно или несколько градообразующих предприятий;

поселение городского типа с численностью населения более трех тысяч человек, из которых не менее 20% работают на предприятиях одной компании, которая обеспечивает более половины валовой продукции муниципального образования;

муниципальное образование, с одним градообразующим предприятием, либо несколькими, но относящимся к одной отрасли экономики, связанными между собой одной технологической цепью¹;

¹ Что такое – моногород? URL: <http://moneymakerfactory.ru/spravochnik/monogorod>.

территория монопрофильных муниципальных образований¹.

Постановлением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения», утверждены критерии отнесения муниципальных образований к моногородам и определены три категории в зависимости от складывающейся в них социально-экономической ситуации.

Распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р «О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов)» утвержден перечень моногородов, который включает 313 муниципальных образований. Документы правительства были подготовлены министерством экономического развития по поручению Президента России.

Все моногорода, включенные в перечень, распределены на три категории. К первой категории с наиболее сложным социально-экономическим положением отнесено 75 населенных пунктов; ко второй категории отнесены 149 моногородов, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения; к третьей категории моногородов, в которых социально-экономическая ситуация является стабильной, отнесены 89 населенных пунктов. Данный перечень подлежит ежегодному изменению с учетом изменения социально-экономического положения по представлению Минэкономразвития России².

Градообразующие предприятия в моногородах, как правило, относятся либо к государственной собственности, такие как федеральные государственные унитарные предприятия оборонной промышленности, либо предприятия, перешедшие в процессе приватизации в частную собственность. В период стагнации экономики собственники таких предприятий не проявляют стремления вкладывать в их модернизацию средства, поэтому они зачастую подлежат ликвидации, а их работники в силу отсутствия в муниципальном образовании других рабочих мест не имеют возможности трудоустроиться.

Безработица в моногородах достигает 30 % трудоспособного населения. Молодежь вынуждена покидать такие населенные пункты и мигрировать в поисках работы и лучших условий жизни. Взрослое население не может покинуть моногорода ввиду маловостребованно-

¹ *О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации* : федер. закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ (в ред. федеральных законов от 13 июля 2015 г. № 213-ФЗ, от 3 июля 2016 г. № 252-ФЗ).

² *О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов)* : распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р.

сти в другом регионе специальности по которой они работали, а также низкой стоимости жилья. В таких моногородах проживает одна десятая часть населения России¹. Сложная социально-экономическая ситуация сложилась и в районах Дальнего Востока.

Учитывая наличие таких проблем и их обострение в результате последних кризисных явлений в стране, введения внешних экономических санкций, была подготовлена государственная программа диверсификации депрессивных территорий и разработан проект закона «О территориях опережающего социально-экономического развития и иных мерах государственной поддержки развития регионов Дальнего Востока».

Однако растущий ком проблем в других депрессивных регионах заставил правительство внести коррективы в планы государственной поддержки и других территорий страны. 29 декабря 2014 г. был принят Федеральный закон № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (далее закон о ТОСЭР).

Федеральный закон о ТОСЭР устанавливает правовой режим, меры государственной поддержки и порядок осуществления предпринимательской деятельности на таких территориях. В соответствии с законом под ТОСЭР понимается «...часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, на которой в соответствии с решением Правительства Российской Федерации (РФ) установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения»².

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 252-ФЗ были внесены изменения в закон о ТОСЭР, которым было заменено понятие «моногород с наиболее сложным социально-экономическим положением» на «монопрофильное муниципальное образование в Российской Федерации с наиболее сложным социально-экономическим положением». Из наиболее существенных изменений в закон о ТОСЭР явилось дополнение ст. 34 закона ч. 1.1, который установил, что решения Правительства РФ о создании ТОСЭР на территории монопрофильных муници-

¹ Что такое – моногород? URL: <http://moneymakerfactory.ru/spravochnik/monogorod>.

² О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации.

пальных образований, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения, и монопрофильных муниципальных образований со стабильной социально-экономической ситуацией, включенных в перечень, утверждаемый Правительством РФ, принимаются на основании критериев, устанавливаемых Правительством РФ, и должны содержать обоснования целесообразности их создания с учетом действующих льготных режимов на территориях указанных монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов)¹.

Законом о ТОСЭР предусмотрено предоставление для новых зон экономического роста особого правового режима осуществления предпринимательской деятельности, который включает в себя установление льготных ставок арендной платы за пользование объектами недвижимого имущества, льготы по налогообложению, применение таможенных процедур свободной таможенной зоны, приоритетное подключение к объектам инфраструктуры, установление особенностей государственного и муниципального контроля, предоставление государственных услуг и освобождение резидентов от уплаты налогов на имущество и земельного налога. Таким образом, государство стимулировало приток инвестиций в ТОСЭР для решения социальных и экономических задач.

В условиях экономического кризиса и внешних санкций, государство стимулировало бизнес вкладывать инвестиции в развитие конкурентных технологий, в создание новых рабочих мест, предоставляя значительные преференции и льготы в целях «компенсации» издержек бизнеса, связанных со сложившимися особыми условиями хозяйствования.

В соответствии с законом о ТОСЭР на территориях монопрофильных муниципальных образований РФ, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения, и в монопрофильных муниципальных образованиях со стабильной социально-экономической ситуацией, включенных в перечень, утверждаемый Правительством РФ, ТОСЭР разрешено создавать начиная с 1 января 2017 г.

Чтобы стать инвесторами (резидентами ТОСЭР) компании должны заключить соглашение с органами власти субъекта федерации о создании инвестиционного проекта. Соответственно государство дает гарантию предоставить компании-резиденту всестороннюю поддержку и софинансирование проекта через Фонд развития моногородов. Доля финансирования в форме участия в уставном капитале или

¹ *О внесении изменений в Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» и Федеральный закон «О свободном порте Владивосток»* : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 252-ФЗ.

целевого займа может составить 40 % общей стоимости проекта при годовой процентной ставке 5 %¹.

В ТОСЭР активно используются возможности привлечения трудовых ресурсов из числа местного населения, сотрудничества с местными предприятиями и с инвесторами (резидентами).

Финансовое обеспечение объектов инфраструктуры ТОСЭР осуществляется за счет федерального бюджета, бюджета субъекта РФ и местного бюджета, а также внебюджетных источников финансирования путем внесения в уставный капитал управляющей компании, предоставления субсидий на возмещение процентной ставки по кредитам инвесторов, для строительства объектов инфраструктуры, в размере до 100 % от ставки рефинансирования и использования иных механизмов проектного финансирования².

Резидент ТОСЭР заключая соглашение с управляющей компанией, берет на себя обязательство осуществлять деятельность, предусмотренную соглашением, осуществить инвестиции, в том числе и капитальные вложения, а управляющая компания обязуется осуществлять полномочия, предусмотренные законом о ТОСЭР, в том числе предоставить резиденту в собственность или аренду земельный участок.

Приоритетным для резидента ТОСЭР в рамках инвестиционного проекта является создание рабочих мест (не менее 20 ед.) и освоение капитальных вложений размером не менее 5 млн р. в течение первого года после включения в реестр резидентов ТОСЭР. За весь период действия соглашения (10 лет) резидент должен проинвестировать в новый проект не менее 50 млн р.³

Реализация проекта ТОСЭР позволит обеспечить инвестиционную привлекательность монопрофильных муниципальных образований, сформировать и ускоренно развивать высокотехнологичные кластеры по перспективным направлениям, увеличить объем производства импортозамещающей продукции, создать новые высокопроизводительные рабочие места, увеличить налоговые поступления в бюджеты всех уровней и снизить зависимость местных бюджетов от градообразующих предприятий.

¹ *ТОР* в центре России // Ural Airlines Magazine. 2016. № 5(92).

² *О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации.*

³ *ТОР* в центре России // Ural Airlines Magazine. 2016. № 5(92).

Малые города Свердловской области: современное состояние и перспективы развития

Аннотация. Устойчивое развитие региона во многом зависит от состояния входящих в него муниципальных образований.

На сегодняшний день одна из важнейших проблем развития Свердловской области связана с малыми городами. В статье рассмотрены основные препятствия на пути развития малых городов; особое внимание уделено проблеме депопуляции. Решению задач, стоящих перед малыми городами Свердловской области, могут способствовать разработка и внедрение комплексных программ. Выделены некоторые проблемы использования программно-целевого подхода на современном этапе, предложены пути их решения.

Ключевые слова: малые города; Свердловская область; депопуляция; развитие; программно-целевой подход.

Актуальность выбранной темы определяется тем, что малые города являются каркасом системы расселения государства, однако социально-экономические преобразования последних лет не всегда способствовали их развитию. В Свердловской области из 47 городов 35 являются малыми. Наиболее типичным для Свердловской области является малый город с численностью жителей от 20 до 50 тыс. жителей. По темпам изменения численности жителей по сравнению с 1989 г. города Свердловской области разделены на следующие группы (табл. 1).

Большая часть малых городов Свердловской области может быть отнесена к группе с крайне высокой и высокой депопуляцией. Из 35 городов 29 потеряли по сравнению с 1989 г. более 10 % жителей, а 9 городов – более четверти. Наиболее благополучными с точки зрения численности жителей являются Арамилы и Среднеуральск. Основными проблемами малых городов Урала помимо депопуляции, являются:

большая зависимость жизни города от градообразующих предприятий;

нарастание износа основных фондов, недостаток мест приложения труда и рост безработицы;

низкий уровень развития культурных, социальных, инженерно-инфраструктурных объектов в сравнении с крупными городами;

слабое использование местных ресурсов и возможностей (малые города обладают рекреационным потенциалом, но используют его явно недостаточно);

дефицит бюджетных средств для реализации программ развития.

Таблица 1

**Классификация малых городов Свердловской области
по изменению численности жителей**

Группа	Критерий	Города
Города с крайне высокой депопуляцией	Сокращение численности жителей более чем на 25 % по сравнению с 1989 г.	Волчанск, Нижние Серьги, Красноуральск, Кушва, Верхняя Тура, Михайловск, Ирбит, Карпинск, Тавда
Города с высокой депопуляцией	Сокращение численности жителей на 10–25 % по сравнению с 1989 г.	Североуральск, Артемовский, Алапаевск, Новая Ляля, Нижняя Тура, Кировград, Верхняя Салда, Туринск, Невьянск, Камышлов, Талица, Богданович, Качканар, Нижняя Салда, Ивдель, Красноуфимск, Верхний Тагил, Реж, Дегтярск
Города с умеренной депопуляцией	Сокращение численности жителей менее чем на 10 % по сравнению с 1989 г.	Сухой Лог, Сысерть, Верхотурье, Заречный
Города с увеличением численности жителей	Увеличение численности жителей	Арамилы, Среднеуральск

На основании оценки степени и глубины проблем малых городов многие авторы приходят к мнению, что их сохранение в будущем бесперспективно. Есть оценки, что в течение ближайших 20 лет из малых городов высвободится до 20 млн жителей, которые мигрируют в крупные города [5, с. 29]. Сокращение малых городов или их исчезновение представляет собой большую угрозу для Свердловской области, ее безопасности, территориального развития, культуры и истории.

В качестве инструмента развития малого города может быть использован программно-целевой подход. Задача перехода к программно-целевому планированию для всех уровней власти была поставлена Президентом в 2011 г.¹ Возможности применения программно-целевого подхода, в том числе в муниципальном управлении, освещены в работах А. М. Елохова [1], Н. А. Истоминой [2; 3], М. И. Лукиных [4], И. Г. Сангадиевой [6] и целого ряда других авторов. Нормативную основу для разработки данных программ в Свердловской области составляют:

Закон Свердловской области от 15 июня 2015 г. № 45-ОЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации, осуществляемом на территории Свердловской области»;

постановление Правительства Свердловской области от 31 июля 2015 г. № 692-ПП «Об утверждении Порядка формирования и реали-

¹ *Бюджетное* послание Президента РФ Федеральному собранию от 29 июня 2011 г. «О бюджетной политике в 2012–2014 гг.».

зации комплексных программ развития муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области».

Комплексная программа представляет собой комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам и обеспечивающих наиболее эффективное достижение целей и решения задач социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, создание благоприятных условий для инвестиционной и предпринимательской деятельности. Программа должна разрабатываться на срок от 6 лет.

В сложившихся условиях программно-целевой подход представляет собой один из наиболее эффективных методов управления малым городом. На его основании можно систематизировать проблемы, поставить цели, разработать и реализовать мероприятия, которые будут способствовать либо развитию города, либо защите его от деградации и депопуляции. Программно-целевой подход уже используется в большинстве малых городов, однако его применение сталкивается с целым рядом проблем.

Проблема 1. Наиболее значимой на данный момент является проблема, которая заключается в отсутствии единого взгляда на проблему малых городов на федеральном уровне. Большинство малых городов сталкивается с одним и теми же трудностями: депопуляцией, слабым развитием инфраструктуры, дефицитом бюджетов. В советский период развития происходило активное развитие малых городов, особенно в северном и восточном направлении. За последнее 20 лет большинство малых городов потеряло от 10 до 30 % своего населения, то есть «восточный» и «северный» вектор территориального развития сменился на «центральный». С переходом к рынку государство устранилось от централизованного планирования территориального развития, в том числе и в части развития малых городов.

Проблема 2. Крайняя разрозненность и разобщенность программных документов при их большом разнообразии. На территории Свердловской области утверждены более 300 программ местного значения по всем сферам жизнедеятельности. Такое большое количество программ местного значения создает большую нагрузку на муниципалитеты, которые вынуждены обеспечивать финансирование по ним, отчитываться о проведенных мероприятиях, рассчитывать эффективность каждой программы, искать причины ее неэффективности. Поэтому, на наш взгляд, такое количество целевых программ является неуместным, создающим хаотичность и разрозненность в работе местных властей, требует работы по пересмотру многих программ в пользу их сокращения или интеграции с другими аналогичными программами.

Проблема 3. Нехватка финансовых средств на реализацию муниципальных программ. Возможности реализации программ развития малых городов Свердловской области во многом зависят от финансовых возможностей, в том числе от уровня бюджетной обеспеченности. Чем меньше город, тем меньше его бюджет, тем меньше возможности по разработке и реализации программных мероприятий. При анализе направлений разработанных целевых программ выявлено, что практически во всех муниципалитетах реализована программа по обеспечению жильем (программы «Жилище», «Молодая семья»). По этим программам основным источником финансирования являются средства федерального бюджета. Из-за нехватки средств некоторые программы приостанавливаются или вообще не выполняются.

Проблема 4. Нехватка кадрового и методического обеспечения при планировании, разработке и реализации программ. Разработка программ, оценка параметров ее эффективности требует достаточного высокого уровня квалификации кадров. Очевидно, что в ряде малых городов либо вообще отсутствуют специалисты, которые могут разработать и реализовать программу, либо их квалификации недостаточно для разработки необходимых документов.

Проблема 5. Неэффективность контроля за результатами разработки и реализации программ. Каждая программа содержит определенный целевой набор показателей, которые позволяют оценить ее эффективность. При проведении исследования был проведен мониторинг отчетов о реализации муниципальных целевых программ. Данные самих программ в настоящее время доступны. Они публикуются в прессе, на официальных сайтах администраций малых городов в сети Интернет, в справочно-правовых системах «Гарант», «Консультант-Плюс». В то же время публичная и доступная отчетность о результатах исполнения программ формируется не более чем по 10% программ. Это затрудняет возможности по оценке их эффективности как с позиции научного исследования, так и с позиции граждан, которые проживают в муниципальном образовании.

В целях снижения остроты выявленных проблем предлагается следующий комплекс мер (табл. 2).

Таблица 2

Комплекс мер по совершенствованию программно-целевого подхода в развитии малых городов

Проблема	Пути решения
Отсутствие единого подхода к решению проблем развития малых городов на федеральном уровне	Разработка Стратегии пространственного развития Российской Федерации, включение в нее раздела, посвященного малым городам

Проблема	Пути решения
Крайняя разрозненность и разобщенность программных документов при их большом разнообразии, отсутствие единого подхода к решению проблем	Переход от тематического подхода к комплексному, разработка и реализация комплексных программ развития малых городов
Нехватка финансовых средств на реализацию муниципальных программ	Использование многоканального финансирования и привлечение средств частных инвесторов за счет механизмов государственно-частного партнерства
Нехватка кадрового и методического обеспечения при планировании, разработке и реализации программ	Разработка методических рекомендаций по подготовке комплексных муниципальных программ. Повышение квалификации сотрудников администраций малых городов
Неэффективность контроля за результатами разработки и реализации программ	Установление обязательного требования о публикации отчетов о результатах реализации муниципальных целевых программ. Установление персональной ответственности за неисполнение обязанности по обязательному опубликованию результатов программ. Проведение общественных слушаний и обсуждения муниципальных целевых программ

Сохранение и развитие малых городов Свердловской области представляет собой важнейшую задачу, решение которой возможно только за счет координации усилий на уровне власти, бизнеса и научного сообщества.

Библиографический список

1. *Елохов А. М., Елохова Т. А.* Стратегическое программно-целевое управление. Пермь : Западно-Уральский ин-т экономики и права, 2015.
2. *Истомина Н. А.* Исследование опыта программно-целевого планирования в субъекте Российской Федерации (на примере Свердловской области) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 5.
3. *Истомина Н. А.* Программная составляющая расходов бюджета субъекта Российской Федерации как основа перехода к программному бюджету // Финансы и кредит. 2011. № 27(459).
4. *Лукиных М. И.* Программные инструменты регулирования экологической ситуации в муниципальном образовании // Известия Уральского государственного экономического университета. 2011. № 6(38).
5. *Любовный В. Я.* Курс на «сжатие пространства» – угроза целостности и безопасности России // Развитие городов в условиях глобализации : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2012.
6. *Сангадиева И. Г., Жербанова Ч. З., Шадонова Т. М.* Местное самоуправление и программно-целевой подход к развитию сельских территорий. Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2014.

Н. В. Сбродова, А. О. Машарова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

ИКТ-инфраструктура – драйвер становления нового технологического уклада в Свердловской области

Аннотация. В статье дана оценка текущего состояния и перспектив развития информационно-коммуникационной инфраструктуры Свердловской области как движущей силы становления в регионе производств пятого и шестого технологических укладов. Рассмотрены основные показатели ИКТ по Свердловской области в сравнении со средними показателями по стране.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии (ИКТ); ИКТ-показатели; ИКТ-инфраструктура; технологический уклад; региональная инфраструктура; телефонная плотность; ШПД; сеть Интернет; веб-сайт; персональный компьютер; информатизация; информационное общество.

Жизнеспособность социально-экономической среды региона во многом зависит от уровня развития и надежности инфраструктуры, поэтому инфраструктурное обустройство является первостепенной задачей экономического развития территории.

Современный этап социально-экономического развития мирового хозяйства характеризуется широким распространением процессов либерализации телекоммуникационных рынков, глобализации и персонализации услуг связи, цифровизации всех электромагнитных технологий передачи информации. Усложнение структуры хозяйственных комплексов, высокая взаимосвязь отраслей экономики, отдельных предприятий в рамках национального и международного рынков требуют рациональной оптимизации систем управления, которая осуществляется на основе широкого внедрения информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) [4, с. 3].

ИКТ-инфраструктура – это комплекс основных информационных сервисов, систем хранения и передачи данных, вычислительных систем, являющийся базой для функционирования любых информационных сервисов [3].

В настоящее время большое число исследователей во всем мире придерживаются концепции смены технологических укладов. В основе этой концепции лежит идея долговременных колебаний (длинных волн) в экономике, сформулированная в трудах Н. Д. Кондратьева, и гипотеза И. Шумпетера, которая связала такие колебания с предпринимательской активностью в освоении базисных технологических но-

вовведен. Эти идеи получили дальнейшее развитие в работах российских и зарубежных ученых С.Ю. Глазьева, А. Клайнкнехта, С. Кузнецца, Г. Менша, Ю. Яковца и других, которые способствовали становлению различных направлений теории длинных волн и смены технологических укладов [2].

По мнению исследователей, мы находимся в пятом технологическом укладе, который присоединился к четвертому укладу, где была создана глобальная система телекоммуникаций на основе телефонной и радиосвязи. Пятый технологический уклад может быть характеризуем как уклад инфокоммуникационных технологий, ключевым фактором его формирования является микроэлектроника. Среди основных несущих отраслей пятого технологического уклада следует назвать производство телекоммуникационного оборудования и средств автоматизации [1].

Точкой отсчета становления шестого технологического уклада следует считать преобразование веществ и конструирование новых материальных объектов, освоение нанотехнологий, а также клеточных технологий изменения живых организмов, включая методы геномной инженерии. Вместе с электронной промышленностью, информационными технологиями, программным обеспечением они составляют ядро шестого ТУ (рис. 1).

Рис. 1. Структура шестого технологического уклада [1]

Таким образом, ИКТ являются одним из ключевых факторов формирования шестого, новейшего, технологического уклада, а телекоммуникации и ИКТ-инфраструктура – драйвером, движущей силой, несущей отраслью.

В первую очередь, когда речь идет о влиянии ИКТ на экономику страны, говорят о доле ИКТ-сектора в ВВП. В региональном аспекте оценивается доля ИКТ-сектора в ВРП (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Валовая добавленная стоимость Свердловской области, 2010–2014 гг.

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
ВРП Свердловской области, млн р.	1 046 600,10	1 291 019,10	1 484 879,00	1 568 655,20	1 661 431,00
ВРП Свердловской области, млн р., транспорт и связь	98 380,41	143 303,12	181 155,24	161 571,49	159 497,38
ВРП Свердловской области (в текущих ценах; % к итогу), транспорт и связь	9,4	11,1	12,2	10,3	9,6

Примечание. Публикации/Каталог публикаций/Статистические сборники / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.

Доля сектора ИКТ в экономике Свердловской области значительна – порядка 10 % от ВРП.

Доля занятых в Свердловской области в сфере транспорта и связи на протяжении, как минимум, последних пять лет остается стабильной и составляет порядка 6 %. Это свидетельствует о востребованности данной сферы деятельности, даже в периоды экономической нестабильности в целом по стране. Такая тенденция отчасти является следствием преобладания в сфере связи и телекоммуникаций (равно как и в сфере транспорта) крупных корпораций преимущественно общероссийского масштаба с весомой долей государственного участия.

Спрос со стороны предприятий и организаций на ИКТ – важное условие получения эффектов от внедрения новых технологий. В настоящее время Интернет получил распространение практически во всех сферах – в образовании и финансовом секторе, в предпринимательском секторе и здравоохранении, системе социального обеспечения и государственного управления, в организациях культуры и спорта. Показательно, что удельный вес организаций, использующих Интернет в Свердловской области, на протяжении всего рассматриваемого периода превосходит среднероссийский показатель (табл. 2). Вместе с тем, несмотря на динамичность развития, масштабы распространения ИКТ в экономике региона по-прежнему ниже, чем в регионах развитых

стран, где доступ к Интернету имеют 94–100 % организаций предпринимательского сектора.

Т а б л и ц а 2

**Удельный вес организаций, использовавших Интернет
по Свердловской области,
% от общего числа обследованных организаций, 2011–2015 гг.**

Страна/регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация	82,4	84,8	86,9	88,1	89,0	88,1
Свердловская область	86,8	90,0	93,0	94,5	95,0	92,5

Примечание. Составлено по: *Публикации/Каталог публикаций/Статистические сборники / Федеральная служба государственной статистики.* URL: <http://www.gks.ru>; *Статистика и отчеты / Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.* URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity>.

В Свердловской области увеличилось число организаций, имеющих веб-сайт: по сравнению с 2005 г. оно выросло более чем в два раза (до 54,6 %), хотя такой уровень вряд ли можно назвать удовлетворительным.

Масштабное влияние на развитие российской сферы ИКТ оказывает импорт. Доля импортного продукта в оснащении национальной сети составляет: в программном обеспечении – более 90 %; в коммутационном оборудовании международной и междугородной связи – 100; в местной связи – 80; в ведомственных и корпоративных сетях – 90 %¹. Чрезмерно высокая зависимость развития передовых технологий Свердловской области от поставок из других стран, с одной стороны, представляет угрозу для дальнейшего развития территории; однако, с другой, этот факт раскрывает возможности для импортозамещения, а следовательно, создания новых рабочих мест в экономике региона.

Интегральным показателем, характеризующим потенциал территорий РФ для внедрения технологий нового уклада, является индекс готовности регионов России к информационному обществу. Свердловская область занимает 22-е место в рейтинге (рис. 2), что обусловлено не только внутренними ресурсами области, но также спецификой географического положения других территорий (развитие новейших видов связи особенно актуально для удаленных от центра страны регионов Дальнего Востока), и приоритетами государственной политики

¹ *Стратегия* развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212 I. URL : http://minsvyaz.ru/uploaded/files/strategiya_razvitiya_inf_obschestva_1.pdf.

(бюджетные инвестиции в развитии ИКТ-инфраструктуры в Калининградской области).

Место	Регион	Индекс	Место	Регион	Индекс
1	Москва	0,693	15	Челябинская область	0,500
2	Санкт-Петербург	0,643	16	Республика Карелия	0,499
3	Ямало-Ненецкий автономный округ	0,609	17	Ярославская область	0,498
4	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	0,569	18	Магаданская область	0,496
5	Тюменская область	0,553	19	Чукотский автономный округ	0,489
6	Мурманская область	0,541	20	Нижегородская область	0,489
7	Республика Татарстан (Татарстан)	0,524	21	Калининградская область	0,488
8	Хабаровский край	0,515	22	Свердловская область	0,485
9	Томская область	0,512	23	Чувашская Республика - Чувашия	0,482
10	Сахалинская область	0,511	24	Пермский край	0,481
11	Московская область	0,505	25	Красноярский край	0,477
12	Камчатский край	0,504	26	Республика Башкортостан	0,475
13	Ленинградская область	0,501	27	Омская область	0,473
14	Новосибирская область	0,500	28	Калужская область	0,470
			29	Самарская область	0,467

Рис. 2. Рейтинг готовности регионов России к информационному обществу в 2014 г.¹

В целом анализ развития отдельных элементов ИКТ-инфраструктуры подтверждает, что Свердловская область устойчиво демонстрирует уровень, превышающий среднероссийский, приближаясь по ряду показателей к регионам-лидерам. За исследуемый период наблюдается рост всех показателей использования ИКТ как в бизнесе, так и среди населения региона, что создает благоприятную среду для развития предприятий и улучшения социально-экономических показателей. Все это дает Свердловской области конкурентные преимущества в настоящее время и создает задел для дальнейшей реализации потенциала региона.

Библиографический список

1. *Андреева М. Е.* Технологические уклады современной экономики : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. фед. ун-т, 2016.
2. *Анимица Е. Г., Силин Я. П., Сбродова Н. В.* Теории регионального и местного развития. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015.

¹ *Индекс* готовности регионов России к информационному обществу. URL : <http://eregion.ru/metodologiya-indekса>.

3. Хаханов В. И., Чумаченко С. В., Литвинова Е. И., Мищенко А. С., Адамов А. С. Инфраструктура анализа и информационной безопасности киберпространства // Радиозлектроника и информатика. 2011. № 2.

4. Цаллагова С. Ю. Управление развитием региональной телекоммуникационной инфраструктуры : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010.

В. В. Лазарева

Амурский государственный университет, г. Благовещенск

Оценка устойчивого развития сельских территорий в условиях приграничного положения: теория и методология

Аннотация. Работа посвящена актуальной теме – оценке устойчивого развития сельских территорий в условиях приграничного положения. Обзор работ по специфике приграничных территорий позволил автору предложить методический подход к оценке влияния приграничного положения на устойчивое развитие сельских территорий.

Ключевые слова: сельские территории; устойчивость; приграничное положение; методика.

Обеспечение устойчивого развития сельских территорий требует оценки их устойчивости, отражающей социально-экономическое состояние данных территорий и позволяющей разработать эффективные организационно-экономические мероприятия по повышению их устойчивости, с учетом имеющегося потенциала. Попытки создания методики оценки устойчивости развития сельских территорий, учитывающей влияние не только экономических, но и социальных и экологических факторов, представлены работами как зарубежных, так и отечественных исследователей [3; 7; 8; 13; 14].

Однако в отношении такого типа сельских территорий как приграничные, данные вопросы специально не рассматривались. Учитывая данное обстоятельство, представляется необходимым конкретизировать методику оценки устойчивого развития сельских территорий в условиях приграничного положения, что в свою очередь требует идентификации понятия «приграничные сельские территории». В рамках данного исследования автором предложено следующее определение: «приграничные сельские территории – территории, испытывающие на себе наибольшее влияние границы и соседней страны, выполняющие особые приграничные функции и обладающие особым, дополнительным потенциалом развития и международного сотрудничества». Таким образом, при оценке устойчивого развития приграничных сель-

ских территорий, возникает необходимость исследования влияния приграничного положения на их развитие.

Обзор выполненных работ по вопросам влияния приграничного положения, позволил их систематизировать по следующим признакам:

5) в зависимости от рассматриваемого контекста:

исследования, проводимые в социально-экономическом контексте [4; 5; 6];

исследования, проводимые с институциональной точки зрения [10; 12];

исследования, носящие геополитический характер [11];

6) в зависимости от объекта исследования:

исследования, где в качестве объекта рассматривается один или несколько приграничных регионов одной страны;

исследования, рассматривающие приграничные регионы по обе стороны границы;

работы, где в качестве объекта исследования выступают приграничные и внутренние регионы одной страны;

7) по характеру влияния приграничного положения:

исследования, раскрывающие конструктивный характер влияния приграничного положения [2; 9];

исследования, раскрывающие деструктивный характер влияния приграничного положения [1].

Отсутствие единого мнения на сущность приграничного положения предопределила наличие в выполненных работах разнообразных подходов к оценке его влияния на развитие территорий. В некоторых из них используется только один критерий, в качестве которого могут быть показатели внешнеторгового оборота, иностранных инвестиций, количество совместных предприятий и другие. На наш взгляд, использование только одного критерия, не позволяет полностью оценить влияние на территории и придает исследованию односторонний характер. В других исследованиях используются сразу несколько признаков.

Вопросы оценки влияния приграничья на региональное развитие отражены в работе Л. Л. Божко, которая пишет «несмотря на значительное количество методологических подходов к оценке влияния интегративной функции приграничных территорий и приграничного экономического сотрудничества на региональное развитие, все они имеют узкую специализацию и сложность в применении». В качестве индикаторов, используемых в процессе оценки влияния приграничья, автор предложила комплекс показателей, включающий ВРП, инвестиции в основной капитал, занятость, внешнеэкономическую деятельность и инновационный потенциал, а также коэффициент интенсивности приграничья.

Большинство методик ориентированы на использование на региональном уровне и их простое копирование на муниципальный уровень просто невозможно или некорректно.

Учитывая данное обстоятельство, автор констатирует тот факт, что методика оценки влияния приграничного положения на развитие сельских территорий на внутрирегиональном уровне нуждается в дальнейшей доработке.

При оценке влияния приграничного положения на развитие сельских территорий мы будем исходить из следующих ключевых положений:

1) соотношение барьерной и контактной функций границы определяет функциональное предназначение приграничной территории, что в свою очередь влияет на каждую из подсистем устойчивого развития;

2) при оценке влияния приграничного положения на развитие территории, необходимо использование полимасштабного подхода, с выделением уровней приграничья. Данное положение основывается на том, что приграничные регионы, занимая различные по площади территории, могут испытывать воздействие границ не на всей ее территории. Согласно ст. 16 Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» и создания необходимых условий охраны государственной границы Российской Федерации, «в пограничной зоне устанавливается приграничный режим въезда (прохода), временного пребывания, передвижения лиц и транспортных средств; хозяйственной, промысловой и иной деятельности, проведения массовых общественно-политических, культурных и других мероприятий», что в свою очередь оказывает влияние на протекающие на данных территориях процессы. Одним из следствий этого является закрепление в развитии территорий пограничной зоны, черт периферийности, экономической слабости, инфраструктурной отсталости, ограниченности трудового потенциала.

В качестве методов оценки влияния приграничного положения на развитие сельских территорий возможно использование:

территориальный метод, с помощью которого приграничные территории рассматриваются с точки зрения выполнения ими специфических функций;

метод группировки – предполагающий разбиение исследуемых территорий по какому-либо существенному признаку (в данном случае по совпадению границы территории с государственной границей);

сравнительный метод, с помощью которого можно выявить внутрирегиональные сходства и различия сельских приграничных территорий;

типологический метод, использование которого позволит выделить однородные свойства и черты приграничных территорий;

методы математической статистики – используется для оценки взаимосвязи приграничного положения и интегрального показателя устойчивого развития сельских территорий.

Таким образом, процесс оценки устойчивого развития сельских территорий в условиях приграничного положения представляется в виде пяти последовательных этапов.

На первом этапе определяется геополитическая функция приграничного региона, а также определяются показатели интенсивности приграничного взаимодействия и проводится оценка их влияния на уровень устойчивого развития региона в целом. На втором этапе проводится группировка сельских территорий. На третьем этапе проводится сравнительный анализ развития различных групп сельских территорий. На четвертом этапе на основе расчета интегрального показателя устойчивости сельских территорий, проводится их типизация. На пятом этапе с использованием методов математической статистики проводится оценка взаимосвязи приграничного положения и интегрального показателя устойчивого развития сельских территорий.

Библиографический список

1. *Бадарчи Х. Б., Дабиев Д. Ф.* Типологический анализ приграничных регионов России по уровню социально-экономического развития (на примере Республики Тыва) // Проблемы прогнозирования. 2012. № 2.
2. *Божко Л. Л.* Приграничное положение как фактор регионального развития // Вестник Университета (Государственного университета управления). 2010. № 4.
3. *Газизов Р. М.* Устойчивое развитие сельских территорий: метод оценки и типологизации (на примере Красноярского края) // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 3(31).
4. *Глазырина И. П., Фалейчик А. А., Фалейчик Л. М.* Приграничное сотрудничество в свете инвестиционных процессов: пока минусов больше, чем плюсов // ЭКО. 2011. № 9.
5. *Гусев Л. Ю.* Приграничное сотрудничество России и Казахстана в сфере экономики // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 4(25).
6. *Дьяченко В. Н.* Использование приграничного положения в развитии внешнеэкономических связей // Управление экономическими системами. 2014. № 9(69).
7. *Меренкова И. Н.* Концептуальные и методологические подходы к исследованию устойчивого развития сельских территорий // Труды Вольного экономического общества России. 2010. Т. 129, № 2.
8. *Новикова И. И., Медков А. Л.* Комплексное исследование устойчивого развития сельских территорий // Труды Вольного экономического общества России. 2011. Т. 151.

9. *Пространство* современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М. : Вузовская книга, 2012.

10. *Рыжова Н. П., Ступникова А. В.* «Моральная экономика выживания» в селах Амурской области: влияние трансграничной экономической миграции // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 2–2.

11. *Трансграничный регион: понятие, сущность, форма* / под ред. П. Я. Бакланов, М. Ю. Шинковский. Владивосток : Дальнаука, 2010.

12. *Фадеева О. П.* Приграничные сельские территории Забайкалья: развитие или деградация? (заметки социолога) // ЭКО. 2014. № 11(485).

13. *Фролов В. И., Асафонова Е. О.* Методические подходы к разработке показателей устойчивого развития сельских территорий // Экономическое возрождение России. 2011. № 4.

14. *Черданцев В. П., Шаклеина С. А.* Методика экспресс-анализа устойчивого развития сельских территорий // Аграрный вестник Урала. 2016. № 3(145).

Е. С. Зубарев, Р. Т. Латыпов, В. В. Шведов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Основные направления государственного регулирования малого предпринимательства в Российской Федерации и ее регионах

Аннотация. Проанализированы современные направления государственного регулирования малого бизнеса, определены сильные и слабые стороны государственной поддержки этой важной составляющей российской экономики. Описаны ближайшие перспективы развития малого предпринимательства в условиях совершенствования государственного регулирования административно-правового, налогового и финансового обеспечения данного сегмента рынка. Рассмотрены перспективы внедрения нового реестра для малого и среднего бизнеса. С запуском запланированного реестра сократится число контрольных проверок бизнеса. Изучены возможности доступа представителей малого бизнеса к бюджетным средствам, выделяемым правительством в качестве поддержки, в том числе в виде грантов, из регионального бюджета для начинающих предпринимателей.

Ключевые слова: малый бизнес; государственная поддержка; грант; инновационный центр; технопарк; бизнес-инкубатор.

В Российской Федерации важной задачей для государственной экономической политики является развитие малого бизнеса. За последние 20–25 лет проблема отсутствия системного правового регулирования малого предпринимательства постоянно подвергалась обсуж-

дению на всех уровнях власти, однако практических результатов в данной сфере деятельности пока не наблюдается.

Общепринято, что к обязательным условиям построения «социального рыночного хозяйства» и демократического общества относятся гарантированная государством свобода предпринимательства [3]. Однако в современных социально-экономических условиях граждане нашей страны опасаются открывать свое дело, потому что не уверены в завтрашнем дне. Неудивительно, что в рейтинге экономической свободы Россия занимает 153-е место, соседствуя с такими странами как Таджикистаном и Гаити.

Доля малого бизнеса в ВВП России по-прежнему варьируется на уровне 20 %, в то время как самым оптимальным значением являются 48 % и выше (так, например, доля малого бизнеса в ВВП США – 50 %, а в Китае свыше 60 %) ¹.

К сожалению, государство не принимает достаточных мер по стимулированию предпринимательской активности населения, отсутствует достойная поддержка стартующих малых предприятий. Неудовлетворительная ситуация в развитии малого предпринимательства является следствием серьезных системных просчетов в экономической стратегии развития страны.

Решение проблем развития малого предпринимательства должно быть связано с уточнением целей, средств и методов государственной социально-экономической политики в отношении данного сегмента экономики, которая может быть эффективной при условии ее соответствия внутренней логике и мотивации развития [1].

Однако следует констатировать, что в настоящее время развитие малого и среднего предпринимательства в России контролируется и поддерживается государством путем изменений нормативной правовой и налоговой базы, административным регулированием предпринимательской деятельности, инновационной и кредитно-финансовой поддержкой. О государственной поддержке малого и среднего бизнеса свидетельствуют принятие и выполнение различных программ по поддержке малого и среднего предпринимательства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Сам механизм государственного регулирования и поддержки сферы малого предпринимательства призван обеспечить:

инновационную и рисковую деятельность малого предпринимательства (МП);

создание и развитие МП в сфере производства;

¹ Прогноз экономики России на 2017 г. URL: <http://biznesklubonline.com/stati/300-prognoz-ekonomiki-rossii-na-2017-god/> (дата обращения: 26.09.2017).

формирование предпринимательской среды через систему инновационных центров, технопарков, техно-инкубаторов, бизнес-инкубаторов;

научное обеспечение инновационного направления инвестиционного процесса МП;

защиту интересов МП во внешне-экономической деятельности;

содействие в достижении конкурентных преимуществ, работающих на экспорт;

оказание помощи в совершенствовании экономического механизма во взаимоотношениях с иностранными партнерами.

В 2016 г. в России увеличилось число компаний, которые относят себя к малым предприятиям и могут пользоваться действующими льготами. Это связано с внесенными изменениями в существующие критерии их признания [2].

Наименее защищенный от внешних экономических воздействий, малый бизнес первым ощущает на себе влияние экономических кризиса. Многочисленные попытки поддержать малое предпринимательство Правительством России (налоговые каникулы, субсидии, максимально возможное снижение налоговой нагрузки и прочие меры) не смогли в полной мере погасить негативные процессы и за первое полугодие 2016 г. закрылось 650 тыс. ед. малого бизнеса.

На текущий 2017 г. Министерство экономического развития РФ пообещало выделить данному сегменту рынка около 15 млрд р. Но не факт, что обещания будут выполнены в полном объеме, учитывая, что по всей стране идет оптимизация структур во благо экономии государственных средств. Тем не менее некоторые очевидные моменты поддержки все-таки присутствуют, что заметно облегчает жизнь предпринимателям.

Главным событием текущего момента можно назвать старт нового реестра для малого и среднего бизнеса. Эта инициатива принадлежит Министерству экономического развития РФ, со стороны которого также звучит критика о недостаточной оперативности реализации процесса. По предварительным данным, процесс начнется в начале следующего года. Это может облегчить деятельность частным предпринимателей по ведению своего бизнеса. Со стороны бизнесменов не требуется осуществлять каких-либо действий, в том числе по сбору документации, что всегда представляло собой проблему.

Еще одним положительным моментом станет возможность доступа представителей малого бизнеса к бюджетным средствам, выделяемым правительством в качестве поддержки.

С запуском запланированного реестра сократится и число контрольных проверок бизнеса.

По сути, компании, включенные в реестр, не будут подвергаться проверкам за исключением надзора со стороны органов МЧС России, Роспотребнадзора и контроля в сфере производства, так как в этих случаях речь идет не столько о развитии бизнеса, сколько о безопасности граждан и окружающей среды.

В 2017 г. для малого бизнеса стали доступны более гибкие условия кредитования. Большинство банков стали работать по новой программе, предлагая уникальные услуги начинающим предпринимателям. Так, например, в двенадцати банках запланировано уменьшение процентной ставки с существующих 14–16 до 10–11 %. В качестве залога при этом выступает, в том числе, и собственность самого предпринимателя. Еще одним минусом кредитования выступает возврат заемных средств.

Альтернативным решением рассматриваемой проблемы станет получение гранта, когда средства возвращать уже не придется. Одним из условий будет выступать необходимость отчета, на что были потрачены выделенные средства. Всего предлагается несколько вариантов такой безвозмездной помощи:

грант, выделяемый из регионального бюджета для начинающих предпринимателей. Его сумма не будет превышать трехсот тысяч рублей. 50 % от этой суммы оплачивает коммерсант, другую половину расходов берет на себя государство.

субсидии выдаются бизнесменам, имеющим практику ведения бизнеса и запланировавшим расширить свое перспективное дело. Средства выдаются на закупку нового оборудования и на покупку активов, где государственная поддержка достигает 90 %.

грант для безработных – предназначен для той категории населения, которая из-за кризиса попала под сокращение и имеет официальный статус «безработный». Это временная финансовая поддержка граждан, которые взамен обязуются найти себе работу.

В текущем году государство не планирует увеличивать налоговую нагрузку для малого предпринимательства. Причем такая политика будет продолжена и после 2017 г.

Предусмотренные льготы станут стимулом для развития новых видов деятельности, планируется расширить возможность применения патентной системы налогообложения. Такая мера во многом обуславливается ранее завышенной ставкой страховых взносов для индивидуальных предпринимателей, что предопределило уход многих предпринимателей из бизнеса.

Кроме того, поддержка малого предпринимательства будет выражена в запуске новой системы, работающей по принципу геомаркетингового навигатора, по которой каждый начинающий бизнесмен

сможет оценить конъюктуру рынка в определенном регионе и определять для себя, какой бизнес будет наиболее успешным и востребованным, прибыльным и эффективным в соответствующей ситуации. Данная система будет включать в себя более 200 бизнес-планов по самым разным видам деятельности (анонсированы 75 видов). В многофункциональных центрах бизнесмены смогут получить всю необходимую и полезную информацию о ведении собственной предпринимательской деятельности. Это варианты готовых бизнес-моделей, дополнительное обучение и др.

Таким образом, малый и средний бизнес в современной России – это 5,6 млн субъектов малого и среднего предпринимательства. В современных экономических условиях целесообразно поддерживать инвестициями те малые предприятия, которые уже вышли на рынок с конкурентоспособной продукцией, а крупный капитал следует экономически заинтересовывать вкладывать финансовые средства в венчурную инфраструктуру.

Развитие малого и среднего бизнеса как сектора экономики в целом и возможность реализации частной предпринимательской инициативы являются также необходимыми условиями успешного экономического и социального развития страны. Следует надеяться, что, те мероприятия, которые были запланированы Федеральным правительством на 2017 г. в сфере малого и среднего предпринимательства будут реализованы и станут реальной поддержкой для его дальнейшего развития.

Библиографический список

1. *Атамазова А. А.* Сущность малого предпринимательства // Молодой ученый. 2016. № 3.
2. *Высоцкая Т. Р.* К вопросу применения МСФО предприятиями малого и среднего бизнеса в России // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2016. № 3(25).
3. *Пономарева Н. В.* Особенности бухгалтерского учета малых сельскохозяйственных организаций // Международные научные исследования. 2016. № 2(27).

Системно-сетевой подход в исследовании экономики региона

Аннотация. Системно-сетевое представление объектов исследования стало визитной карточкой XXI века, методологическим направлением современной науки. Цель работы – определение концептуальных основ современного развития экономики региона с позиции системно- сетевого подхода. Обоснованы сущность и потребность в переходе от системного к системно-сетевому подходу в исследовании региональной экономики и развития региона. Обобщены различные точки зрения на современные тенденции сетевизации отношений между экономическими субъектами, формирования новых организационных структур. Уточнено понятие сети; в научный оборот введены понятия «социально-экономическая сеть региона», а также классификационный признак «способ создания», согласно которого выделяются самоорганизующиеся и несамоорганизующиеся социально-экономические сети региона. Обоснована необходимость применения системно-сетевого подхода к самоорганизации субъектов экономической деятельности региона.

Ключевые слова: системно-сетевой подход; развитие региона; сеть; самоорганизация субъектов экономической деятельности.

Анализ научных трудов отечественных ученых показал, что в исследовании региональной экономики наблюдается переход от системного к системно-сетевому подходу, в рамках которого особое внимание уделяется не столько элементам и свойствам региона как системы, сколько структуре региона, многообразию связей и взаимоотношений между элементами системы, между элементами системы и окружающей средой.

В определенной степени, появлению системно-сетевого подхода способствует критика системного (структурно-функционалистского) подхода к развитию регионов. Так, по мнению Е. Р. Метелевой [20], в рамках чисто системного подхода каждый элемент (подсистема) выполняет закрепленные за ним функции и не мотивирован на установление дополнительных связей с другими элементами, если эти связи не предписаны «системой», т. е. федеральным центром. Такая ситуация провоцирует централизацию ресурсов и вынужденную конкуренцию регионов между собой.

С другой стороны, появление системно-сетевого подхода в научных исследованиях можно связать с попытками обосновать общемировые тенденции сетевизации отношений между экономическими субъектами, формирования новых организационных структур.

Так, ученые обращают особое внимание на общемировые тенденции, в число которых входят стратегическое партнерство субъектов региональной экономики, развитие кластерной инициативы [9], процессы интеграционного взаимодействия во внутренней и внешней средах региональной экономики [7]. В свою очередь, Д. Д. Катукон, В. Е. Малыгин, Н. В. Смородинская [16] обращают внимание на развитие сетевого уклада жизни, когда в основе организации экономики и общества лежат сетевые информационные потоки, сетевые структуры и сетевые взаимодействия.

По мнению А. И. Татаркина, современной тенденцией является усиление интеграционных процессов, появление различных форм стратегических партнерств, которые, в свою очередь, отражаются на организационно-экономических и финансовых отношениях между субъектами экономической деятельности [26].

Сеть представляется как новый способ координации связей и гармонизации интересов [24], характерный для всех сфер хозяйственной деятельности [25] и территорий [20].

Говоря о современных региональных экономических системах, М. А. Бушуева, Н. Н. Масюк, А. Е. Каранцева подчеркивают тенденцию перехода к кластерному строению с преобладанием сетевых межфирменных и межорганизационных взаимодействий [8].

Взаимодействие экономических субъектов и объектов (хозяйствующих агентов) опосредуются некоторой упорядоченной системой экономических взаимосвязей, образующих сеть [21].

О необходимости активного включения регионов в систему сетевого взаимодействия говорит и П. Г. Бойчук [6].

Таким образом, исследуя современные тенденции в развитии экономических связей, построении структуры региона различные авторы отмечают рост значения сетей, под которыми нами понимается совокупность устойчивых отношений (механизмов, каналов), возникающих при взаимодействии между субъектами экономической деятельности (актерами сети), актерами сети и внешней средой.

Соглашаясь с Н. Е. Егоровой, необходимо отметить, что сетевые отношения входят в общий состав связей между элементами системы [15].

В тоже время, развитие сетевых отношений происходит в различных формах. Отечественными авторами выделяются стратегические альянсы между государственными структурами и бизнесом [3], между бизнесом, образованием и наукой [18]. Акцентируют внимание на вовлечении субъектов экономической деятельности в государственно-частные партнерства [5].

К сетевым структурам относят промышленные зоны или парки, партнерство, кластер, ассоциации, ассоциативные холдинги [19], франчайзинговые соглашения, долгосрочные соглашения, коллективные товарные знаки [12], интермодальные логистические центры, транснациональные корпорации и неформальные объединения бизнесменов, способные осуществлять крупные проекты во множестве отраслей [4].

Отмечается появление и институциональное закрепление новых устойчивых форм структурной организации среды региона: территориальный кластер, субрегиональная сеть [28].

Объектом различных научных исследований являются предпринимательские [13; 17], логистические [14], маркетинговые [11], экономические [22], инновационные [23], межфирменные [1; 2; 22] сети, торговая бизнес-сеть [29] и т. д. Проведя анализ ряда работ, нами выделено около 90 признаков классификации сетей, в числе которых отдельные виды сетей (маркетинговая, ресторанная, розничная, торговая, инновационная, межфирменная сеть, сбытовая сеть туроператора) по территориальному признаку подразделяются на региональные. В тоже время, в научных исследованиях практически не встречается видовое понятие социально-экономическая сеть. Лишь в работе Д. В. Попова социально-экономическая сеть упоминается как разновидность экономической сети классифицированной по признаку сферы деятельности [22].

Малоизученными являются и самоорганизующиеся сетевые структуры, к числу которых относят маркетинговую сеть [11], кластер [10].

В условиях, когда перед регионами стоит задача поиска дополнительных источников для саморазвития, а в экономике регионов наблюдаются процессы сетевой самоорганизации субъектов экономической деятельности между собой, а также с субъектами внешней среды, необходимо ввести в научный оборот понятие социально-экономической сети региона, под которой мы понимаем совокупность устойчивых социальных и организационно-экономических отношений (механизмов, каналов и др.) складывающихся при взаимодействии между субъектами экономической деятельности региона (актерами сети), а также между актерами сети и внешней средой для согласования разнородных интересов и достижения определенной цели: собственного развития и саморазвития регионов.

Предлагается по признаку «способ создания» классифицировать социально-экономические сети региона на самоорганизующиеся и несамоорганизующиеся. По мнению В. В. Горочной, отличительной чертой региональной экономики является наличие всех необходимых свойств для возникновения и реализации самоорганизационных начал: это открытая, многоэлементная система, характеризующаяся многомерностью, сложностью и нелинейностью взаимосвязей [10].

Помимо указанных выше современных тенденций в региональной экономике, выделение видового понятия «социально-экономическая сеть региона» и классификационного признака «способ создания» обусловлено необходимостью перехода от прямых и директивных методов регионального управления к косвенным формам поддержки самоорганизационных тенденций [10]. На примере кластера разные авторы [10; 27] отмечают, что субъекты региональной власти, чаще всего, выступают в роли учредителей отдельных кластеров стратегического назначения, не учитывая реальные возможности самоорганизации субъектов экономической деятельности в кластеры и другие формы сетевых структур. Результатом такого управления является то, что на Урале из 29-и рекомендованных функционирует не более полутора десятков кластерных объединений в разных отраслях и сферах деятельности (Титановая долина, химический кластер, ИТ-кластер, строительный кластер, фармацевтический кластер, деревообрабатывающий кластер, десной кластер и др.). Реально же системно-сетевое взаимодействие входящих в кластер предприятий обеспечивают лишь пять из перечисленных [27].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В настоящее время теория сетевых структур значительно отстает от практики. Необходим переход от чисто системного к системно-сетевому подходу в исследовании региональной экономики. Понятие сети должно быть уточнено и дополнено с учетом регионального аспекта, самоорганизационных сетевых процессов.

Библиографический список

1. *Акинфеева Е. В.* Сетевые структуры как способ экономической интеграции и оценка их свойств: на примере ФПП : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2004.
2. *Апарина Н. Ф.* Межфирменные сети: формирование и тенденции развития в постсоветской экономике : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Кемерово, 2005.
3. *Балдина Ю. В., Масюк Н. Н.* Государственно-частное предпринимательство как инновационная форма взаимодействия бизнеса и власти // Креативная экономика. 2013. № 2 (74).
4. *Барков С. А.* Иерархия и сеть как источники социально-экономических инноваций // Проблемы безопасности российского общества. 2014. № 3-4.
5. *Батурина О. А., Масюк Н. Н., Мокшина Ю. В.* Российская практика оценки эффективности взаимодействия бизнеса и власти в форме государственно-частного партнерства // Наука и бизнес: пути развития. 2013. № 12(30).
6. *Бойчук П. Г.* Обеспечение финансовой конкурентоспособности предпринимательского региона в условиях сетевого взаимодействия : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 2008.

7. *Бондарчук О. П.* Ресурсы и инструменты регионального развития в условиях замедления экономики России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Майкоп, 2014.

8. *Бушуева М. А., Масюк Н. Н., Каранцева А. Е.* Кластерно-сетевая парадигма в управлении экономикой региона // Вектор науки тольяттинского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2015. № 4(23).

9. *Гончаров А. Ю.* Структурное управление сбалансированным социально-экономическим развитием региона: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Воронеж, 2016.

10. *Горочная В. В.* Развитие кластерных структур как самоорганизующийся процесс в региональной экономике: на примере Ростовской области : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д, 2014.

11. *Гринюк В. В.* Методы формирования маркетинговых сетей на промышленном рынке : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2012.

12. *Гулин С. А.* Сетевые структуры как объект экономической науки // Наука, техника и образование. 2015. № 12(18).

13. *Дзантиева Ф. С.* Развитие сетевых форм организации межфирменного взаимодействия субъектов предпринимательства : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Владикавказ, 2015.

14. *Евтодиева Т. Е.* Развитие форм организации логистики: теория и методология : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Самара, 2012.

15. *Егорова Н. Е.* Применение количественных методов для анализа сетевых структур // Аудит и финансовый анализ. 2006. № 1.

16. *Катуков Д. Д.* Институциональная среда глобализированной экономики: развитие сетевых взаимодействий : науч. докл. / под ред. Н. В. Смородиной. М. : Ин-т экономики РАН, 2012.

17. *Лисин Г. И.* Формирование стратегии динамично развивающейся предпринимательской сети : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2012.

18. *Масюк Н. Н., Батурина О. А., Бушуева М. А.* Стратегическое партнерство университетов с бизнес-средой: баланс взаимных интересов // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12-4 (53-4).

19. *Масюк Н. Н., Этезов А. Х., Брагина З. В.* Ассоциативный холдинг – предпосылки организации на примере текстильных предприятий. Иваново: Ивановская государственная текстильная академия, 2005.

20. *Метелева Е. Р.* Сетевой подход к управлению развитием городов: базовые понятия, ключевые положения, направления использования // Вопросы управления. 2011. № 15.

21. *Петропавлов И. А.* Развитие сетевых форм организации экономики в современных хозяйственных системах : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2006.

22. *Попов Д. В.* Организационно-экономический механизм формирования и развития сетевых структур в промышленности : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2013.

23. *Смирнова Е. В.* Формирование российской национальной инновационной системы на основе сетевой модели : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Королев, 2013.

24. *Сморodinская Н. В.* Смена парадигмы мирового развития и становления сетевой экономики // Экономическая социология. 2012. № 4.

25. *Стрельцов М. А.* О сущности и предмете сетевой экономики // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2009. № 3.

26. *Татаркин А. И.* Влияние интегрированных корпоративных структур на социально-экономическое развитие региона // Вестник УрФУ. Сер.: Экономика и управление. 2005. № 6.

27. *Татаркин А. И.* Системно-сетевое функционирование предприятий в рыночной среде // Голиковские чтения : сб. науч. тр. Челябинск : ИЦ «Уральская академия», 2016.

28. *Хилько Н. А.* Участие вертикально интегрированных корпораций и сетевых организаций в развитии региональных экономических систем современной России: на материалах ЮФО : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Майкоп, 2014.

29. *Шнорр Ж. П.* Состояние и развитие торговли территории в условиях глобализации: теория, методология, практика : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Красноярск, 2015.

О. Д. Фальченко

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Импортозамещение в индустриальном регионе (на примере Свердловской области)

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем импортозамещения в регионе. Рассмотрены основные направления импортозамещающей стратегии региона: внутриориентированное, внешнеориентированное и смешанное импортозамещение. Введение санкций в отношении России и обострение международной экономической и политической обстановки привело к необходимости активизации процессов импортозамещения, в том числе на уровне регионов.

На примере Свердловской области рассмотрена стратегия импортозамещения. Анализ структуры внешней торговли области позволил определить наиболее критичные товарные группы для региона, что, по мнению автора, является основой выбора приоритетных направлений концепции стратегии импортозамещения.

Сделан вывод: Свердловской области целесообразнее придерживаться стратегии смешанного импортозамещения, которая предполагает, что приоритетные направления для последующего освоения внешних рынков определяются в зависимости от располагаемых регионом ресурсов.

Ключевые слова: внешнеэкономические связи; регион; международное сотрудничество.

Явление импортозамещения является не новым как для мировой экономики, так и для Российской Федерации и ее регионов в частно-

сти. В 2014 г. перед регионами России была поставлена задача разработки и реализации политики импортозамещения.

Рассмотрению вопросов импортозамещения в Российской Федерации и ее регионах посвящено достаточное количество научных исследований. Примеры данных исследований представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

**Исследование проблемы импортозамещения страны/региона
в научных трудах российских ученых**

Автор (год)	Исследование
Киреев А. П. (1997) [6]	Обоснование преимуществ и механизмов роста импортозамещения страны/региона
Зайцев Д. Н. (2002) [3]	Организация производства импортозамещающей продукции как ключевое направление развития региона
Кадочников П. А. (2006) [5]	Анализ влияния макроэкономических процессов на развитие импортозамещения
Исмагилова Л. Р. (2004) [4]	Разработка направлений и механизмов регионального развития импортозамещающих производств
Терехов А. П. (2000) [10]	Анализ проблем конкурентоспособности импортозамещающей продукции промышленных предприятий
Макаров А. Н. (2011) [8]	Рост конкурентоспособности за счет импортозамещения в определенных кластерах (промышленных, рекреационных, сервисных и др.), который может быть вызван мерами по развитию производительных сил в регионе и мерами по противодействию потреблению импортной продукции
Борисова Е. Н., Фальченко О. Д. (2011) [2]	Оценка возможности реализации для российской экономики стратегий экспортоориентированного роста и импортозамещающей индустриализации
Татаркин А. И., Андреева Е. Л., Ратнер А. В. (2015) [9]	Обоснование необходимости внедрения политик реиндустриализации, импортозамещения и содействия экспорту на примере старопромышленного региона
Анимица Е. Г., Анимица П. Е., Глумов А. А. (2015) [1]	Обоснование значимости и важной роли импортозамещения в обеспечении экономической безопасности страны и ее регионов, особенно в периоды кризисов, геоэкономической и геополитической нестабильности; апробация регионального аспекта импортозамещения на примере организации промышленного импортозамещения в Свердловской области

По нашему мнению, под импортозамещением следует понимать тип экономической стратегии государства и регионов, ориентированный на замещение импортных товаров товарами национального производства (в том числе с помощью привлечения иностранного капитала) и защиту отечественных производителей, результатом которой является повышение конкурентоспособности страны и регионов, а также производимой продукции.

Согласно классификации стратегии импортозамещения применительно к регионам, в научной литературе выделяют три ее типа (см. например: [7, с. 125–127; 11, с. 150]):

1) стратегия внутриориентированного импортозамещения (классическое импортозамещение) – освоение и увеличение доли присутствия региональных предприятий на внутренних рынках; осуществляется с целью освоения исключительно внутреннего рынка страны/региона (например, Бразилия, Аргентина, Мексика, Чили, Парагвай, Уругвай и др.);

2) стратегия внешнеориентированного импортозамещения (экспортрасширение) – курс продвижения региональной продукции на мировой рынок; развитие производства национальных товаров (в том числе за счет привлечения иностранного капитала) на достаточно емком внутреннем рынке с последующим продвижением их на мировой рынок (например, Тайвань, Южная Корея, Малайзия, Таиланд, Филиппины и др.);

3) стратегия смешанного импортозамещения – это стратегия присутствия региональной продукции на внутреннем и внешнем рынках в различных пропорциональных соотношениях; приоритетные направления для последующего освоения внешних рынков определяются в зависимости от располагаемых экономикой ресурсов (например, Индия, Египет и др.).

Разделяя точку зрения О. А. Ушаковой [11], отметим, что количество и качество импортозамещающей продукции и целевых рынков, на которые будет направлена импортозамещающая продукция, – это факторы (параметры), влияющие на определение ключевого направления импортозамещения в регионе.

По мнению руководства Свердловской области, «санкции служат для Свердловской области скорей ободряющим фактором, поскольку помогают четче расставить приоритеты и обозначить векторы движения. На данный момент это своеобразный катализатор развития, но сдержанность нужно сохранять хотя бы потому, что санкции рано или поздно закончатся, и надо будет работать дальше»¹.

Свердловская область заняла 3-е место по реализации программы импортозамещения в Российской Федерации после Краснодарского края и Москвы².

¹ *Интервью* Министра международных и внешнеэкономических связей Свердловской области А. О. Соболева информационному агентству REGNUM от 23 сентября 2014 г. // Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. URL : <http://mvs.midural.ru/vistuplenia/750>.

² *Свердловская область* вошла в тройку лидеров среди регионов России по импортозамещению от 6 октября 2015 г. // Накануне.ru. URL : <http://www.nakanune.ru/news/2015/10/6/22416552>.

Учитывая стратегическое значение региона по ряду отраслей промышленности, реализация стратегии импортозамещения приобретает важное значение не только в экономическом плане, но и в разрезе преодоления технологического состояния и решения вопросов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Анализ внешнеторгового оборота Свердловской области и товарной структуры импорта и экспорта позволяют определить:

1) направления развития экспорта региона как результат развития внешнеориентированного импортозамещения (экспорторасширения);

2) наиболее критичные зоны импортозависимости региона по отдельным отраслям и по отдельным видам продукции.

По данным Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, регион является экспортоориентированным (внешнеторговое сальдо традиционно является положительным). В 2015–2016 гг. основу экспорта Свердловской области составляли металлы и изделия из них, продукция химической промышленности, а также машиностроительная продукция.

За аналогичный период в регион по импорту в основном поступали машиностроительная продукция, химическая продукция, металлы и изделия из них (табл. 2).

Таблица 2

**Товарная структура внешней торговли Свердловской области
в 2015–2016 гг., %**

Товарная структура	2015	2016
Экспорт		
Металлы и изделия из них	47,7	45,4
Машины, оборудование	15,3	25,8
Химическая продукция	24,2	16,6
Минеральные продукты	2,3	2,6
Древесина	2,3	2,2
Другие товары	7,0	6,3
<i>Итого экспорт</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>
Импорт		
Машины, оборудование	44,2	36,1
Металлы и изделия из них	15,3	20,3
Химическая продукция	18,1	18,0
Минеральные продукты	9,3	11,9
Продовольствие	5,1	5,3
Текстиль	2,3	2,6
Другие товары	3,8	4,4
<i>Итого импорт</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Примечание. Составлено по: *Министерство* международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. URL : <http://mvs.midural.ru>.

В 2016 г. предприятия и организации Свердловской области поддерживали внешнеэкономические связи со 135 странами мира. По данным табл. 2, несмотря на машинотехническую направленность экспорта региона, также высока его импортная зависимость от поставок из-за рубежа машин, оборудования, металлопродукции и химической продукции.

Тенденция импортной зависимости от поставок высокотехнологичных товаров также прослеживается (табл. 3). Так, в 2016 г. доля высокотехнологичных товаров в импорте и экспорте составила 61,3 и 14,5 % соответственно.

Таблица 3

**Доля высокотехнологичных товаров
в структуре экспорта и импорта Свердловской области
за 2013–2016 гг., %**

Показатель	2013	2014	2015	2016
Доля высокотехнологичных товаров в экспорте региона	10,2	10,0	12,8	14,5
Доля высокотехнологичных товаров в импорте региона	62,4	61,2	58,7	61,3

Примечание. Составлено по: Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области (Свердловскстат). URL : http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat.

Оценка сложившейся структуры внешней торговли Свердловской области позволяет определить наиболее критичные товарные группы для региона. По нашему мнению, это должно быть положено в основу выбора приоритетных направлений концепции стратегии импортозамещения и ее реализации в регионе.

Таким образом, можно отметить, что Свердловской область – это регион, где целесообразнее проводить смешанную политику импортозамещения. По нашему мнению, ключевыми направлениями реализации стратегии импортозамещения Свердловской области должны стать:

1) достижение технологической независимости в критических областях в рамках стратегии внутриориентированного импортозамещения, в том числе с целью сокращения доли высокотехнологичных товаров в импорте региона;

2) формирование, поддержание и развитие экономического потенциала региона для освоения глобальных рынков с целью реализации внешнеориентированного импортозамещения;

3) обеспечение экономической безопасности региона и страны в целом.

Библиографический список

1. *Анимица Е. Г., Анимица П. Е., Глузов А. А.* Импортзамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2015. № 3(43).
2. *Борисова Е. Н., Фальченко О. Д.* Принципы формирования внешнеэкономической стратегии страны // Известия Уральского государственного экономического университета. 2011. № 1(33).
3. *Зайцев Д. Н.* Организация производства импортзамещающей продукции как направление экономического развития региона : дис. ... канд. экон. наук. Оренбург, 2002.
4. *Исмаилова Л. Р.* Развитие экспортоориентированных и импортзамещающих производств как фактор интеграции региона в систему мирохозяйственных связей : дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2004.
5. *Кадочников П. А.* Анализ импортзамещения в России после кризиса 1998 г. М. : ИЭПП, 2006.
6. *Киреев А. П.* Международная экономика: в 2 ч. М.: Международные отношения, 1997. Ч. I. Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства.
7. *Левченко Л. В., Иванова Н. И.* Стратегии импортзамещения в мировой экономике: уроки для России // Экономические науки. 2016. № 5(138).
8. *Макаров А. Н.* Импортзамещение как инструмент индустриализации экономики региона (на примере Нижегородской области) // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 5.
9. *Татаркин А. И., Андреева Е. Л., Ратнер А. В.* Инструменты импортзамещения: перспективы российских регионов // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 6.
10. *Терехов А. П.* Повышение конкурентоспособности импортзамещающей продукции промышленных предприятий: дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2000.
11. *Ушакова О. А.* Стратегическое планирование импортзамещения в регионе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 8(183).

Д. А. Чупина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Внешнеторговые связи со странами ЕАЭС в развитии экономики региона

Аннотация. В статье рассмотрены особенности внешнеторговых связей Свердловской области со странами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Показано, что доля экспортных поставок предприятий области в страны ЕАЭС снижается в последние три года, причем наибольшее сокращение зафиксировано для Казахстана. В качестве возможной причины, ограничивающей внешнеторговое сотрудничество Свердловской области со странами ЕАЭС, представлены нетарифные торговые барьеры. Отмечено, что в 2014–2016 гг. наблюдался протекционистский тренд в регулировании взаимных поставок товаров в ЕАЭС. Число введенных торговых ограничений увеличилось с 47 в 2014 г. до 59 в 2016 г. Несмотря на то, что ведущие для свердловского экспорта рынки (металлургической и машиностроительной продукции) являются для российских товаров более открытыми в Беларуси и Казахстане по сравнению с остальными странами мира, действие существующих внешнеторговых барьеров может вести к увеличению цены до 144 %.

Ключевые слова: внешняя торговля; ЕАЭС; нетарифные барьеры; Свердловская область.

Одним из приоритетных направлений развития внешнеэкономических связей Российской Федерации являются страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС), договор о создании которого был подписан в 2014 г. ЕАЭС стал логическим продолжением интеграционного взаимодействия, начатого тройкой стран (Беларусь, Казахстан, Россия) в формате таможенного союза, трансформировавшегося впоследствии в общий рынок. В 2015 г. к Союзу присоединились два новых участника – Армения и Казахстан. Рассмотрим, насколько данный вектор внешнеэкономического сотрудничества является важным для Свердловской области (табл. 1).

Как видно из табл. 1, несмотря на присоединение к региональному интеграционному объединению в 2015 г. Армении и Киргизии доля поставок в страны ЕАЭС из Свердловской области снизилась с 10,1 % в 2014 г. до 8,0 % в 2016 г. Причем в последние два года вклад Армении, Беларуси и Киргизии оставался практически неизменным, в то время как доля Казахстана сократилась на 30 % с 8,3 % в 2014 г. до 5,8 % в 2016 г.

Рассматривая вопрос о причинах невысокой и сокращающейся доли стран ЕАЭС в зарубежных поставках Свердловской области, следует обратить внимание на роль нетарифных барьеров.

Таблица 1

Экспорт Свердловской области в страны ЕАЭС в 2014–2016 гг.

Страна	2014		2015		2016	
	Экспорт, тыс. дол.	Экспорт, % экспорта области	Экспорт, тыс. дол.	Экспорт, % экспорта области	Экспорт, тыс. дол.	Экспорт, % экспорта области
Армения	–	–	6 667,3	0,1	5 563,2	0,1
Беларусь	154 145,7	1,8	124 388,0	1,7	114 227,3	1,6
Казахстан	703 820,1	8,3	553 151,5	7,5	411 853,1	5,8
Киргизия	–	–	34 575,5	0,5	34 729,0	0,5
ЕАЭС	859 979,8	10,1	720 797,3	9,8	568 388,6	8,0

Примечание. Составлено по: Федеральная таможенная служба. Таможенная статистика внешней торговли. URL : <http://stat.customs.ru> (дата обращения: 08.10.2017).

Прежде всего следует подчеркнуть, что нетарифные ограничения в торговле являются в настоящее время одним из центральных вопросов международной экономической повестки. С конца XX века в мировой экономике наблюдаются два противоположных тренда: снижение тарифной защиты международной торговли при возрастании нетарифных барьеров. По итогам Уругвайского раунда ВТО (1986–1994 гг.) средние ставки пошлин на промышленные товары сократились на 40 % с 6,3 % до 3,8%¹, а к началу XXI в. 52% мировой торговли велось по нулевым ставкам [2, с. 48]. На этом фоне страны стали активнее использовать нетарифные меры для защиты своих внутренних рынков. К настоящему времени на 96% международного товарооборота накладывается как минимум одна нетарифная мера². При этом искажающий эффект нетарифных ограничений, как правило, гораздо сильнее влияния таможенных пошлин. Дополнительным фактором усиления нетарифного протекционизма стал глобальный экономический кризис 2008-2009 гг. Ухудшение глобальной экономической конъюнктуры и потребность в дополнительной поддержке внутренних производителей выступают триггером нового витка политики «разорения соседа», грозящего углублением спада в мировой экономике. Действительно, только за первые пять посткризисных лет на тарифные ограничения пришлось лишь 12 % всех введенных протекционистских мер [1, с. 9]. Таким образом, глобальная экономическая повестка последнего десятилетия требует выработки подходов к снижению нетарифного давления на международную торговлю. Однако решение этой задачи ослож-

¹ World Trade Organization. URL: <https://www.wto.org> (accessed on: 04.10.2017).

² Impact of Non-tariff measures and trade regulations on Global Trade URL : http://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=1549&Sitemap_x0020_Taxonomy=UNCTAD%20Home;#2179;#UNCTAD%20NTMs%20Week%202017;#2030;#Trade%20and%20Non-Tariff%20Measures (accessed on: 04.10.2017).

няется «пробуксовкой» Дохийского раунда переговоров ВТО. Потенциальным выходом из этой ситуации могло бы стать согласование подходов к нетарифной либерализации в рамках региональных интеграционных объединений, в которых за счет более узкого круга участников и, как правило, более близких интересов достижение договоренностей представляется более вероятным. В свою очередь, принятые в рамках региональных интеграционных объединений решения могли бы стать консолидированными вариантами для переноса на мировой уровень.

В 2014–2016 гг. в рамках ЕАЭС страны ввели 164 ограничительные меры в торговле товарами и только 26 либерализующих. При этом против Беларуси было введено больше всего мер (40,2 %), далее следовали Казахстан (24 %), Россия (23,9 %), Армения (7,1 %), Киргизия (4,8 %). В отраслевом разрезе по числу действовавших ограничительных мер в торговле лидировали¹:

- 1) автомобили, прицепы и полуприцепы; их детали и принадлежности (9,5 % ограничительных мер);
- 2) обработанные жидкие молоко и сливки (5,9 %);
- 3) прочие молочные продукты (4,5 %);
- 4) мясо и мясные продукты (4,5 %).

Одна из основных проблем с оценкой роли нетарифных барьеров в развитии международной торговли связана со сложностью квантификации этого влияния. Возможным выходом в этой ситуации становятся глубинные интервью участников внешнеэкономической деятельности. В 2014 г. Евразийским банком развития для рынка Таможенного союза/Единого экономического пространства (ТС/ЕЭП) было проведено такое исследование, охватившее 530 предприятий на территории Беларуси, Казахстана и России. В РФ в анкетировании участвовали 144 предприятия, в том числе и из Свердловской области. Основные полученные результаты представлены ниже.

1. Основным нетарифным инструментом, оказывающим искажающее действие на торговлю между странами ЕЭП, являются технические барьеры, в частности требование тестирования и сертификации продукции, а также соблюдения производственных стандартов.

2. Самые низкие издержки от нетарифных ограничений в торговле выявлены для предприятий из Беларуси.

3. Высокий уровень издержек от введенных странами ЕЭП нетарифных барьеров в отношении взаимных поставок отмечен для машиностроительной отрасли.

¹ *Global Trade Alert*. URL : <http://www.globaltradealert.org> (accessed on: 08.10.2017).

4. Нетарифные барьеры практически не приводят к ограничению ассортимента поставляемой на рынок ЕЭП продукции [3].

Таблица 2

**ТОП-3 товарных позиций экспорта Свердловской области
в страны ЕАЭС в 2014–2016 гг.**

Год	Товарная позиция экспорта № 1		Товарная позиция экспорта № 2		Товарная позиция экспорта № 2	
	Код ТН ВЭД ЕАЭС	Доля экспорта, %	Код ТН ВЭД ЕАЭС	Доля экспорта, %	Код ТН ВЭД ЕАЭС	Доля экспорта, %
Армения						
2015	73 – Изделия из черных металлов	33,6	84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	19,9	71 – Жемчуг природный или культивируемый, драг. или полудрагоценные камни, пр.	12,1
2016	73 – Изделия из черных металлов	55,4	84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	10,8	44 – Древесина и изделия из нее; древесный уголь	7,8
Беларусь						
2014	73 – Изделия из черных металлов	32,9	84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	9,4	74 – Медь и изделия из нее	8,1
2015	73 – Изделия из черных металлов	45,3	84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	8,0	76 – Алюминий и изделия из него	6,6
2016	74 – Медь и изделия из нее	17,4	73 – Изделия из черных металлов	14,1	84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	10,7
Казахстан						
2014	73 – Изделия из черных металлов	32,4	72 – Черные металлы	11,7	84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	11,0
2015	73 – Изделия из черных металлов	28,4	72 – Черные металлы	15,6	84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	13,7

Окончание табл. 2

Год	Товарная позиция экспорта № 1		Товарная позиция экспорта № 2		Товарная позиция экспорта № 2	
	Код ТН ВЭД ЕАЭС	Доля экспорта, %	Код ТН ВЭД ЕАЭС	Доля экспорта, %	Код ТН ВЭД ЕАЭС	Доля экспорта, %
2016	73 – Изделия из черных металлов	20,4	72 – Черные металлы	13,5	84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	11,0
Киргизия						
2015	72 – Черные металлы	25,3	73 – Изделия из черных металлов	17,5	15 – Жиры и масла животного или растительного происхождения, пр.	8,2
2016	72 – Черные металлы	28,9	73 – Изделия из черных металлов	19,4	15 – Жиры и масла животного или растительного происхождения, пр.	7,5

Примечание. Составлено по: Федеральная таможенная служба. Таможенная статистика внешней торговли. URL : <http://stat.customs.ru> (дата обращения: 08.10.2017).

Очевидно, что степень нетарифных торговых ограничений может иметь отраслевую специфику. Соответственно, требуется определить товарный профиль экспортных поставок из Свердловской области в страны ЕАЭС.

Как видно из табл. 2, Свердловская область поставляет в ЕАЭС преимущественно:

- недрагоценные металлы и изделия из них (группы 72, 73, 74, 76);
- машины, оборудование и механизмы (группа 84);
- древесину и изделия из нее (группа 44);
- жиры и масла (группа 15);
- драгоценные и полудрагоценные камни (группа 71).

В связи с этим рассмотрим более подробно оценку нетарифных торговых ограничений при поставках из России в Беларусь и Казахстан по итогам исследования ЕАБР в двух отраслях: Металлургическое производство; производство готовых металлических изделий и Производство машин и оборудования.

В целом респонденты из России оценили доступность обоих отраслевых рынков в Казахстане выше, чем в третьих странах мира, в то время как для Беларуси такую оценку получила только металлургия. По мнению участников опроса из РФ, влияние нетарифных барьеров на торговлю металлургической продукцией составляет 17,6 % стоимости экспортируемого товара при поставках в Беларусь и 41,4 % – при поставках в Казахстан.

Для машиностроительной продукции оценки на порядок выше: 106,9 % стоимости товара при экспорте в Беларусь и 144 % – при экспорте в Казахстан.

Отметим, что в рассматриваемых отраслях негативное влияние нетарифных барьеров при отправке товаров в Казахстан оценивается как более высокое. Также заметим, что в ЕЭП в целом самая высокая своеобразная «наценка» в результате действия нетарифных мер зафиксирована как раз для машин и оборудования [3, с. 35, 57].

Таким образом, доля экспортных поставок предприятий Свердловской области в ЕАЭС снижается в последние три года, причем наибольшее сокращение зафиксировано для Казахстана. В качестве возможной причины, ограничивающей внешнеторговое сотрудничество Свердловской области со странами ЕАЭС, могут выступать нетарифные торговые барьеры.

Отмечено, что в 2014–2016 гг. наблюдался протекционистский тренд в регулировании взаимных поставок товаров в ЕАЭС. Число введенных торговых ограничений увеличилось с 47 в 2014 г. до 59 в 2016 г. Несмотря на то, что ведущие для свердловского экспорта рынки металлургической и машиностроительной продукции являются для российских товаров более открытыми в Беларуси и Казахстане по сравнению с остальными странами мира, действие существующих внешнеторговых барьеров может вести к увеличению цены от 17,6 % (при вывозе металлургической продукции из России в Беларусь) до 144 % (при вывозе машин и оборудования из России в Казахстан).

Библиографический список

1. *Кадочников П. А.* Протекционизм и либерализация внешней торговли в России и ведущих странах мира // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 3.
2. *Мальцева В. А., Чупина Д. А.* Региональные и мега-региональные торговые соглашения: торговля сельскохозяйственной продукцией в Транстихоокеанском партнерстве // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12, № 1.
3. *Оценка влияния нетарифных барьеров в ЕАЭС: результаты опросов предприятий.* ЦИИ ЕАБР, 2015.

А. А. Коржевская

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Взаимодействие органов власти и корпоративных структур – одна из моделей инновационного регионального развития

Аннотация. В данной статье Государственная корпорация «Росатом» рассматривается как субъект инновационного развития территорий присутствия. Взаимодействие органов власти регионального и муниципального уровня и филиалов корпорации на соответствующих территориях позволяет успешно решать задачи инновационного развития региона и может быть взято за основу при разработке стратегии регионального развития, моделей взаимодействия бизнеса и власти.

Ключевые слова: регион; территория присутствия; корпорация; корпоративные структуры; инновационное развитие территорий.

В данной статье под территорией присутствия крупных корпоративных структур подразумевается некое земельное пространство, на которое распространяется юрисдикция государства или административной единицы в его составе, и присутствуют иные участники, оказывающие весомое влияние на развития данного региона.

Территория присутствия не тождественна муниципальному образованию, на территории которого расположено одно из предприятий-участников, хотя может частично или полностью географически совпадать с его границами. Эффект от взаимодействия органов власти и корпоративных структур имеет региональное и национальное значение.

Изучением взаимодействия органов власти и бизнеса на территории занимаются такие авторы, как Л. Е. Мошкова [4], И. Ю. Беляева [1; 2; 5], О. В. Данилова [2; 3; 5] и ряд других авторов.

К корпоративным структурам относятся крупные компании с различным юридическим статусом, имеющие долю государственного участия, призванные решать вопросы структурной и промышленной политики, ведущие активную социальную политику и принимающие всестороннее участие в процессах управления развитием территории, в том числе восстановления, поддержания и создания новых объектов инфраструктуры территорий присутствия.

Госкорпорации начали создаваться 10 лет назад – в 2007 г. В этот период в России были сформированы значительные резервные фонды и правительство приняло решение инвестировать часть накопленных средств в развитие стратегически важных отраслей и прилегающих к ним территорий.

С развитием финансово-экономического кризиса появилось понятие «системообразующее предприятие», предполагающее, что предприятие, относимое к данной категории, будет поддерживаться, в частности в финансовом отношении, федеральными и региональными органами управления. Всего на федеральном уровне было выделено 295 предприятий, относящихся к категории системообразующих. При этом критериями отбора были численность работающих (от 4–5 тыс. чел.) и оборот (свыше 15 млрд р. в год). Также отбирались градообразующие, инфраструктурные и обеспечивающие международные обязательства предприятия [6, с. 148].

За минувшие 10 лет многое изменялось, в том числе можно говорить о том, что на сегодня подобные предприятия поддерживают экономику муниципалитетов и регионов присутствия.

Один из наиболее ярких примеров крупных корпоративных структур, активно влияющих на развитие территорий присутствия, является Госкорпорация по атомной энергии «Росатом».

Сегодня стратегические цели «Росатома» направлены на сохранение и укрепление позиции одного из глобальных технологических лидеров мировой атомной отрасли за счет расширения присутствия на ключевых ядерных и смежных рынках, развития инновационных технологий, которые вносят существенный вклад в модернизацию российской экономики, способствуют ее переходу к инновационной модели развития.

Территории присутствия «Росатома» включают более 70 муниципальных образований, расположенных в 37 регионах РФ, в том числе 10 ЗАТО и 10 городов при АЭС. Вовлеченное население, по оценкам специалистов составляет около 3,3 млн чел., включая самих работников госкорпорации, членов их семей и население муниципальных образований¹.

ГК «Росатом» оказывает существенное экономическое влияние на территории присутствия. К факторам экономического влияния корпорации относят:

- создание и распределение экономической стоимости;
- создание рабочих мест;
- вклад в развитие смежных отраслей экономики (в том числе поддержка отечественных производителей, малого и среднего бизнеса);
- инвестиции в инфраструктуру;
- поддержка в проведении социально значимых, культурных и спортивных мероприятий;

¹ Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом». URL : <http://www.rosatom.ru>.

оказывают методическую помощь, принимают участие в согласовании и реализации планов развития городов и градообразующих предприятий при разработке стратегий ЗАТО.

Госкорпорацией «Росатом» инициирован проект по подготовке программ привлечения долгосрочного финансирования в развитие инфраструктуры и модернизацию ЖКХ.

Целью разработок, начатых еще в 2009 г., является диверсификация экономик ЗАТО и моногородов, модернизация инфраструктуры и повышение конкурентоспособности предприятий. Еще один важный аспект состоит в синхронизации стратегии развития атомной отрасли в целом со стратегиями развития отдельных территорий присутствия Госкорпорации «Росатом».

Госкорпорация «Росатом» строит свою деятельность как социально ответственная компания, устойчивое развитие которой способствует благополучию регионов и территорий расположения ее предприятий.

Большое внимание уделяется выстраиванию коммуникаций с региональными администрациями, общественными и экологическими организациями, органами образования в регионах расположения объектов атомной энергетики. В частности, проводятся региональные форумы-диалоги с целью обсуждения с представителями общественности, региональными властями социально-экономического развития территорий присутствия атомной отрасли, перспектив и программ развития атомных производств, обеспечения ядерной и радиационной безопасности, а также ряда других вопросов¹.

При сложившемся на сегодня положении, в сравнении с муниципалитетами территорий присутствия, корпорации обладают значительно большим кадровым резервом. Федеральные и региональные органы управления осуществляют поддержку и финансирование, а корпорации принимают участие в координации деятельности, налаживании диалога и конструктивного сотрудничества с органами местной и региональной власти. Таким образом, складывается ситуация при которой власть на территория присутствия фактически принадлежит корпоративным структурам.

На сегодняшний день ряд территорий присутствия ГК «Росатом» претендуют на статус ТОСЭР. В 1990-е годы некоторые из них имели статус особой экономической зоны, что способствовало их развитию.

В отчете Минэкономразвития РФ о развитии ГЧП в России в 2015–2016 гг. сказано, что в международной практике до 44 % всех

¹ Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом». URL : <http://www.rosatom.ru>.

инфраструктурных проектов финансируется за счет средств пенсионных фондов, в том числе негосударственных, и страховых компаний. В Российской Федерации на сегодня за счет средств ПФ финансируется всего 20 объектов, что составляет менее 1 %, а страховые компании на сегодня не участвуют в подобных проектах¹.

Пока речь шла только о взаимодействии органов власти и предприятий с долей государственного участия в целях обеспечения устойчивого развития территорий присутствия.

Положительный опыт «Росатома» может стать «отправной точкой» для рассмотрения на региональном и муниципальном уровнях возможности разработки собственных моделей взаимодействия с крупными компаниями без государственного участия, при которых те смогут участвовать в инфраструктурных проектах на взаимовыгодных условиях.

Библиографический список

1. *Беляева И. Ю.* Взаимодействие крупных бизнес-структур и органов власти на территории присутствия // Вестник Академии. 2014. № 1.
2. *Беляева И. Ю., Данилова О. В.* Теоретические и практические аспекты управления устойчивым развитием территории присутствия крупного бизнеса // Управленческие науки в современном мире. 2015. Т. 1, № 1.
3. *Данилова О. В.* Управление взаимодействием власти, бизнеса и общества в современной экономической системе // Управленческие науки в современном мире. 2016. № 1.
4. *Мошкова Л. Е.* Развитие партнерских отношений бизнеса и власти на территории присутствия: теория и практика. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2014.
5. *Особенности взаимодействия бизнес-структур и органов власти на территории присутствия* /под общ. ред. И. Ю. Беляевой, О. В. Даниловой. М. : Финансовый ун-т при Правительстве РФ, 2014.
6. *Рябинин В. В., Соколов А. В.* Госкорпорации в системе промышленности России // Экономические науки. 2011. № 3(76).

¹ *Исследование «Развитие государственно-частного партнерства в России в 2015–2016 гг. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП» / Ассоциация «Центр развития ГЧП», Министерство экономического развития Российской Федерации. М. : Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. С. 4.*

А. А. Шабалин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Программа развития деятельности в сфере охраны здоровья населения региона

Аннотация. На основании анализа нормативных правовых актов представлена программа развития деятельности в сфере охраны здоровья населения Свердловской области на краткосрочную и долгосрочную перспективу. Сформулированы основные направления развития деятельности в сфере охраны здоровья населения, конкретизированы поставленные задачи, в том числе в рамках новейшего документа – «Пятилетки развития» Свердловской области.

Ключевые слова: регион; охрана здоровья населения; программа развития.

Повышение качества жизни и благосостояния населения любого региона Российской Федерации невозможно без устойчивого роста экономики данной территории. В то же время повышение конкурентоспособности промышленного, инновационного и предпринимательского потенциала территории в глобальной экономике невозможно без накопления и сохранения человеческого потенциала.

Согласно данному принципу с целью создания необходимых условий для сохранения здоровья населения и улучшения демографической ситуации в Свердловской области разработана и утверждена постановлением Правительства Свердловской области от 21 октября 2013 г. № 1267-ПП Государственная программа Свердловской области «Развитие здравоохранения в Свердловской области до 2024 г.» (далее – государственная программа).

В государственной программе учтены основные цели, задачи и направления национальных стратегических проектов, представляемых на заседаниях Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам.

Государственная программа соответствует стратегическим целям Указов Президента Российской Федерации

от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»;

от 7 мая 2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»;

от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»;

Государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения», утвержденной постановлением Правительства Рос-

сийской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие здравоохранения“»;

Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 2580-р;

Стратегии лекарственного обеспечения населения Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 13 февраля 2013 г. № 66;

Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. № 2128-р;

Концепции развития ранней помощи в Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2016 № 1839-р;

Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг., утвержденной Законом Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 151-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг.»;

Плану мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Свердловской области, утвержденному Постановлению Правительства Свердловской области от 30 августа 2016 г. № 595-ПП «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг.».

Государственная программа определяет основные направления развития здравоохранения в Свердловской области на долгосрочную перспективу:

1) обеспечение государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи;

2) обеспечение контроля качества медицинской помощи;

3) повышение эффективности системы организации медицинской помощи на всех ее этапах, в том числе:

повышение роли профилактики;

обеспечение доступности для населения первичной медико-санитарной помощи, в том числе в сельской местности;

оптимизация, повышение доступности и качества специализированной медицинской помощи;

обеспечение потребности населения в получении высокотехнологичной медицинской помощи;

совершенствование службы скорой медицинской помощи;
развитие системы охраны здоровья матери и ребенка;
развитие реабилитации;
развитие паллиативной медицинской помощи;
укрепление материально-технической базы медицинских организаций, оснащение их современным лечебно-диагностическим медицинским оборудованием и техникой;

обеспечение укомплектованности медицинских организаций медицинскими кадрами;

- 4) улучшение лекарственного обеспечения граждан;
- 5) совершенствование «Службы крови»;
- 6) информатизация системы здравоохранения.

В рамках Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг., утвержденной Законом Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 151-ОЗ, государственная программа заложена в основание и реализуется уже в более широком аспекте как одно из направлений социально-экономической политики Свердловской области на 2016–2030 гг. «Охрана здоровья населения», целями которого являются создание условий для формирования здорового образа жизни у граждан, обеспечение населения доступной и качественной медицинской помощью.

Основными задачами для достижения указанных целей являются:

- 1) формирование у населения ответственного отношения к собственному здоровью и мотивации к здоровому образу жизни;
- 2) создание условий, обеспечивающих возможность реализации приоритета профилактики в сфере охраны здоровья, в том числе условий, необходимых для осуществления мероприятий по предупреждению и раннему выявлению заболеваний;
- 3) создание условий для приоритетного развития первичной медико-санитарной помощи;
- 4) повышение доступности специализированной медицинской помощи, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи;
- 5) создание условий для развития перинатальной медицинской помощи, специализированной неонатальной медицинской помощи;
- 6) создание условий для развития междисциплинарной медицинской реабилитации, включающей в себя комплексное применение природных лечебных факторов, лекарственной, немедикаментозной терапии и других методов;
- 7) создание условий для развития паллиативной медицинской помощи и обеспечения ее доступности для граждан;

8) создание условий для развития скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи, оказываемой в неотложной форме;

9) повышение уровня профессиональной подготовки медицинских работников, престижа профессии медицинского работника.

В настоящее время реализация направлений государственной программы в части конкретизации поставленных задач и достижения результатов нашла свое отражение и «Пятилетке развития».

Так, в одном из крупнейших направлений «Пятилетки развития» – сохранение и развитие человеческого потенциала, позиционирующемся одним из проектов Губернатора Свердловской области, особое внимание уделяется таким вопросам, как увеличение продолжительности жизни граждан, поддержка материнства и детства, развитие здравоохранения (травматология, онкология, болезни системы кровообращения, здоровый образ жизни, профилактика), доступность первичной и скорой медицинской помощи, вопросы кадрового обеспечения.

Экономика нового времени: проблемы и перспективы четвертой промышленной революции

Н. Ю. Ярошевич

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы экономики регионов на пути к четвертой промышленной революции: системный анализ

Аннотация. Современная экономика представляет собой сложную экономическую систему, существующую в соответствии с правилами и законами. Требования к развитию экономики со стороны нового промышленного уклада связаны с пересмотром не только технологий, но системных правил регулирования.

В статье рассмотрены системные проблемы российской экономики на пути к переходу к четвертой промышленной революции. В качестве методологического подхода выбрана теория системных ловушек, предложены пути их преодоления.

Ключевые слова: системная ловушка; российская экономика; четвертая промышленная экономика.

В своей книге «Четвертая промышленная революция» Клаус Шваб описывая воздействия технологических изменений на экономику и бизнес определяет основные проблемы и перспективные направления происходящих мировых экономических изменений. По его мнению «четвертая промышленная революция окажет на бизнес четыре главных воздействия. Это ожидания потребителей, усовершенствование продуктов и товаров, совместные инновации и организационные формы» [2].

Соответственно можно выделить следующие перспективные области развития экономики. Первым, и самым основным, трендом развития становится рост значимости человеческого капитала, создание нового знания, инноваций. Вторым, как следствие, развитие технологий и сетевых форм организации. Третьим, виртуализация пространства (искусственный разум, робототехника, нанотехнологии, хранение энергии и др.)

Готова ли российская экономика к этим глобальным системным изменениям? Станет ли она лидером или аутсайдером этой трансформации? Какие вызовы предстоит ей преодолеть?

Рассмотрим этот вопрос через призму теории системных ловушек Д. Медоуз [1].

Российской экономике, как и любой системе свойственно сложность, цикличность, запаздывание реакции, нелинейность и другие свойства. Эти свойства постоянны и не поддаются изменению. При этом возможно изучение и анализ поведения и реакции на изменение структуры мировой экономики, движение потоков информации, появление тех или иных препятствий и трансформацию целей отдельных участков или участников экономической системы. Системные проблемы развития экономик разных стран будут разными, среди них будут и уникальные, но в большинстве случаев они похожи друг на друга. В современной теории систем такую «схожесть» называют «системной ловушкой».

Системная ловушка – это своего рода устоявшаяся модель поведения, которая является стагнирующим фактором всей системы. Если не изменить цели, не пересмотреть структуру, не формировать новые информационные сети, не создавать льготные условия развития тех или иных элементов системы, устоявшаяся система так и останется стагнирующей, и это состояние будет нарастать и усугубляться.

Признаками такой стагнирующей системы являются ситуации, когда вина за провал (невыполнение обязательств, банкротство, коррупция и т. п.) возлагается на отдельных участников системы. При этом мерами воздействия становятся увольнение, «закручивание гаек», надежда на благоприятное стечение обстоятельств и т.п. – эти меры используются постоянно, но они не могут решить проблему, обусловленную сложившейся структурой экономики.

Накопление знаний, понимание поведения и условий позитивных изменений может привести к благополучию и необходимому росту экономической системы.

Согласно [1] выделяют следующие «системные ловушки»:

«сопротивление внешнему влиянию»;

«трагедия общин»;

«стремление к худшему»;

«успех к успеху»;

«поддерживающие средства»;

«манипулирование правилами»;

«стремление к неверной цели».

Рассмотрим, как некоторые из них проявляются в экономике России и являются стагнирующими факторами при переходе к новому промышленному укладу.

Ловушка «сопротивление внешнему влиянию» характеризует всем нам хорошо известный принцип «хотели как лучше, а получилось

как всегда». В рамках экономической системы попавшей в такую ловушку все попытки навести порядок» с помощью новых технологий и внешнего воздействия результатов не дают, все усилия пропадают даром, и нежелательное поведение год за годом продолжается.

Ярким примером проявления этой ловушки являются факты, представленные в заявлении 2 октября 2017 г. главы Счетной палаты Татьяны Голиковой в Государственной Думе: «Из 37 госпрограмм 19 показывают эффективность „низкую“ или „ниже средней“. В денежном выражении речь идет о сумме в 3,7 трлн р., что в 2,3 раза больше, чем год назад. Провал в реализации заявленных целей сопровождается резким ростом объема недостоверной документации подтверждающей расходы бюджетных средств. По итогам прошлого года были выявлены факты фальсификации данных на сумму 655 млрд р. Это в 5,5 раза больше, чем год ранее»¹.

Таким образом, мы получаем ситуацию не только неэффективного расходования бюджетных средств, но и невыполнение государственных программ, и это все на фоне фальсификации бухгалтерской отчетности.

Такое поведение экономической системы связано с ограниченной рациональностью участников системы, где каждый преследует личные цели обогащения. При этом, его «сопротивление внешнему влиянию» будет тем активнее, чем больше разница между фактическим и желаемым состоянием системы. Соответственно, сопротивление попыткам что-либо изменить в процессе снижения уровня нецелевого расходования бюджетных средств будет упираться в противодействие всех участников этой системы.

Согласно системной теории есть три варианта выхода из этой системной ловушки:

- 1) побороть его силой;
- 2) отступить;
- 3) выровнять цели.

Вариант «борьбы» оказался не способен изменить «сопротивление внешнему влиянию». Так, в этом же докладе Т. Голиковой говорится: «К административной ответственности привлечены 79 должностных лиц. За неисполнение предписаний Счетной палаты оштрафованы 8 руководителей высокого ранга, каждый – на 20 тыс. р. 65 чел. уволены. Больше всего народу уволено в Роскосмосе (целых 4 чел.), Росстандарте (тоже 4) и Минздраве (3)»².

¹ *Бюджет* 2018–2022: консолидация и только консолидация. Комментарий о государстве и бизнесе. 12.09 – 3.10 НИУ ВШЭ. URL : <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share//direct/210390798>.

² Там же.

Другие возможные пути преодоления этой системной ловушки пока нашим правительством не использовались.

Наиболее сложным и кардинальным вариантом решения может служить выравнивание целей, когда цели системы будут разделяемы участниками системы и восприняты как свои.

Еще одна «системная ловушка» препятствующая переходу российской экономической системы к принципам четвертой промышленной революции – ловушка «поддерживающие средства». Суть ее заключается в зависимости экономических субъектов от необходимости получать государственные субсидии, высокие экспортные доходы от продажи сырьевых ресурсов, государственные заказы, контракты на производство или строительство.

Так, правительственные меры поддержки промышленности и банковской сферы в условиях экономического спада потерпели крах. На докапитализацию 25 банков было выделено 722 млрд. Тем не менее, 12 банков закончили год с убытками в 187,5 млрд¹. Можно сделать вывод: деньги были использованы неэффективно и планируемой поддержки реальному сектору экономики не оказали.

Еще одним провальным решением Правительства РФ, иллюстрирующим эту системную ловушку, стало решение об авансовых платежах по некоторым контрактам до 80 %, а по Гособоронзаказу – до 100 %. Полученные авансы организациями не были использованы по назначению, а «осели» на депозитных счетах организации. Общий объем авансовых платежей составил 3,2 трлн р., т. е. одну пятую часть годового бюджета страны².

Такой подход явно не является эффективным инструментом инновационной политики государства, и использовать его в постоянном режиме просто не хватит бюджетных средств. Но при этом у дотируемых организаций складывается привыкание: они теряют способность искать эффективные инструменты конкурентной борьбы, маркетингового и кадрового управления, развития и внедрения НИОКР. А это приводит не к росту инновационной активности, а к еще большему отставанию и деградации. Рассчитывать на техническую революцию в рамках такой дотационной политики не приходится.

Дотационной зависимости конечно можно избежать, если использовать такие инструменты государственной политики направленные на развитие собственных свойств системы удерживать ее в желаемом состоянии.

¹ Доклад Т. А. Голиковой по результатам аудита государственных программ.
URL : <http://www.ach.gov.ru/structure/golikova-tatyana-alekseevna/speeches/25119>.

² Там же.

Для этого нужно сформулировать ряд вопросов. Почему инновационное развитие бизнеса не стимулируют рыночные механизмы? Какие препятствия надо убрать, чтобы они заработали? Как сделать конкурентные механизмы более эффективными?

Единственным выходом из этой ловушки должно быть стратегическое видение инновационного развития экономической системы в целом. Следует думать не о краткосрочном периоде, а о долгосрочной перспективе четвертой технологической революции.

Еще одним вызовом при переходе российской экономики к четвертой промышленной революции является такая системная ловушка как «Стремление к неверной цели».

Цель является базовым элементом экономической системы. Она задает направление движения всем элементам и участникам системы. От того какая выбрана цель будет зависеть определение разницы между желаемым и фактическим положением системы. При этом, если цель задана неправильно, эта неправильная цель становится серьезным препятствием в понимании реального положения дел, достижении успеха всей экономической системы.

Поэтому выбор цели, должен быть тщательно выверен и сопоставлен с основными направлениями и критериями экономического и инновационного развития.

Если цель экономической системы – повышение объемов инновационного продукта в экспорте продукции, а цель сформулирована как рост государственных расходов, направленных на инновации и модернизацию производства, то система сделает все, чтобы промышленники потратили эти деньги, но не известно, будет ли на самом деле обеспечена инновационность. Огромные средства могут быть потрачены на создание ненужных и не пригодных к использованию продуктов.

Например, в 2013 г. Россия заняла 2-е место в мире по уровню государственных расходов на коммерческие НИОКР (около 15 млрд дол.). Однако фактически госрасходы по этой статье НИОКР не являются, так как 40% – это затраты на разработку военно-промышленного комплекса; остальное ориентировано на отрасли, условно считающиеся высокотехнологическими и производящие уже устаревшие продукты. Если же рассмотреть коммерческие инвестиции в НИОКР, то они настолько малы, что здесь Россия занимает одно из последних мест среди самых отсталых стран ОЭСР, таких как Чили и Мексика¹.

¹ *Бюджет 2018–2022: консолидация и только консолидация.* Комментарий о государстве и бизнесе. 12.09 – 3.10 НИУ ВШЭ. URL : <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/210390798>.

При этом рассматривая ситуацию в перспективе – доля экспорта российской высокотехнологической продукции в общемировом составляет 0,4 %¹.

Данный пример ярко демонстрирует, насколько важно выбирать правильный индикатор при определении цели. В данном случае в качестве критерия достижения цели должен быть выбран показатель – не рост государственных расходов на инновации, а рост доли экспорта инновационных продуктов в экспорте страны. Соответственно вопросы управленческого воздействия на экономическую систему были бы сформулированы так: что необходимо сделать, какие стимулы запустить, чтобы стимулировать развитие конкурентных инновационных производств.

Преодоление этого системного провала возможно, только используя показатели и цели, отражающие реальное благополучие системы. Особенно внимательно надо следить за тем, чтобы не путать результаты и усилия по их достижению – иначе вы получите систему, которая будет исправно производить усилия, а не результаты.

Библиографический список

1. *Медоуз Д.* Азбука системного мышления : пер. с англ. М. : БИНОМ, Лаборатория знаний, 2010.
2. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М. : Изд-во «Э», 2017.

¹ *Бюджет 2018–2022: консолидация и только консолидация.* Комментарий о государстве и бизнесе. 12.09 – 3.10 НИУ ВШЭ. URL : <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/210390798>.

С. И. Пономарева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург,

Т. И. Кружкова

Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург

Урал – XXI век: проблемы формирования институциональной среды новой экономики

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы формирования институциональной среды новой экономики в условиях экономического роста. Для экономического роста требуются структурные и институциональные реформы. Достижение цели становится особенно актуальным в условиях качественного обновления технологической базы национальной и региональных экономик. Сделан вывод о необходимости институциональных реформ в условиях перехода к новой индустриальной экономике. В этой связи анализируется научная дискуссия по вопросу о путях и методах институциональных преобразований российской и национальных экономик. Обосновывается необходимость структурной модернизации экономики Урала. Рассмотрены проблемы перехода Уральского региона к новой индустриальной экономике и формирования соответствующей технологической базы. Рассмотрен Прогноз развития областного бюджета Свердловской области до 2030 г., направленный на новую индустриализацию, включая структурную и технологическую модернизацию экономики.

Ключевые слова: новая экономика; экономический рост; структурная перестройка; новая индустриализация; институциональные преобразования.

На рубеже 2016–2017 гг. рецессия в России завершилась, отечественная экономика вошла в новый экономический цикл.

Однако, как отмечают российские экономисты, это не тождественно завершению глобального кризиса или решению структурных проблем российской и региональной экономик [2; 4; 6]. Именно перспективы экономического роста определяют динамику новой индустриализации (структурной модернизации) – одного из важнейших структурных процессов в XXI века¹.

Отсюда можно сделать важный вывод: экономический рост требует структурных и институциональных реформ, особенно в условиях качественного обновления технологической базы национальной и региональной экономик [3; 5; 7].

¹ *Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 г. и плановый период 2017–2018 гг. / Минэкономразвития. М., 2015.*

Приоритетное значение в этой связи приобретает вопрос о реиндустриализации и технологическом развитии экономики России и регионов.

Для достижения поставленной цели неизбежно потребуются принципиально новые решения в области экономической политики. Следует отметить, что приоритеты структурных и институциональных реформ существенно различаются по регионам. Однако региональная политика, безусловно, должна подчиняться задачам социально-экономического развития всей страны. При наличии общих характеристик регионов Уральский регион имеет ряд важных экономических особенностей, предполагающих проведение отличной от других регионов экономической политики. Именно в силу специфики экономики Урала ориентация на формирование новой технологической базы является безальтернативной. Подчеркнем, что современная экономика Уральского региона характеризуется не только производственными секторами, но включает ряд элементов инфраструктуры (научные лаборатории, обеспечивающие высокий уровень НИОКР, специальные научно-исследовательские подразделения крупных промышленных предприятий и др.). Следовательно, Уральский регион, обладая богатыми минерально-сырьевыми, научно-техническими, кадровыми и институциональными ресурсами, имеет необходимую базу для проведения структурных преобразований экономики.

Участники дискуссии о путях перехода к новой индустриальной экономике и источниках соответствующих инвестиций единодушны во мнении, что для обеспечения устойчивого экономического роста требуются институциональные преобразования. Это, в свою очередь, предполагает формирование «правил игры», которые понятны хозяйствующим субъектам и позволяющих им прогнозировать последствия своих экономических решений [1; 2; 5].

Приоритетное значение в этой связи имеет вопрос о том, в какой степени институциональные реформы могут обеспечить адаптацию национальной и региональной экономики к новым условиям.

Мы склонны согласиться с авторами, которые предлагают для анализа и разработки мер экономической политики использовать следующий метод: разложить фактические темпы экономического роста на структурную и циклическую составляющие [1; 2]. Исходя из этого критерия, предлагается сгруппировать и возможные меры экономической политики, имеющие целью ускоренное развитие экономики.

Экономический рост, в конечном счете, индуцируется производственными инвестициями. Отсюда сторонники данной точки зрения делают важный вывод: необходимо формировать условия для эффективных частных вложений в производственный капитал (формировать

институты, способствующие росту, включая последовательную и предсказуемую экономическую политику), а также совершенствовать модели государственного инвестирования [1; 2; 7]. Внимание акцентируется на необходимость обеспечения условий, способствующих повышению отдачи от частных инвестиций, а также бюджетных расходов на развитие инфраструктуры и науки [1; 2; 7].

Как отмечается в научной литературе, для решения этих задач необходимы преобразования институциональной среды и это будет способствовать значительному увеличению инновационного потока. Большинство экономистов уверены в том, что институциональные ограничения выступают тормозом роста национальной и региональной экономик. «Плохими» институтами они объясняют бегство капитала из страны, а также низкие объемы привлекаемых иностранных инвестиций [3; 5; 7].

Это в свою очередь предполагает оценку масштабов всех необходимых институциональных изменений. Экономисты, изучающие данную проблему, отмечают, что это, прежде всего меры, сравнимые по влиянию с технологическими изменениями и догоняющие их [2; 7]. Мы согласны с авторами полагающими, что предлагаемые институциональные изменения формируют необходимую среду для более интенсивного потока инноваций [2; 4; 5].

Здесь на первый план выходят применение краткосрочных инструментов стимулирования экономического роста. Такая политика будет оправдана, если предложенные инструменты будут иметь эффект в долгосрочной перспективе. К ним теоретически можно отнести увеличение инвестиций в инфраструктуру, в том числе рост госинвестиций.

Отметим, что Правительство Свердловской области определилось с приоритетными проектами, вокруг которых оно начало выстраивать политику стимулирования роста. Прогнозируется рост вложений в образование, здравоохранение и физическую культуру, т. е. в человеческий капитал. Кроме того, создаются предпосылки для эффективных частных вложений в производственный капитал, а также предполагается совершенствование модели государственного инвестирования¹. Для реализации данных проектов был разработан Долгосрочный прогноз социально-экономического развития Свердловской области на период до 2030 г.²

¹ Долгосрочный прогноз социально-экономического развития Свердловской области на период до 2030 г. URL : <http://strategy2030.midural.ru/sites/default/files/files/979-pp.pdf>.

² Там же.

Прогноз развития областного бюджета Свердловской области до 2030 г. рассчитан исходя из целевого (базового) сценария развития экономики Свердловской области. Этот сценарий опирается на реализацию активной политики, «направленной на новую индустриализацию, включая структурную и технологическую модернизацию экономики, внедрение новых технологий, в том числе межотраслевых, на развитие отраслевых точек роста, создание современной транспортной инфраструктуры, повышение конкурентоспособности производственного сектора экономики»¹.

Новая индустриализация экономики Урала позволит добиться высокого качества производства в ведущих отраслях промышленности региона и повысит их конкурентоспособность на мировом рынке.

Библиографический список

1. *Идрисов Г., Синельников-Мурылев С.* Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? // Вопросы экономики. 2014. № 3.
2. *Мау В.* Уроки стабилизации и перспективы роста: экономическая политика России в 2016 г. // Вопросы экономики. 2017. № 2.
3. *Орлова Н., Егизев С.* Структурные факторы замедления роста российской экономики // Вопросы экономики. 2015. № 12.
4. *Пономарева С. И.* Макроэкономические предпосылки реализации новой модели российской экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. № 5.
5. *Пономарева С. И.* Реиндустриализация экономики России в условиях формирования новой модели экономического роста // Новая индустриализация: мировое, национальное, региональное измерение : материалы Международ. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 6 декабря 2016 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016.
6. *Силин Я. П., Анимица Е. Г.* Региональное измерение новой индустриализации // Экономическое, социальное и духовное обновление как основа новой индустриализации России : сб. науч. тр. IV Уральских научных чтений профессоров и докторантов общественных наук (Екатеринбург, 7 февраля 2017 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017.
7. *Сухарев О. С.* Реиндустриализация экономики России и технологическое развитие // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 10.

¹ Долгосрочный прогноз социально-экономического развития Свердловской области на период до 2030 г. URL : <http://strategy2030.midural.ru/sites/default/files/files/979-pp.pdf>.

Е. М. Иванова

Технологический институт –

*филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»,
ГО «Город Лесной»*

Условия развития диверсификации предприятий ОПК: мировой, отечественный и региональный опыт

Аннотация. Целью статьи является обобщение опыта изучения конверсии и диверсификации сферы военной промышленности ведущих мировых держав и рассмотрение возможностей его применения в российских условиях. В настоящее время российская политика в сфере военного производства претерпевает значительные изменения. В условиях снижения финансирования государственных программ вооружения перед предприятиями ОПК стоит задача использования производственных мощностей для производства гражданской продукции. В статье проанализирована динамика бюджетного финансирования ядерно-оружейного комплекса и прикладных научных исследований в области обороны за последние годы; проведено сравнение выделяемых государствами средств на национальную оборону; рассмотрен мировой опыт предприятий по конверсии и диверсификации военных производств. Соотнесены современные условия функционирования военных предприятий РФ с уровнями инновационного механизма.

Ключевые слова: гражданская продукция; предприятия ОПК; инновационный механизм; диверсификация производства.

Введение. Необходимость диверсификации военных производств на фоне сокращения финансирования предприятий ОПК, ожидание повышения эффективности производства гражданской продукции на военных предприятиях, освоение новых видов гражданской продукции на основе военных научно-исследовательских разработок ставит перед предприятиями сложную задачу изменения привычного производственного уклада и принятия непривычных для персонала военных предприятий решений о внесении значительных изменений в производственный процесс. Вопрос диверсификации военных производств не является новым для большинства российских предприятий ОПК, попытки подобных изменений, основанных на конверсии, предпринимались в период после второй мировой войны, в начале 1990-х годов. Эффективность освоения новых продуктов гражданского назначения зависит от множества факторов, начиная с государственной поддержки и заканчивая готовностью предприятия занять свою нишу на высококонкурентных рынках продукции промышленного назначения, а также товаров широкого потребления. В данной статье ставится задача проанализировать мировой опыт и выявить основные факторы, приводя-

щие к созданию высокоэффективных гражданских производств на основе предприятий ОПК.

Государственная политика РФ в области финансирования предприятий военной промышленности. Сегодня основным стимулом к проведению очередной диверсификации оборонно-промышленного комплекса и увеличению доли производства гражданской продукции становится снижение государственного финансирования предприятий ОПК. Выделение денежных средств на государственные программы вооружения изначально зависело от ожидаемого в 2021 г. истечения действия Пражского договора о сокращении наступательных вооружений и было значительно ниже запланированного уровня.

Действующая в настоящее время ГПВ-2020 с точки зрения Министерства обороны оценивалась в 36 трлн р., фактически же на сегодняшний день составила 23 трлн р. Основой настоящей программы вооружений является производственная реализация «научно-технических заделов» конца прошлого столетия¹. Вопрос финансирования ГПВ-2018–2025 гг. до сих пор носит дискуссионный характер. По мнению представителей Министерства обороны, программа требует финансирования в объеме 22 трлн р., тогда как предельный объем финансирования, определенный Министерством финансов, предусмотрен в размере не более 17 трлн р.² Следующая ГПВ предусматривает выделение значительных финансовых средств для проведения крупных научно-исследовательских работ в сфере военных решений и возможностей, а также для переоснащения производственных мощностей, с соблюдением условия производства гражданской продукции.

Структурная составляющая бюджетного финансирования национальной обороны выглядит следующим образом. Наибольшую долю в структуре статьи «Национальная оборона» составляет направление «Вооруженные силы» – 78,31 % от общего уровня статьи «Национальная оборона» в 2015 г. (см. рисунок). Доля финансирования ядерного оружейного комплекса в общих затратах на национальную оборону на протяжении 5 лет (с 2012 по 2016 г.) снизилась на 26,53 % и составила 1,08 % в 2016 г. Удельный вес финансирования прикладных научных исследований в области обороны снизился на 33,29% и в 2016 г. составил 6,11 % от уровня статьи «Национальная оборона».

Снижение доли выделяемых средств на «ЯОК» и «Прикладные научные исследования в области обороны» в статье «Национальная

¹ Богданов К. Последний отчет. URL : <https://lenta.ru/articles/2017/05/25/gpv>.

² Авелья А. О программе ГПВ 2018–2025, ее секвестре и оборонной достаточности. URL : <https://topwar.ru/117173-o-programme-gpv-2018-2025-ee-sekvestre-i-oboronnoy-dostatochnosti.html>.

оборона» является одной из причин необходимости проведения диверсификации военных предприятий.

Динамика доли выделяемых средств по направлениям «ЯОК» и «Прикладные научные исследования в области обороны» от раздела бюджета «Национальная оборона» в 2012–2016 гг.¹, %

Таким образом, тенденция снижения доли бюджетного финансирования в данных направлениях сохранится на фоне сравнительно невысокого уровня финансирования военных задач по сравнению с другими странами. Российская Федерация занимает 4-е место в мире по военным расходам после США, Китая и Саудовской Аравии².

Примечательно, что именно США и Китай имеют наиболее успешный опыт конверсии и диверсификации военных производств.

Мировой опыт конверсии и диверсификации военных производств. Мировая практика изменений структуры продуктового портфеля военных предприятий включает в себя преобразования, как на основе процесса конверсии, так и на основе диверсификации деятельности предприятия.

В первом случае военные предприятия модернизируют производственные линии для выпуска гражданской продукции, предназначенные для производства военной продукции, как правило, под воздействием внешних факторов (прекращение военных действий, сокращение программ вооружений, неблагоприятная экономическая обстановка в стране).

Процесс диверсификации, изначально может быть вызван, как внутренними, так и внешними причинами. В практике крупнейших

¹ *Военная промышленность.* URL : <https://utmagazine.ru/posts/8499-voennaya-promyshlennost>.

² *Владыкин О.* Военной промышленности нужны четкие ориентиры // Независимое военное обозрение. URL : http://nvo.ng.ru/concepts/2017-06-30/1_954_orientirs.html?id_user=Y.

мировых военных предприятий, ориентирующихся на рынок, присутствует внутреннее понимание возможностей получения выгоды от производства гражданской продукции, поиска новых рынков сбыта. Задачи Правительства РФ, заключающиеся в стимулировании развития производства гражданской продукции на военных предприятиях, говорят о необходимости сохранения активов при условии их эффективного использования.

Наиболее широкая диверсификация производства свойственна предприятиям США, стран Западной Европы, Китая, Японии, Южной Кореи и др.

Изучение опыта проведения конверсии и диверсификации в Китае позволяет выявить некоторые особенности, свойственные военному производству в этой стране (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Факторы, положительно повлиявшие на развитие производства гражданской продукции на военных предприятиях Китая в XX веке

Фактор	Описание
1. Наличие производственных мощностей, пригодных для производства гражданской продукции	Глубокая милитаризация Китая в 1960–1970 гг. подразумевала самообеспечение армии. Китайские военные предприятия, помимо своих основных функций, занимались строительством, сельским хозяйством, производством товаров широкого потребления
2. Стимулирование гражданского производства через политику государства	Планирование перехода на выпуск гражданской продукции заключалось в разработке стратегии постепенной реструктуризации. Также производству «гражданки» способствовало изменение структуры ОПК КНР – в конце 1990-х годов рассекреченными военными министерствами были учреждены свои торгово-промышленные корпорации
3. Территориальная реструктуризация	Многие предприятия были перенесены ближе к транспортным узлам и крупным городам, либо отданы местным властям безвозмездно для организации гражданского производства
4. Производство дешевых товаров широкого потребления низкого качества на экспорт	Первые экспортные виды гражданской продукции имели низкий уровень цены, что позволило получить значительные доходы, для дальнейшего перевода военной промышленности на производство гражданской продукции
5. Организация труда и «китайский менталитет»	Преобладание материальной мотивации. Трудолюбие и четкое выполнение инструкций
6. Благоприятная внешнеэкономическая обстановка	Сотрудничество с военно-промышленными корпорациями стран НАТО и Японии, закупка образцов военной техники в 1980-е годы. Использование военных технологий России и постсоветских государств, открытие российского рынка в 1990-е годы
7. Использование зарубежных разработок	Заключение договоров с ведущими мировыми производителями о производстве деталей и комплектующих

Сочетание благоприятных факторов для развития производства гражданской продукции привело к превышению ожидаемой доли гражданской продукции в выручке военных предприятий, в начале XXI она составляла 80 %, превысив плановый уровень на 30 %¹.

Наиболее успешный опыт диверсификации имеют военные предприятия США. Средняя доля гражданской продукции имеет самый высокий уровень по сравнению с другими странами – 48 % в выручке². Военные корпорации занимают 48-е мест из 100 крупнейших военных предприятий³. Основные особенности заключаются в следующем: наибольший объем бюджетного финансирования, использование открытых инноваций, значительная диверсификация продуктовых портфелей предприятий ОПК. На сегодняшний день одной из основ увеличения доходов военных предприятий США является продажа не только продукции, но и ее жизненного цикла.

Ведущими странами Евросоюза на рынке вооружения являются, Германия, Франция и Великобритания. Помимо этих стран крупные ОПК имеют Италия, Испания, Швеция.

Развитие производства гражданской продукции на военных предприятиях Евросоюза имеет следующие особенности:

- 1) высокая доля экспорта в военном производстве. Государственный оборонный заказ составляет около 28 % всей выпускаемой продукции⁴;
- 2) производство вооружения сконцентрировано в руках особо крупных концернов;
- 3) каждый из концернов, размещает свои производства в десятках странах;
- 4) доля производства гражданской продукции в объеме продаж составляет в среднем 44 %⁵.

К общим тенденциям крупнейших мировых предприятий ОПК можно отнести:

- 1) значительная диверсификация направлений на уровне корпораций, осуществляющих свою деятельность в сфере вооружений;

¹ *Волынец А.* Конверсия по-китайски. URL : <http://rusplt.ru/world/konversiya-pokitayski-14384.html>36160.

² *ТОП-100* крупнейших оборонных концернов мира: рейтинг «Эльбит» и «Рафаэль» растет. URL : <http://newsru.co.il/finance/15dec2014/sipri306.html>.

³ *Рябошапко В. А., Вторушин В. А.* О конверсии военной промышленности в США URL : <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/1991-vm/8407-o-konversii-voennoj-promyshlennosti-v-ssha>.

⁴ *Военная промышленность.* URL: <https://utmagazine.ru/posts/8499-voennaya-promyshlennost>.

⁵ *ТОП-100* крупнейших оборонных концернов мира: рейтинг «Эльбит» и «Рафаэль» растет. URL : <http://newsru.co.il/finance/15dec2014/sipri306.html>.

2) большая доля гражданской продукции в выручке свойственна корпорациям, выпускающим авиакосмическую продукцию и ориентирующимся на IT-технологии, низкую долю гражданской продукции имеют, как правило, корпорации судостроения¹;

3) размещение производств в других странах, с использованием преимуществ стран присутствия;

4) выделение значительных средств государственного бюджета на научно-исследовательские работы в области обороны;

5) высокий уровень клиентоориентированности предприятий, что приводит к выпуску конкурентоспособной продукции.

Изучение мирового опыта развития производства гражданской продукции на предприятиях ОПК дает возможность российскому военно-промышленному комплексу использовать те преимущества, которыми обладают российские военные предприятия. В качестве наиболее применимых к российским условиям возможностей можно выделить:

1) учреждение собственниками торгово-промышленных корпораций;

2) расширение базы научных разработок через модель открытых инноваций;

3) увеличение доли экспорта в производстве военной продукции;

4) размещение производств деталей и комплектующих в других странах;

5) продажа жизненного цикла продукта.

Возможности развития диверсификации предприятий ОПК в России. Несомненно, модель развития диверсификации военных предприятий какого-либо из государств не может быть «насажена» в неизменном виде на российские предприятия ОПК, необходимо учитывать сложившиеся исторически и установленные законодательно условия развития военных производств в России. Эффективность процесса диверсификации предприятий ОПК зависит от инструментов, применяемых на каждом из уровней инновационного механизма (табл. 2).

Учет российских условий, использование преимуществ и нейтрализация недостатков на каждом из уровней будут реализованы и приведут к высокой эффективности военных предприятий при системном подходе к процессу управления.

Закключение. Успешный опыт мировых держав в области проведения диверсификации военных производств может стать основой для принятия стратегических решений в области производства гражданской продукции.

¹ *ТОП-100* крупнейших оборонных концернов мира: рейтинг «Эльбит» и «Рафаль» растет. URL: <http://newsru.co.il/finance/15dec2014/sipri306.html>.

Распределение российских условий диверсификации предприятий ОПК по уровням инновационного механизма

Уровень инновационного механизма	Условия диверсификации предприятий ОПК в России
Макроуровень	Военные предприятия находятся в структуре государственных корпораций, таких как «Роскосмос», «Росатом», «Ростех», либо акционерных обществ, акции которых принадлежат государству, например: «Объединенная авиастроительная корпорация», «Объединенная судостроительная корпорация»
	Госкорпорации имеют в своей структуре холдинговые компании и организации прямого управления, выполняющие множество функций, в том числе и распределение продуктового портфеля между предприятиями
Региональный	Преимущества в территориальном размещении предприятий: расположение предприятий в зависимости от наличия трудовых, материальных и денежных ресурсов, а также с учетом фактора безопасности
Микроуровень	Отсутствие клиентоориентированной стратегии на военных предприятиях в части производства гражданской продукции
	Примат производства военной продукции перед гражданской на большинстве военных предприятий
	Управление затратами в условиях учитывающих ценообразование на продукцию ГОЗ

Таким образом, основными вариантами развития диверсификации на военных предприятиях в России являются:

1) сохранение объема и номенклатуры производства военной и гражданской продукции на действующих предприятиях, в условиях сокращения ГОЗ, путем увеличения доли экспорта и освоения новых рынков;

2) сокращение доли военного производства с одновременным расширением номенклатуры гражданской продукции и поиском новых рынков;

3) диверсификация продукции на уровне госкорпораций, через освоение новых производств или изменение положения предприятия внутри корпорации.

Основой формирования эффективной диверсификации военных предприятий за счет расширения выпуска гражданской продукции должны служить: формирование системы управления эффективностью инновационных процессов создания гражданской продукции на уровне предприятия; ориентация производств на нужды потребителей; разработка предприятиями клиентоориентированной стратегии; учет внешних и внутренних факторов деятельности предприятия (таких, как территориальное расположение); технологические особенности производства; система управления персоналом; механизм ценообразования и управления затратами с учетом формирования цен на ГОЗ.

Предпосылки и факторы опережающего развития региона: проблемы молодежного рынка труда

Аннотация. Обоснованы ведущие направления и факторы развития новой экономики промышленного региона на примере Свердловской области. Сделан акцент на том, что подготовка и развитие кадрового потенциала, сбалансированный рынок труда являются главным вызовом в развитии четвертой промышленной революции. В ходе анализа экономической ситуации в Свердловской области выявлено наличие предпосылок для повышения темпов экономического роста. Выдвинута гипотеза о том, что молодежный сегмент рынка труда станет тем главным звеном, которое обеспечит высокое качество трудовых ресурсов XXI века. С целью обоснования этой гипотезы проанализированы проблемы молодежного рынка труда, предложены направления его оптимизации, указаны пути ликвидации молодежной безработицы.

Ключевые слова: факторы новой индустриализации; трудовой потенциал; молодежный сегмент рынка труда; молодежная безработица; пути оптимизации рынка труда.

Цели новой индустриализации, инновационного развития национальной экономики и экономики региона, четвертая промышленная революция предполагают внедрение новых технологий, обновление и оснащение индустриальных производств, обеспечение постоянного притока и обновления квалифицированных кадров, которые собственно и составляют основу трудового потенциала экономики. Квалифицированные кадры, трудовой потенциал экономики являются главным фактором экономики нового времени.

Процессы новой индустриализации обусловлены целым комплексом технико-технологических, социально-экономических и организационных факторов. Главными факторами новой индустриализации являются: формирование кадрового потенциала, технологическое развитие, формирование привлекательного инвестиционного климата, развитие социально-экономических институтов, институциональное оформление рынков и эффективный спрос [1].

При исследовании институциональных факторов, прямо или опосредованно вызывающих структурные сдвиги новой индустриализации, отечественные ученые (Е. Г. Анимица, Я. П. Силин, О. А. Романова и др.) выделяют взаимосвязь между технико-экономической и социально-институциональной сферами [2, с. 72] и отмечают влияние «системы социального и политического регулирования» [3, с. 46].

Вопросы формирования новой институциональной инфраструктуры территорий и предприятий исследуются также большим количеством зарубежных авторов: Н. Seitz, С. К. Saghat, А. R. Collins, R. J. Dilger, Т. S. Win, Н. Н. KeleJian, D. P. Robinson и др. [6; 7; 8; 9].

При этом, на наш взгляд, подготовка и развитие кадрового потенциала, сбалансированный рынок труда являются главным вызовом в развитии четвертой промышленной революции. Более того, правомерно выдвинуть гипотезу о том, что молодежный сегмент рынка труда будет тем главным звеном, которое обеспечит высокое качество трудовых ресурсов XXI века.

Целью данной статьи является определение круга проблем на молодежном рынке труда и определение направлений оптимизации подготовки и трудоустройства молодежи в новой экономике на примере Свердловской области.

Экономическая ситуация в Свердловской области свидетельствует о наличии предпосылок для повышения темпов экономического роста. Основную часть в экономике области занимает промышленность – 36 %, далее идет торговля – 21 %, связь, транспортная инфраструктура и недвижимость – 11 и 12 % соответственно. По данным Федеральной службы статистики, в регионе рост объемов производства составил по группам отраслей: добыча природных ископаемых ресурсов приходится 103,3%, обрабатывающие предприятия – 109,3 %, выработка и распространение газа, водных ресурсов и электроэнергии – 108,3 %¹.

В экономике области стабильная работа промышленных предприятий региона и грамотная бюджетная политика позволяют постоянно увеличивать доходы региональной казны. По данным Минфина Свердловской области, объем доходов областного бюджета за восемь месяцев 2017 г. составил 122,6 млрд р., расходы исполнены в сумме 117,1 млрд р., профицит бюджета – 5,5 млрд р. Объем государственного долга Свердловской области с начала года снижен на 15,2 млрд р. и составляет 57 млрд р.²

Положительная динамика сложилась по всем бюджетобразующим налогам, поступления которых отражают экономическое положение плательщиков. Из 112,6 млрд р. налоговых и неналоговых доходов 33,6 млрд р. составили поступления по налогу на доходы физических лиц, 44,3 млрд р. – поступления по налогу на прибыль организаций.

¹ *Информация* о пересмотре динамического ряда / Федеральная служба государственной статистики. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts.

² *Исполнение бюджета* / Министерство финансов Свердловской области. URL : http://minfin.midural.ru/document/category/21#document_list.

К уровню аналогичного периода 2016 г. доходы возросли на 11 млрд. р., или на 9,9%. По сравнению с соответствующим периодом прошлого года поступления по налогу на прибыль выросли на 8,6 млрд р., объем безвозмездных поступлений составил 10 млрд р. За восемь месяцев 2017 г. получены дополнительные доходы в бюджет от размещения временно свободных средств областного бюджета на банковских депозитах в размере 155,4 млн р.

Крупными и средними организациями Свердловской области за январь-июнь 2017 г. получен положительный финансовый результат (прибыль за минусом убытков) в размере 100,6 млрд р., что на 5,2 % ниже уровня соответствующего периода предыдущего года. По отдельным видам деятельности отмечен значительный рост прибыли к уровню соответствующего периода предыдущего года, среди них: «добыча полезных ископаемых» (в 40,7 раза), «транспортировка и хранение» (в 4,7 раза), «производство прочих транспортных средств и оборудования» (в 4,1 раза), «производство электрического оборудования» (в 3,5 раза), «производство пищевых продуктов» (в 1,7 раза), «обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха» (в 1,5 раза), «водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений» (в 1,5 раза), «торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» (в 1,4 раза)¹.

Экономическая ситуация в Свердловской области напрямую зависит от перспектив российской экономики. Поэтому в 2018 г. доходы населения, уровень жизни, индекс промышленного производства, оборот розничной торговли в регионе с высокой долей вероятности продолжит свое увеличение.

Стабильное финансово-экономическое состояние области важная, но не единственная составляющая успешной реализации «Пятилетка развития» Свердловской области на 2017–2021 гг., концепция которой была предложена Губернатором Свердловской области Е. В. Куйвашевым². Именно эта программа, ее успешное осуществление позволят области стать регионом опережающего развития. Концепция пятилетки развития реализует пять приоритетных проектов, главным из которых является проект «Сохранение и развитие человеческого потенциала». В этом проекте особо выделяется направление: «Кадры для отраслей экономики», в соответствии с которым к 2021 г.

¹ *Исполнение бюджета* // Министерство финансов Свердловской области. URL : http://minfin.midural.ru/document/category/21#document_list.

² *Программа «Пятилетка развития»* // Губернатор Свердловской области. URL : <http://gubernator96.ru/article/show/id/243>.

доля трудоустроившихся выпускников со средним профессиональным и высшим образованием должна составить 95 %. Таким образом, в экономике нового времени на первый план выходят проблемы молодежного рынка труда. Проблемы трудоустройства молодежи, их решение во многом определяют успех и перспективы четвертой промышленной революции. Эти проблемы изучаются нами постоянно ([4; 5] и др.), в рамках же данной статьи хочется акцентировать внимание на молодежной безработице, ее причинах и способах преодоления.

По данным статистики, с каждым годом безработица среди молодежи увеличивается. В 2016 г. в мире она составила 13,6 %. В то время как в 2015 г. она была 12,9%, по России этот показатель в два раза выше: декабрь 2016 г. безработица среди молодежи до 25 лет – 23,3. %¹. По прогнозам, в 2017 г. данный показатель станет еще выше.

Основными причинами молодежной безработицы являются:

1) *низкие темпы экономического роста*. Сейчас происходит замедление роста торговли и уменьшение объема частных инвестиций, что приводит к сокращению рабочих мест и к росту безработицы, в первую очередь среди молодежи;

2) *несоответствие профессиональных компетенций выпускников требованиям работодателей* (низкий уровень знаний, умений и практических навыков);

3) *низкий уровень заработной платы* (молодые специалисты, приходя на работу, сразу хотят зарабатывать много денег, но рынок труда функционирует по законам спроса и предложения рабочей силы, и работодатель вряд ли будет платить более высокую зарплату, нежели ту, которая существует на региональном уровне).

Ежегодно вузы выпускают десятки тысяч молодых специалистов, для которых поиск работы превращается в долгое, и очень часто, безрезультатное приключение. В большинстве случаев их не берут на работу. Причины отказа очень много: нет опыта работа, диплом не той специальности, график работы не устраивает и многие другие. При этом, молодые специалисты молоды, амбициозны, полны идей и могут обеспечить для работодателей новое качество роста компании.

Самый действенный способ получить опыт – это подработка во время учебы; при этом можно приобрести опыт и заработать деньги, что существенно повлияет на трудоустройство после окончания вуза. Проработав месяц, человек поймет, может ли он физически совмещать учебу и работу, либо стоит попробовать работать по выходным, это будет и не сильно загружать человека, и не будет мешать учебе.

¹ *Занятость и безработица в Российской Федерации в декабре 2016 г.* / Федеральная служба государственной статистики. URL : http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/12.htm.

Большинство абитуриентов, поступая в высшее учебное заведение, не понимают сути профессии как таковой.

Безусловно, при аккредитации вузов и их лицензировании среди прочих критериев оценки, присутствует и процент трудоустройства выпускников. Но при трудоустройстве необходимо учитывать тот факт, что работодатель смотрит не только на диплом, но и на личностные качества: ответственность, сноровку, умение расположить к себе, эрудированность и профессиональные навыки и компетенции. Наличие либо отсутствие навыков самопрезентации также влияет на результаты трудоустройства.

Для выяснения реальной ситуации с проблемой трудоустройства молодежи среди студентов вузов Свердловской области было проведено экономико-социологическое исследование. В исследовании приняло участие чуть более 2 000 респондентов: 27 % опрошенных – мужчины; 73 % – женщины; 75 % ответивших в возрасте – до 18 лет, 18 до 21 года; 10,5 % – старше 21 года; 98 % ответивших – не замужем/не женаты, 2 % ответивших – женаты/замужем.

Получены следующие результаты: 88 % обучаются на очной форме; 6 % – на заочной форме обучения; 4 % от общего количества не обучаются; 2 % имеют высшее образование; 22 % работают и 78 % не имеют работы. Из тех, кто имеет работу, 50,5 % удовлетворены условиями работы, 49,5 % опрошенных работа не приносит удовольствия; 64,3 % опрошенных не устраивает их заработная плата, 35,7 % удовлетворены оплатой труда; 40 % опрошенных собираются искать работу по специальности; 25,5 % продолжают обучение в магистратуре; 21,5 % опрошенных собираются открыть собственное дело; 6 % хотят продолжить обучение по другой специальности, а 2 % опрошенных посвятят себя дому/семье; 10 % опрошенных хотят развиваться в своей нынешней профессии, искусстве, искать любую работу (возможно, не по специальности), совмещать работу по специальности и обучение в магистратуре, получить образование.

Для 84,5 % значимой при выборе работы является заработная плата, для 55,5 % – карьерный рост, третьим по значимости является удобный график работы – 47,5%; также важными аспектами являются: благоприятная атмосфера – 37 %; возможность получить новый опыт – 31,5; общественная полезность – 17,5; близость к дому – 13,5; общественное признание – 10 %.

70 % опрошенных пытались найти работу, 30 % – нет; 75,3 % опрошенных искали работу не по своей специальности, когда 24,7 % предпочитают работу по специальности. 70 % опрошенных ищут/планируют найти работу через непосредственное обращение к работодателю, 40,5 % – с помощью близких людей, 39,5 % – через рекламу

в СМИ, 32 % – с помощью кафедры или научного руководителя, 24,5 % – с помощью службы занятости. Многие предложили поиск работы через сайты (такие, как Headhunter). При этом 88 % опрошенных выбрали два и более варианта ответа на данный вопрос.

45,5 % опрошенных рассчитывают на заработную плату в размере 20 000–50 000 р., 28,5 % – 50 000–80 000 р., 20 % – 80 000 и более, только 4 % рассчитывают на 10 000–20 000 р. 22% опрошенных имеют работу, но многих не устраивает размер их заработной платы, что является важнейшим аспектом при поиске работы.

41 % опрошенных выбрали как гибкий график работы, так и полную занятость; 12 % опрошенных предпочитают неполную занятость, и только 5 % предпочитают график 2/2.

82,5 % респондентов считают, что основной причиной того, что молодых людей неохотно берут на работу, является отсутствие опыта работы, остальные придерживаются точки зрения, что ожидания соискателей и работодателей не соответствуют реальности.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) чтобы соответствовать требованию рынка труда, молодые люди должны быть конкурентоспособными, коммуникабельными и уметь быстро адаптироваться в быстро изменяющихся обстоятельствах;

2) в целях адаптации к условиям рынка труда студенты должны стремиться найти работу во время обучения в вузе;

3) выпускники вузов должны получить такие компетенции, которые позволят им адаптировать их ожидания от рынка труда к реальной ситуации в экономике и требованиям работодателей;

4) вузы должны активнее мотивироваться к адаптации основных образовательных программ к формированию компетенций, согласованных с работодателями;

5) работодатели должны быть ориентированы и мотивированы властью на формирование адекватной системы вознаграждения за труд, особенно молодежи;

6) органы государственной власти должны формировать такую политику на рынке труда, которая избавит работодателя от соблазна занижения оплаты труда молодежи, оправдывая эти действия сложной экономической ситуацией.

Библиографический список

1. Аганбегян А. Г. Модернизация реального сектора экономики: про- странственный аспект // Регион: экономика и социология. 2012. № 4(76).

2. Анимица Е. Г., Силин Я. П. Средний Урал на пути к новой индустриа- лизации // Экономика региона. 2013. № 3(35).

3. Романова О. А., Сиротин Д. В. Новый технологический облик базовых отраслей промышленных регионов РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 5(41).
4. Сурнина Н. М., Илюхин А. А., Илюхина С. В. Демографический ландшафт региона: факторы, динамика, тенденции, прогнозы // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 4(72).
5. Сурнина Н. М., Илюхин А. А., Илюхина С. В. Развитие социальной и инженерной инфраструктуры региона: сущностный, институциональный, информационный аспекты // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 5(67).
6. Klaus C., Seitz H. The Economic Benefit of Public Infrastructure // Applied Economics. 1994. Vol. 26, no. 4.
7. Saghat C. K., Collins A. R. Infrastructure and economic development: what is their relationship in West Virginia? // West Virginia Agricultural and Forestry Experiment Station Bulletins. 1998. No. 719.
8. Dilger R. J., Win T. S. The \$300 Million Infrastructure Improvement Amendment // West Virginia Public Affairs Reporter. 1994. Vol. 11, no. 4.
9. Kelejian H. H., Robinson D. P. Infrastructure Productivity Estimation and Its Underlying Econometric Specifications: A Sensitivity Analysis // Papers in Regional Science. 1997. Vol. 76, no. 1.

С. В. Илюхина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург,

В. Н. Лавров, Т. В. Бурцева

Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург

Политико-экономические вопросы экономического роста страны и регионов

Аннотация. Проведен анализ и предложена классификация видов и направлений сохранения и повышения благосостояния в зависимости от степени значимости главных потребностей народонаселения. Выявлены факторы повышения качества потребляемых товаров и услуг, а также определены пути экономического роста ВВП народнохозяйственного комплекса России. Обращено внимание на необходимость сохранения эколого-экономической безопасности населения и все возрастающую роль государства (правительства) в улучшении условий жизнедеятельности и качества жизни субъектов хозяйственной деятельности за счет совершенствования уровня планирования инновационно-инвестиционной деятельности. Показаны некоторые основные блоки и инструменты более эффективного управления экономикой. Выделены главные проблемы социально-экономического развития страны, по которым не стихают дискуссии в среде ученых-экономистов.

Ключевые слова: потребность; благосостояние; сбережения народонаселения; качество экономического роста; качество факторов производства; политические и идеологические потребности и виды благосостояния; трехсекторная модель смешанной экономики; нерыночный сектор экономики; абсолютные (вечные) и относительные истины; экономические законы и закономерности; социальная защищенность малоимущих и среднего класса.

Стратегические альтернативы политико-экономического развития Российского государства продолжают обсуждаться в экономических монографиях и статьях, на конференциях и форумах общероссийского и общемирового ранга. Самая актуальная тема и самая острая проблема в рамках этих дискуссий следующая: что происходит в политике и экономике Российской Федерации, или, как принято говорить сегодня, каковы тренды и перспективы развития политической и экономической систем громадного российского государства.

На вопрос «куда идет Россия?» представители левого крыла депутатского корпуса пытаются еще раз обосновать научную концепцию классиков марксизма, согласно которой «государственный социализм» исторически и естественно «вырастает» из «государственного капитализма». Поэтому научные изыскания в этой области для руководителей сегодняшнего российского государства становятся архиважной потребностью и необходимостью. Так как народонаселение страны уже

два десятка лет дожидается ответа на вопрос: какие горизонты и цели ожидают страну впереди, через пять, десять, двадцать лет? Как определить политическую и экономическую систему управления страной, при которой мы живем? Какими инструментами правительство собирается формировать или уже формирует механизмы экономического роста и повышения доходов населения?

На всех стратах и уровнях населения закономерно обозначился вопрос: как будет решаться проблема и перспективы четвертой промышленной революции, которой Россия давно уже «беременна», а значит, пора бы и «разрешиться».

Ментальность народонаселения такова, что на первом месте у профессионально мыслящей части населения стоит вопрос: а когда будет и будет ли наведен порядок в вопросах науки и практики справедливого распределения материальных и духовных благ? Даже с учетом общепринятого принципа «справедливого неравенства» ситуация в стране напоминает вялотекущую экономическую и политическую гражданскую войну противоречий. Представляется, что весьма кстати будет напомнить о том, что теория «классовой борьбы противоречий» и сам классовый метод анализа этих противоречий не перестал быть научным, не устарел, если его не вульгаризировать и не доводить до крайних, революционных выводов.

Метод единства исторического и логического подходов при анализе нынешней экономико-политической и идеологической ситуации в России весьма наглядно демонстрирует вывод о большом неблагополучии социально-экономического положения в отношении проблемы «народосбережения» в стране в целом и в регионах в частности.

От того, что многие территории объявлены свободными экономическими зонами или регионами опережающего развития, ситуация не изменится в лучшую сторону, если эти территории так и останутся без дополнительных серьезных инвестиций и субсидий. Сами руководители регионов, а также чиновники самого высокого уровня признают, что нужна жесткая и умелая рука правительства и надзорных органов для контроля над видами, целями и результатами расходования государственных материально-финансовых ресурсов. Некоторые ученые-экономисты РАН достаточно громко заявляют, что срочно необходима реанимация Столыпинской реформы, ее продолжение, особенно в регионах Западной и Восточной Сибири.

Прежде чем попытаться определить основные направления и составить план (программу) сбережения населения Российской Федерации, необходимо выделить и научно обосновать элементы (факторы), условия и предпосылки системного механизма (модели) сохранения и повышения конкурентоспособности экономики страны.

С позиции методологических обоснований, требуется ответить на вопрос: каковы экономические, политические и идеологические цели развития народнохозяйственного комплекса российского государства? Ответить на самый главный стратегический вопрос: куда идет Россия? Лишь после этого следует рассуждать на тему, какими путями, способами, инструментами и механизмами можно сохранить или даже повысить благосостояние населения.

Гносеологическое и онтологическое изучение данных вопросов и проблем предполагает начать и остановиться более подробно на структурно-функциональной классификации субъективно-объективных потребностей людей как субъектов хозяйственной деятельности общества и государства. Индивид, являющийся носителем человеческого капитала, априори исторически имеет следующие основные виды потребностей, удовлетворение которых и составляет главные направления повышения благосостояния:

- а) материально-денежное благосостояние;
- б) экологическое благосостояние;
- в) духовное благосостояние;
- г) политическое благосостояние;
- д) идеологическое благосостояние.

Для профессионально мыслящей части населения последние два вида являются определяющими. Речь в данном случае идет не только об элементах количественного роста материальных и духовных (политико-идеологических) благ, но, в первую очередь, о качестве «образа жизни» индивидов и социумов, а значит об уровне качества жизнедеятельности малоимущих и среднего класса населения городов и провинций.

В гносеологическом плане логично обратиться к экономической теории благосостояния [4], начиная со времен написания религиозных работ отцов христианской церкви [5], избранных работ Джереми (Иеремия) Бентама [2], классиков трудовой теории стоимости [1], представителей центрально-европейского [10] и шведского социализма [6]. Что касается вклада в научную теорию и практику экономического благосостояния российских ученых так называемого «серебряного века», то вполне достаточно упомянуть таких великих ученых и государственных деятелей, как Д. И. Менделеев, С. Ю. Витте, а также П. А. Столыпин и П. Б. Струве. Достаточно подробно социальный и экономической вклад этих ученых в развитие российской экономики и государственности представлен в большой монографии «История русской экономической мысли» профессора К. П. Стожко [9].

Мировой опыт последних двух веков свидетельствует о том, что главные, определяющие функции регулирования, планирования, стимулирования экономических процессов в стране реализовывать, то

есть осуществлять, кроме государства, никому. Если исходить из предположения американских экономистов о том, что в любом государстве экономика включает минимум три сектора: частный, государственный и корпоративный, то следует сделать вывод о том, что никаких стопроцентно рыночных экономик и даже секторов не бывает в реалиях и по существу.

Следовательно, на практике можно вести анализ хозяйственной деятельности частного сектора, опирающегося на частную собственность, государственного сектора, основой которого является государственная собственность, и корпоративного сектора, в котором присутствуют элементы рыночного хозяйствования. Частный сектор можно назвать чисто рыночным, так как субъекты хозяйствования используют и исповедуют принципы рынка, определяющим среди которых является принцип самокупаемости. Государственный сектор можно определить как частично рыночный, потому что здесь имеются сотни и даже тысячи предприятий, институтов, в том числе отраслей, которые априори исторически приносить прибыль и работать «по рыночному уставу» не могут. Отсюда получается, что в государственном секторе экономике следует назвать смешанной, то есть частично рыночной. Что касается корпоративного сектора, где собственность полугосударственная или получающая, то такие крупные акционерные предприятия и даже транснациональные корпорации (ТНК) необходимо определять как полурыночные, как и весь данный сектор экономики страны.

В целом экономику страны (государства) правильнее, на наш взгляд, квалифицировать как «трехсекторную модель смешанной экономики». Достаточно перечислить специфические функции государственного регулирования, чтобы понять, что они монопольно принадлежат только государству и никто другой (никакой другой субъект хозяйствования) – ни субъект частного сектора, ни субъект корпоративного сектора – должным образом выполнить не смогут.

Специфические функции государства в экономической политике можно свести к семи-восьми. К ним относятся:

- 1) стабилизация производства;
- 2) финансирование НТП;
- 3) дотация социально значимых отраслей;
- 4) выравнивание уровней экономического развития различных регионов;
- 5) государственная поддержка конкуренции;
- 6) стабилизация и оздоровление денежной системы;
- 7) преодоление чрезмерной имущественной дифференциации населения;

8) социальная эколого-экономическая защита малоимущих и среднего класса (малый и средний бизнес).

Очень важной проблемой для развития народнохозяйственного комплекса нашей страны является повышение качества экономического роста. Решение данных вопросов требует проведения четвертой индустриально-технологической революции в России. Повышение качества прироста ВВП напрямую зависит от повышения (изменения) и роста качества используемых и потребляемых ресурсов, тех, которые принято называть факторами производства и воспроизводства. Внедрение ресурсосберегающей, экологической, чистой, малоотходной и безотходной технологии требует новой логистики и эколого-экономической культуры.

Реализация названных задач и вопросов создает дополнительные противоречия, транзакционные издержки и даже негативные последствия. Роботизация, которая становится естественным следствием ускорения научно-технического прогресса, имеет свою обратную сторону. Речь идет о сокращении рабочих мест и, соответственно, росте безработицы в промышленно развитых странах к середине 1930-х годов. Интеллектуальные факторы конкурентоспособности на уровне предприятий, отраслей и народнохозяйственного комплекса страны выдвигаются на первое место. Поэтому обязанность государственных институтов своевременно озаботиться и внести поправки в разработку экономических, политических и идеологических планов развития страны на ближайшую пятилетнюю и пятнадцатилетнюю перспективу.

В этой связи может пригодиться опыт советского периода по организации общественных работ, объявлению больших и великих строек века, как, например, БАМ, ВАЗ, КАМАЗ, новых гидроэлектростанций и даже проект переброски и продажи воды северных рек в южноазиатские государства.

Одним из важных направлений повышения благосостояния и сбережения народонаселения России могла бы стать политика снижения налогообложения субъектов хозяйственной деятельности, физических и юридических лиц. К сожалению, приходится констатировать, что реформа налогообложения народонаселения проводится с чисто фискальной целью и предполагает усиление налоговой нагрузки на граждан, не учитывая, что реальные доходы населения не растут уже более пяти лет и даже по некоторым видам имеют тенденцию к снижению. Опыт управления экономикой посредством налогового механизма во всех случаях в странах индустриального типа свидетельствует лишь об одном: увеличение налоговой нагрузки для народонаселения (среднего класса и малоимущих) сокращает доходы граждан и вследствие этого уменьшает величину совокупного спроса. Как известно, еще Джон

Мейнард Кейнс – великий английский экономист (можно сказать классик экономики XX века) убедительно доказал в своей работе «Общая теория занятости, процента и денег» (опубликована в 1936 г.), что спрос населения (совокупный спрос) является инвестиционным фактором развития экономики в любом государстве в любую эпоху.

Что касается реформы здравоохранения и образования в нашей стране, то становится слишком очевидным наличие тренда развития этих нерыночных по определению отраслей услугпроизводства. Все нерыночные (нерентабельные) институты и институции должны развиваться за счет бюджета федерального и регионального уровней, как это происходит в странах с социально-рыночной экономикой. И опять, к сожалению, члены правительства дело ведут к тому, чтобы эти два направления, поддерживающие и повышающие качество человеческого капитала, субсидировались за счет в основном внебюджетных средств. На практике это означает повышение стоимости и платности медицины и образования для граждан страны за свой собственный счет. При нынешнем низком уровне доходов народонаселения повышение платности медицинских и образовательных услуг ведет к обнищанию определенной части граждан, или деградации человеческого капитала.

Названная проблема стала главным предметом экономических дискуссий последнего десятилетия развития социально-экономических противоречий и результатов доминирования монетарных инструментов управления экономикой нашей страны [3; 7].

Таким образом, коренной пересмотр структурно-функциональной политики управления экономикой страны (управления поведением субъектов хозяйственной деятельности) становится не просто актуальной проблемой нынешнего правительства Российской Федерации, но требует своевременных решений. В противном случае запаздывание в решении «назревших и перезревших» проблем приведет к многократному увеличению «эффекта» издержек, что очень не хотелось бы, когда страна совершает прорывы в решении международных военно-политических, а значит и экономических, проблем [8].

Оценка сбережения народонаселения России на практике представляет собой наличие безопасной жизнедеятельности. С учетом некоторой условности безопасность жителей-резидентов страны можно классифицировать в следующей последовательности:

- 1) экономическая безопасность;
- 2) идеологическая безопасность;
- 3) политическая безопасность;
- 4) образовательно-информационная безопасность;
- 5) медицинско-фармакологическая безопасность;

- 6) экологическая безопасность;
- 7) этнографически-генетическая безопасность;
- 8) ядерно-биологическая безопасность;
- 9) климатическая безопасность страны;
- 10) опасность пределов глобализации;
- 11) ментально-культурная безопасность традиций и опыта;
- 12) продовольственная безопасность.

Если эти вопросы не решаются или решаются медленно и бессистемно, то необходимо выделить главную текущую и самую опасную для страны безопасность. Руководителям страны наконец стало понятно, откуда и как формируется главная опасность для политической и экономической систем. Главной и основной проблемой для нашей страны было и существует на сегодняшний день идеологическая безопасность, которую принято называть «мягкой силой». Отсутствие научно проверенной и обоснованной идеологии развития вечных, относительных и специфических ценностей, отсутствие их глубинного, сущностного осознания завело страну к концу 1980-х годов в большой тупик, из которого по-настоящему мы не выбрались до сих пор. Если рассматривать идеологию как науку о системе идеалов и ценностей общества, то необходимо определить также и закономерности изменения (трансформации) этих идеалов, ценностей и относительных истин. Вечные ценности, то есть абсолютные истины, мы выносим в данном рассмотрении за скобки. Разработка программы понимания, расшифровки и научного обоснования идеологических принципов, положений и футурологических идеологем, связанных с методами достижения справедливого распределения произведенных благ, отвечающих ментальным особенностям и чаяниям большинства народонаселения, является первейшей и важнейшей задачей. А может, и целью, миссией, стратегией, которую в ближайшем будущем должны подготовить ученые и государственные деятели России.

Библиографический список

1. *Аникин А. В.* Юность науки: жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. 3-е изд. М., 1979.
2. *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства (1879 г.) // Большая экономическая энциклопедия. М. : Эксмо, 2007.
3. *Илюхин А. А., Илюхина С. В.* Социальная инфраструктура и внутренняя трудовая миграция // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 3(93).
4. *История экономических учений: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой.* М. : ИНФРА-М, 2007.

5. *Кичанова И. М.* Философия Фомы Аквинского // Вопросы философии. 1958. № 3.
6. *Мюрдаль Г. К.* Азиатская драма. Исследование о бедности народов (1968 г.) // Большая экономическая энциклопедия. М. : Эксмо, 2007.
7. *Пономарева С. И.* Политэкономический анализ финансовой природы капитализма начала XXI века // Известия Уральского государственного экономического университета. 2013. № 3-4.
8. *Руцицкая О. А., Куликова Е. С.* Маркетинговая концепция стратегии развития территорий // Аграрный вестник Урала. 2015. № 10(140).
9. *Стожко К. П.* История русской экономической мысли. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2008.
10. *Эрхард Л.* Благополучие для всех : пер. с нем. М. : Начала-Пресс, 1991.

Ю. Н. Кондратенко

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

«Умное» предприятие в промышленности региона: понятие и перспективы

Аннотация. Рассматриваются существующие в зарубежной и отечественной литературе определения термина «умное» предприятие, приводятся классификации «предприятий будущего» (виртуальных, цифровых и «умных» производств), анализируются их характерные черты и отличия. На основе проведенного анализа предлагается авторское определение понятия «умное» предприятие в промышленности, позволяющее выделить специфику данного предприятия на современном этапе его развития. По итогам изучения ряда примеров «умных» производств в России и мире автором оценивается перспектива создания подобных предприятий в российских условиях.

Ключевые слова: «умное» предприятие; Индустрия 4.0; интернет вещей (IoT); «умное» производство; виртуальное предприятие; цифровое предприятие.

В настоящее время главными факторами успеха любого производства и экономики в целом являются гибкость и скорость внедрения новых технологий.

На предприятиях все активнее внедряются процессы автоматизации, оптимизации систем производства и совершенствование управления. Возникает необходимость применения новых методов и средств принятия решений в реальном времени в связи с возрастанием сложности по управлению бизнесом [3].

В 2011 г. в публичный оборот был введен термин Industry 4.0, обозначающий процесс коренного преобразования глобальных цепо-

чек создания стоимости. По мнению К. Шваба, «распространяя технологию „умных заводов“, четвертая промышленная революция создает мир, в котором виртуальные и физические системы производства гибко взаимодействуют между собой на глобальном уровне. Это обеспечивает полную адаптацию продуктов и создание новых операционных моделей» [5]. Отличием четвертой промышленной революции от предыдущих революций является синтез разных технологий и их взаимодействие в физических, цифровых и биологических доменах, при этом новейшие технологии и универсальные инновации распространяются значительно быстрее и более масштабно, чем раньше. Связь же между физической и цифровой реальностью обеспечивает «Интернет всех вещей» (IoT) – взаимодействие между вещами (продуктами, услугами, местами и прочее) и людьми, которое обеспечивается взаимосвязанными технологиями и различными платформами [5].

Следует отметить, что термины Industry 4.0 и «Интернет всех вещей» наиболее известны среди немецкоязычной аудитории. В других странах подобные идеи выдвигаются под другими названиями. Например, подобная идея цифровой революции под именем «Промышленный Интернет» (Industrial Internet) продвигается компанией General Electric [7]. Он определяется как «интеграция сложных физических механизмов и устройств с объединенными в сеть датчиками и программным обеспечением в целях предсказания, управления и планирования на благо бизнеса и общества»¹.

Подобные идеи можно найти и под другими именами – «Интегрированное производство» (Integrated Industry), «Умное производство» (Smart Industry или Smart Manufacturing), «Умное предприятие» (Smart factory).

«Умное предприятие» (Smart factory) – ключевое понятие концепции Industry 4.0. Однако в литературе нет единого определения и четкого понимания данного термина.

Иногда под этим понимается любая роботизированная система, использующая сети датчиков и вычислительных устройств, взаимодействующих между собой для достижения высокоэффективного производства.

По мнению И. Лопухова на умном предприятии станки и прочее технологическое оборудование участвуют в улучшении технологического процесса путем самооптимизации, применяются взаимосвязанные комбинации интеллектуальных производственных технологий и новейших высокопроизводительных коммуникационных технологий,

¹ *Industrial Internet Consortium: Fact Sheet. 2013. URL: http://www.iiconsortium.org/docs/IIC_FACT_SHEET.pdf.*

что обеспечивает появление единого цифрового пространства и его горизонтальную интеграцию сквозь всю производственную цепочку наряду с вертикальной интеграцией всех уровней производства [2].

Исследователи из Штутгартского университета понимают под «умным» предприятием такую производственную систему, которая, будучи осведомленной о контексте, помогает сотрудникам и оборудованию в выполнении своих заданий. «Умное» предприятие выступает в виде среды производства, способной справляться с изменчивостью производственного процесса в режиме реального времени посредством использования децентрализованной информационно-коммуникационной структуры [4].

Иногда умное предприятие используется как синоним словосочетания *Factories of the Future* (предприятие будущего). Однако Э. Филос, координатор ИКТ-проектов в седьмой Рамочной программе Европейского союза по научно-технологическому сотрудничеству, разделяет три вида компаний по цели создания, средствам достижения цели и ожидаемому результату (см. таблицу) [8].

Классификация «предприятий будущего»

Тип предприятия	Цели создания	Средства достижения целей	Ожидаемый результат деятельности
Умные предприятия	Более широкое использование средств автоматизации, улучшенный контроль и оптимизация процессов производства	Специализированное программное обеспечение, лазеры и устройства с искусственным интеллектом, встроенные в машины, и инфраструктура предприятия	Производительность всего предприятия: уменьшение отходов; потребления электроэнергии; сокращение времени вывода нового изделия на рынок; повышение качества
Виртуальные предприятия	Управления цепочками поставок, создание ценностей путем интеграции продуктов и услуг	Программное обеспечение для единого взаимодействия и управления производственными активами; новые бизнес-модели и идеи создания ценности	Производительность цепочки поставок: продукты с высокой ценностью; сохранение рабочих мест в регионе; прозрачность процессов; защита прав интеллектуальной собственности; уменьшение выбросов CO ₂

Окончание таблицы

Тип предприятия	Цели создания	Средства достижения целей	Ожидаемый результат деятельности
Цифровые предприятия	«увидеть» продукт до его реального производства	Программное обеспечение для цифрового представления (визуализации) и тестирования продуктов и процессов до их запуска в реальное производство	Эффективность разработки нового продукта: уменьшение ошибок разработки; улучшенные и эргономичные продукты; уменьшение отходов и доработки; ускоренный вывод нового продукта на рынок

Примечание. Составлено по: [8].

Таким образом, можно разграничить «предприятия будущего» и «умные» предприятия.

По мнению автора данной работы, «умное» предприятие достаточно широкое понятие и на данный момент может иметь черты как цифрового, так и виртуального предприятия. Поэтому под «умным» предприятием мы понимаем гибкую систему производства, основанную на использовании средств автоматизации и передовых инструментов компьютеризации, действующих в зависимости от контекста производственного процесса и дающих возможность прогнозирования и предупреждения негативных тенденций, что позволяет обеспечить эффективное управление всеми системами предприятия в режиме реального времени, организовать непрерывный процесс обучения и совершенствования, а также повысить производительность и ускорить процессы разработки новых продуктов, не оказывая негативного влияния на состояние окружающей среды.

В настоящее время нет полномасштабных примеров «умных» предприятий, поэтому концепция «умного» производства представляет собой в большей степени идеальную ситуацию, чем четкий стандарт. В связи с чем понятие «умного» предприятия может еще уточняться по мере развития подобных производств на практике.

В рамках проекта «Промышленный и технологический форсайт Российской Федерации» были выделены ряд условий, которые необходимо выполнить для реализации «умных» производств:

дальнейшее улучшение, удешевление и автономизация «умных» устройств;

развитие сетевых протоколов, в частности переход от IPv4 к IPv6;

развитие мобильных устройств, позволяющих осуществлять распределенные вычисления (без опоры на центральные серверы);

развитие системы открытых стандартов связи, поддерживаемых всеми производителями устройств, а также стандартов взаимодействия между электронными устройствами и автоматическими системами планирования (CAD, CAM, CAE...) [4].

Большинство «умных» технологий и производств находится сейчас на начальном этапе своего развития, и существуют лишь отдельные примеры эффективного использования «умных» производств в США, Европейском союзе, Японии.

Например, завод Philips по производству бритв в Голландии, который работает в темном помещении, где находятся 128 роботов, завод Harley-Davidson, который сократил среднее время производства мотоциклов под заказ с 28 дней до 16 часов, производитель инструментов Stanley и Black & Decker, который после внедрения IoT снизил количество дефектов и ошибок маркировки на 16 %, завод Chrysler в Толедо, на котором каждый день выпускается более 700 автомобильных кузовов (при этом задействованы 259 немецких роботов KUKA, которые «общаются» с 60 000 других устройств и станков), завод электроники Siemens в Амберге, где выпускаются промышленные контроллеры (ассортимент выпускаемой продукции насчитывает более 1 000 наименований, объем производства – примерно 12 млн промышленных контроллеров в год. Производство максимально автоматизировано, более 75 % работ выполняется станками и компьютерами. Ежедневно на заводе создается свыше 50 млн записей производственно-технологической информации, что позволяет проследить весь жизненный цикл каждого выпускаемого изделия) [6].

В России существует потенциал развития «умных» предприятий, однако требуется преодолеть целый ряд сдерживающих факторов. Изменить модель производства, сложившуюся в советские годы (преобладание крупных производств с негибкой структурой управления, высокой степенью бюрократизации), устранить изношенность основных фондов, вернуть выбывшие в 1990-е годы исследовательские центры и конструкторские бюро. Кроме того, для появления умных предприятий интеллектуальная составляющая должна охватывать не только конкретное производство, но и всю цепочку из «умных» поставщиков. В России же существует довольно разрозненный пул поставщиков отдельных элементов «умных» систем. При этом отсутствуют системные интеграторы, способные поставлять такие системы под ключ [1].

Результаты опроса российских промышленных компаний показали, что хотя большинство предприятий использует программное обес-

печение для управления производством, обычно речь идет об ERP-системах (планирование ресурсов предприятия), которые имеют весьма опосредованное отношение к концепции «умных» заводов. Еще хуже ситуация обстоит с промышленными роботами – они используются менее чем на трети опрошенных предприятий [4].

Поэтому действительно «умных» предприятий в России на сегодняшний день нет, и на предприятиях внедряются лишь отдельные цифровые решения и системы автоматизации. В первую очередь, они затрагивают нефтегазовую отрасль, а также горнодобывающую и металлургическую промышленность. Например, «Северсталь» активно использует мобильные устройства, чтобы обеспечить прозрачность работ по обслуживанию и ремонту оборудования, а также автоматизировать процессы планирования и расстановки персонала. На добычных активах «Газпром нефти» внедряется программа «Цифровое месторождение», в основе которой лежит автоматизация технологических процессов за счет внедрения передовых IT-решений, непрерывного процесса улучшений, а также реорганизация сопутствующих бизнес-процессов [6].

Примером реализации проекта с использованием «умных» систем в России может быть проект выпуска самолета Sukhoi Superjet 100, реализованный в ЗАО «Гражданские самолеты Сухого», в котором создание и дальнейший выпуск Superjet 100 полностью базировались на цифровых моделях, открывших возможности широкой кооперации с поставщиками различных комплектующих, параллельного проектирования, модернизации производственных процессов [6].

Подводя итог, следует отметить, что «умное» предприятие – это цель, к которой стоит стремиться российскому производителю, чтобы сохранить свою конкурентоспособность в условиях наступающей Индустрии 4.0, но ее достижение потребует значительной перестройки всего производственного процесса, изменения подходов к разработке, проектированию и изготовлению продукции, реализации ряда инициатив на уровне государственного регулирования (приведение существующих госстандартов в соответствие с концепцией «умного» предприятия, создание финансовых стимулов для коренной модернизации производств, подготовка квалифицированных кадров, владеющих процессами автоматизации, дигитализации, роботизации и разбирающихся в современном программном обеспечении и информационной безопасности). При этом следует отметить, что использование элементов «умного» производства в отдельных проектах не приведет к созданию полноценного «умного» предприятия. Учитывая специфику России (авторитарный стиль управления и необходимость структурных изменений в промышленности), инициатива по внедрению «умных» систем

должна исходить сверху, директивно и комплексно, с предоставлением необходимой помощи и поддержки.

Библиографический список

1. *Афанасьева О.* Основные тенденции рынка автоматизации РФ в 2010 г. на основе статистики выставок и конференций «ПТА» // СТА. 2011. № 1. URL : <http://www.cta.ru/cms/f/437034.pdf>.
2. *Лопухов И.* Коммуникационные технологии умного предприятия в рамках концепции Индустрия 4.0 и Интернета вещей // Современные технологии автоматизации. 2015. № 2.
3. *Скобелев О. П.* Мультиагентные технологии для управления ресурсами в практических применениях // Материалы конференции (Екатеринбург, 26 ноября 2011 г.). URL: <http://www.slideshare.net/gudnichenko/ss-10415163>.
4. *Умные» среды, «умные» системы, «умные» производства: серия докладов (зеленых книг) в рамках проекта «Промышленный и технологический форсайт Российской Федерации».* СПб., 2012. Вып. 4.
5. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016.
6. *Экспертное мнение. Что такое цифровое производство? // Цифровое производство: сегодня и завтра российской промышленности.* 2017. № 1. URL: <http://www.up-pro.ru/specprojects/digital-pro>.
7. *Evans P. C., Annunziata M.* Industrial Internet: Pushing the Boundaries of Minds and Machines. November 26, 2012. URL : http://www.ge.com/docs/chapters/Industrial_Internet.pdf.
8. *Filos E., Helmuth C., Riemenschneider R.* «Smart factories» with next generation of production systems. ICT Objectives 7.1/7.2 // PPP InfoDay. 11 July 2011, Brussels. URL: http://ec.europa.eu/research/industrial_technologies/pdf/conference2011/fof-1-5-rolf-riemenschneider-christoph-helmuth-11072011_en.pdf.

P. P. Krylatkov, N. Ye. Kalinina

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
city of Yekaterinburg*

Digital Transformation of the Information Space of Industrial Enterprises

Abstract. Russian industrial enterprises in the new conditions of functioning as a post-industrial society characterized by total digital transformation of the internal and external environment of the enterprise are the object of this study. Privatization stages of the information space of the country are also considered, and the main attention is paid to the sphere of production and business. Structural and instrumental innovations in the information and economic management system of industrial enterprises are the subject of this research. High importance of the enterprise information resource use for forming its competitive position in the market is highlighted. New concepts for an industrial enterprise are introduced: information security and information risk as important factors in the formation of its management strategy. The information security of an industrial enterprise largely determines the economic and image position of an enterprise in business space.

Keywords: industrial enterprise; information space; information security; information risk.

Introduction. The concepts of the *industrial society* of Western economists, for example: W. Rostow [12], J. Galbraith [2], suggest the leading role of science in production and management. But most of all the ideas of Toffler [10] are associated with the concept of the *information society* as the third stage of the mankind development (later this stage was called the *post-industrial society*). One of his most important resources is information, as shown by M. Castells [3; 11], T. Sakaya [13] and many other scientists in their studies.

In the 90^s of the 20th century there was an almost unnoticed and absolutely not advertised «revolutionary action» in Russia, namely: the privatization of the information space. According to the global consequences for the country, this fact has perhaps not less importance, than the privatization of land, mineral resources and means of production. To the public, of course, first of all, privatization of the media: newspapers, cinema, television, printing, etc., is evident, but this is a socio-cultural-political sphere. In this paper we are talking about the economic and management information space of the enterprise in the configuration that exists today or should exist tomorrow.

The transition of the vast majority of enterprises to private ownership and, as a consequence, their exit from direct management of the state radically changed the management situation [5]. Enterprises immediately faced

the need to have as much information as possible about the most relevant part of the external environment for them: raw materials markets, suppliers, competitors, intermediaries and, above all, consumers of their products. Even the enterprises of the military-industrial complex, which remained under the state administration, could not be content with only the information that higher authorities could provide them.

Rapid formation of hundreds of commodity exchanges and thousands of brokers working as individual entrepreneurs or unregistered individuals is the confirmation of the *information catastrophe* that swept the privatized enterprises in Russia in 1990-91. It's strange, but this fact was commented only as a revival of the domestic exchange trade by many authors [7; 9]. But then there are questions: why so fast? Why on such a grand scale? Where are all these exchanges now? The avalanche of intermediaries that filled this information vacuum became the breeding ground, which nurtured the first Russian millionaires and their first capitals.

1. Stages of the information space privatization realized by the industrial production subjects. Failure to understand that the information environment of industrial enterprises in the command economy, which is torn from market realities, does not meet the requirements of the business community, led to fundamental mistakes in the privatization of the country's enterprises. For example, enterprises were corporatized based on the book value sheet at the time of privatization. The consequences of such a «homegrown» evaluation for many years were felt by significant economic losses at all levels of the economy.

So, with the transition to a multistrukture economy, the privatized enterprises faced the task of mastering one more market resource - information. And this is provided that there was practically no infrastructure where information could be bought. Market price was determined at stock exchanges only for a small amount of goods – mainly for energy carriers and other export raw materials. The content and sequence of the information space privatization stages of enterprises are presented in table.

Information space privatization stages

Content of the stage, years	Information problem	Participants in the process	Result
The removal of restrictions for the part of the state-owned enterprises products to be sold at free prices (1989–1990)	The choice of buyers who can give the highest price. At the initial stage, demand clearly exceeded supply	Trading structures organized by the enterprises and traditional consumers of the enterprise products	Additional information solutions were not required

Table continuation

Content of the stage, years	Information problem	Participants in the process	Result
The release of prices for all goods, including raw materials. The final collapse of the state supply and marketing systems of enterprises (1991)	Unpredictable price spike. Search for suppliers with a reasonable price for raw materials and components and customers willing to pay for the enterprise's products	Supply departments of enterprises, traditional suppliers of raw materials and components, consumers of enterprise products	Information catastrophe. The inability of the existing information system to operate in a new environment
Urgent creation of intermediary infrastructures (1990–1992)	Solution of the supply and sale problems vital for the enterprises survival	Commodity exchanges, private brokers, trading houses related to the enterprises	Temporary solution of the enterprise information problems
Voucherization, corporatization and privatization of enterprises (1992–1994)	Organization of securities issue and their placement among the employees of the enterprise and at voucher auctions	Committees and Property Funds, «amateur» departments of securities of enterprises	Creation of systems for maintaining the register and accounting of securities in enterprises
«Monetary» privatization of enterprises (1992–2000)	The emergence of new management organizational structures (Board of Directors, executive management, shareholders' meeting)	The new owners of the enterprise, shareholders plus the existing management structure of the enterprise	Forced use of the existing information system hastily adapted to meet new challenges
Active entry into a free market environment (1993–2000)	Search for new suppliers and consumers. Market research. Search for new types of products, technologies	The new owners of the company, the gradually changing old management structure	Awareness of the inability of the old information system to provide work in a new environment
Modification of existing information management systems of the enterprise (1995–1999)	Formulation of new information tasks of an enterprise in a new market space	The owner and management of the enterprise, consultancy firms and management information system designers	The emergence of domestic versions of market-based software products (IS-Bukhgalteriya, Konsul'tant, Parus)
Mastering the market information space (2000 – to the present)	Solution of new management tasks of the enterprise dictated by the market	Enterprise, suppliers, consumers, competitors, state, society, media, advertising agencies, etc.	Formation of a new configuration of the enterprise information and management system. Active use of foreign and domestic platforms

End of the table

Content of the stage, years	Information problem	Participants in the process	Result
Activation of hacking activity and its intrusion into the administrative and commercial environment (2008 – to the present)	The need to protect government structures and enterprises from targeted «hacker attacks» in order to obtain economic benefits	State structures, banks, enterprises and other commercial structures. Organized and unorganized hacker formations. Counteracting structures.	Creation of protection systems, coding of commercial and management information. Active detection and blocking of hacking activities.

With the undeveloped information infrastructure in the country, in the absence of commercial centers for collecting and analyzing information on the market, enterprises had to experience significant difficulties. It should be noted that this vacuum was filled quite quickly with various advertising publications and agencies, but getting objective analysts on the market even now is a very difficult and expensive matter.

Gradually, as the elements of the information infrastructure were formed: advertising agencies, specialized price-books, newspapers, magazines, advertising on TV channels, commodity and stock exchanges, the situation began to correct. Enterprises began to enter into direct contacts with suppliers of products or to buy information on stock exchanges, in computer trade networks, on the Internet. At present, any enterprise is far beyond its traditional information boundaries. It actively collects and examines external data on the market, on suppliers, consumers, competitors. Such products as *PDM (Product Data Management)*, *Trading Exchanges*, *eProcurement*, *CRM (Customer Relationship Management)* began to appear in the information systems of enterprises. Getting information through the Internet has become commonplace.

Thus, we can state that there was spontaneous, but objectively necessary, privatization of the information space in the country. The owners of information were the subjects of the market and elements of the information infrastructure. The same factors and instruments began to act in the privatized information space as in the markets of tangible products: demand, supply, competition, marketing, management, engineering.

2. A new structure of the information space of an industrial enterprise. The modern information system of the enterprise objectively is still tied to the production technology and business processes of the enterprise, but is subjective to *the vision of the enterprise* that is formed by its owners and managers. Consequently, the objectives, structure and composition of the enterprise information system are variable in principle. A new vision of the information system of the enterprise implies its application not only as a data processing system, but also as the main tool for the for-

mation of the internal and external information environment of the enterprise. The value of information directed outside the system increases dramatically.

Enterprises can have a direct informational impact on suppliers and consumers of products, for example, through web pages on the Internet, TV, presentation activities, participation in exhibitions, fairs, etc. Enterprise's products itself cannot but carry the information component. We are talking about a set of consumer qualities of products, the design of the product itself and its packaging. But, most often enterprises influence the external environment through the information infrastructure, which offers promotion of goods, PR-technologies and various types of advertising: television, newspapers, magazines, billboards, streamers, etc.

Thus, information management is beyond the scope of the enterprise. Information is used to form a market; it is an active mean of influencing the market. The purpose of this impact is motivating consumers' interest in the enterprise's products and attracting partner enterprises to cooperation. This is an indispensable condition for the survival of the enterprise. The enterprise forms its image and the image of the product in the perception of the society, partners and consumers [6].

At the same time, the logic of the information and management impact shaping the environment is as follows: *information preparation – actions in the real world – use of results*. Applying the analogy with the stock market, it can be claimed that the manufactured goods are real capital, and the information image is the fictitious capital of the enterprise. The current price of fictitious capital determines the success of the enterprise in the information market and ultimately in the market of real goods!

Another meaning is acquired by internal information. It serves the whole complex of management in its types: strategic, innovative, investment, production, financial and its functions: forecasting, planning, regulation, control and motivation.

3. Information component of economic security of an industrial enterprise. From the above, one can imagine what field of activity has been opened for people and organized groups wishing to use the information environment for enrichment, industrial espionage for the purpose of competition, targeted influence on the enterprise as a whole or on individuals with a view to discredit or «squeeze» out of business, etc. Fairly rapid transition from physical to electronic carrier of financial and personal information makes it only easier to steal and use it for criminal purposes.

It is not customary to point out the fact that the information danger exists and is very real. For example, such a notion as *information risk* is not mentioned at all in traditional business risk classifications [1; 8], as well as analytical models of risk situations [4]. The authors consider it absolutely

necessary to introduce this definition into the scientific turnover and management practices and put the following content into this concept: «Information risk is a possible error in management or (and) purposeful action taking the information environment that can harm the financial conditions, image, position on the market of the organization (enterprise) or an individual».

So at the traditional Ural exhibition of Innoprom 2017, a lot was said about the problems of safety of modern industrial enterprises. Experts stressed that enterprises which use automated control systems (ACS), including those that involve *Industrial Internet of Things (IIoT)* technologies, underestimate the level of cyberthreats in this area and minimize the number of vulnerabilities in their networks. On the other hand, the representatives of enterprises themselves complain about the insecurity of the IIoT, which constrains plans for their implementation. In recent years, specialized operating systems and databases for *IIoT – Tarantool from Mail.ru Group, Kaspersky OS, Real Time Operating System for Multi-Agent Coherent Systems from «AstraSoft» (RTOS MACS)* have been developed in Russia. The creation of such a software product, in some way an isolated environment, is one of the interesting and deserving vectors of the development.

The problem of information and economic security of industrial enterprises is quite serious and we would like to hope that this publication will attract the attention of interested researchers and managers. The authors, it seems, will also not lose interest in this topic and will continue their research in this direction.

References

1. *Bogoyavlenskiy S. B.* Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty prinyatiya resheniy v usloviyakh neopredelennosti i riska. SPb. : Izd-vo SPbGEU, 2014.
2. *Gelbreyt Dzh.* Novoye industrial'noye obshchestvo. M.: Eksmo, 2008.
3. *Kastel's M.* Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve. Yekaterinburg : U-Faktoriya ; Izd.-vo Gumanitar. un-ta, 2004.
4. *Korshunova L. N., Prodanova N. A.* Otsenka i analiz riskov. Rostov n/D: Feniks, 2007.
5. *Krylatkov P. P.* Posledstviya privatizatsii informatsionnogo prostranstva dlya rossiyskikh predpriyatiy // Integratsiya v mirovuyu ekonomiku v kontekste ekonomicheskoy kul'tury: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 4 ch. Yekaterinburg : UGTU-UPI, 2008. Ch. 1.
6. *Kulaichev A. P.* Windows kak predmet nauchnogo issledovaniya // Mir PK. 1996. No. 11.
7. *Popov D.* Kolichestvo kazhetsya, nakonets perekhodit v kachestvo // Rynok. 1991. No. 13.

8. *Tikhomirov N. P., Tikhomirova P. M. Risk-analiz v ekonomike. M. : ZAO Ekonomika, 2010.*
9. *Stolyarov A. Tovarnaya birzha – vazhneyshiy element samoregulirovaniya rynka // Rynok. 1991. No. 12.*
10. *Toffler E. Shok budushchego: per. s angl. M. : AST, 2002.*
11. *Castells M. The Rise of the Network Society. Malden (Ma.). Oxford : Blackwell Publishers, 1996.*
12. *Rostow W. W. The Stages of Economic Grow. Cambridge, 1960.*
13. *Sakaya T. The Knowledge-Value Revolution or a History of Future. Tokyo ; N. Y., 1991.*

Ю. В. Куваева, Т. В. Решетникова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Российская инновационная система: конкурентные преимущества и недостатки в контексте Индустрии 4.0

Аннотация. Статья посвящена изучению преимуществ и недостатков отечественной инновационной системы в преддверии четвертой промышленной революции. Инновации являются основой Индустрии 4.0, и от того, насколько благоприятны условия для их генерации и воплощения в жизнь, зависят перспективы очередной индустриальной революции как в России, так и во всем мире. В статье рассмотрены данные доклада и рейтинга Global Innovation Index – 2016, а также проанализирована точка зрения отечественных исследователей в отношении перспектив российской инновационной сферы.

Ключевые слова: Индустрия 4.0; четвертая промышленная революция; инновации; Global Innovation Index; инновационная система.

В современном мире перед обществом стоит множество разнообразных задач, из которых важнейшей и наиболее впечатляющей по масштабам является формирование новой технологической реальности, предусматривающей трансформацию не только окружающей действительности, но отчасти, и человеческого сознания. В настоящий момент мы стоим у истоков увлекательного путешествия в будущее, название которому – четвертая индустриальная эволюция. Существует мнение, что «по масштабу, объему и сложности это явление... не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества», а особенностями этой революции будет являться огромная скорость внедрения новых технологий и мощнейшая конкуренция¹. В этой связи очевидным является тот факт, что драйверами Индустрии 4.0 выступают иннова-

¹ *Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016.*

ции в самых различных областях человеческого знания: цифровые технологии, беспилотные транспортные средства, 3D-печать, передовая робототехника, новые материалы, прорывные технологии в генной инженерии и т. д. Генерация инноваций – сложный социальный процесс, поэтому важнейшим является наличие условий для его успешного протекания и результативного завершения. Именно по этому, особый интерес представляет анализ факторов, способствующих и напротив, препятствующих протеканию данного процесса в РФ.

В 2016 г. Корнелльский университет США, Всемирная организация интеллектуальной собственности при ООН и французская школа бизнеса INSEAD в очередной раз представили доклад Global Innovation Index, который содержит рейтинг эффективности инновационной деятельности в 128 странах мира, основанный на 82 индикаторах. Эти перемены описывают такие аспекты инновационной деятельности, как качество человеческого капитала, институты, уровень развития инфраструктуры, потенциал внутреннего рынка, НИОКР и т. д. В докладе рассматривается так же, влияние государственной политики на качество инноваций, и как следствие – на экономический рост и развитие. Страны с самым разным уровнем дохода в той или иной степени реализуют стратегии экономического роста, основанные на инновациях. Что касается России, то многие эксперты все чаще задаются вопросами: сможем ли мы конкурировать по нашим лучшим технологиям с нашими главными соперниками – геополитическими, экономическими, и с США, и с Китаем, и с Европой, нашим главным торговым союзником? Сможет ли Россия сохраниться как технологическая держава? Уже сегодня, в мировом сообществе существует мнение, что «Россия, пока отставая от мира в технологическом отношении, может отстать навсегда»¹.

В этой связи, вернемся к анализу оценок, представленных в докладе Global Innovation Index – 2016 и посмотрим на российскую инновационную систему глазами экспертов. Прежде всего, стоит отметить, что неизменными лидерами на рынке инноваций по итогам 2016 г. остаются Швейцария, Швеция, Великобритания, США и Финляндия². Несмотря на то, что в рейтинге Россия в 2016 г. заняла лишь 43-е место (табл. 1), составители доклада весьма позитивно оценивают перспективы инновационной деятельности, ссылаясь на то, что страна сохраняет устойчивые позиции в инновационном развитии как среди 35 ве-

¹ Кудрин А. Л. Мы подошли к краю. URL : https://piratenproxy.nl/tvrain.ru/lite/teleshows/lectures_on_the_rain/ne_kolichestvo_raket-445684. (дата обращения: 06.09.2017).

² Россия заняла 43-е место в Глобальном инновационном индексе – 2016. URL : <https://www.hse.ru/news/187991598.html> (дата обращения: 05.09.2017).

дущих европейских стран, так и среди 50 государств с высоким уровнем дохода.

Таблица 1

Динамика позиций России в рейтинге Global Innovation Index в 2014–2016 гг.

Год	Глобальный инвестиционный индекс	Ресурсы инноваций	Результаты инноваций	Эффективность инноваций
2016	43	44	47	69
2015	48	52	49	60
2014	49	56	45	49

Примечание. Составлено по: Россия заняла 43-е место в Глобальном инновационном индексе – 2016. URL: <https://www.hse.ru/news/187991598.html>.

Кроме того, как видно из представленной таблицы, наша страна постепенно улучшает позиции по показателю «ресурсы инноваций», вместе с тем по эффективности инновационной деятельности позиции России значительно слабеют.

Помимо показателей, включенных в рейтинг, в докладе Global Innovation Index – 2016 представлен анализ достоинств и недостатков российской инновационной системы (табл. 2).

Таблица 2

Конкурентные преимущества и недостатки российской инновационной системы

Конкурентные преимущества российской инновационной системы		Недостатки российской инновационной системы	
Описание преимущества	Место в рейтинге	Описание недостатка	Место в рейтинге
Занятость женщин с высшим образованием	2	ВВП на единицу использования энергии	114
Размер внутреннего рынка	6	Инновационные связи	112
Число патентных заявок на полезные модели	7	Инвестиции	107
Выпускники вузов по научным и инженерным специальностям	11	Верховенство закона	104
Экспорт культурных и творческих услуг	11	Политическая стабильность и отсутствие терроризма	103
Работники, занятые в сфере наукоемких услуг	14	Уровень развития кластеров	101
Платежи за пользование объектов интеллектуальной собственности	14	Качество регулирования	97
Соотношение ученики/преподаватель в среднем образовании	16	Валовое накопление капитала	95

Окончание табл. 2

Конкурентные преимущества русской инновационной системы		Недостатки русской инновационной системы	
Описание преимущества	Место в рейтинге	Описание недостатка	Место в рейтинге
Валовый коэффициент охвата высшим образованием	18	Исследования и разработки, финансируемые из зарубежных источников	76
Число патентных заявок на изобретения, поданных национальными заявителями в патентные ведомства страны	18	Валовый кредитный портфель микрофинансовых организаций	72
		Сделки с использованием венчурного капитала	67

Примечание. Составлено по: *Россия* заняла 43-е место в Глобальном инновационном индексе – 2016. URL: <https://www.hse.ru/news/187991598.html>.

Следует констатировать, что не смотря на наличие конкурентных преимуществ по ряду показателей, сравнение со странами-лидерами демонстрирует масштабное отставание России по многим измерениям рейтинга.

Остановимся более подробно на некоторых показателях рейтинга, представленных в табл. 2, из которой следует, что одним из недостатков отечественной инновационной системы является низкий уровень инвестиций во всех отраслях экономики. Вместе с тем, исследователи Высшей школы экономики Л. Гохберг и В. Рудь, так же принимавшие участие в составлении Global Innovation Index – 2016, оценивают ситуацию в инновационной сфере России в 2016 г. как «довольно благоприятную», обосновывая свою позицию увеличением вдвое инвестиций в НИОКР в период с 2000 по 2014 г., а также тем обстоятельством, что начиная с 2010 г. российские власти приняли более пятидесяти программных документов в области инноваций и научно-технической политики¹. Сфокусируем внимание на этих аргументах и рассмотрим:

а) ситуацию с финансированием НИОКР в контексте затрат, направляемых на исследования и разработки государством и частными компаниями;

б) качество законодательного регулирования инновационной деятельности.

Действительно, в России в период с 2000 по 2014 г. имело место существенное увеличение объема финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. По совокупным затратам на НИОКР государственный бюджет РФ сравним с бюджетами стран –

¹ *Россия* заняла 43-е место в Глобальном инновационном индексе – 2016. URL: <https://www.hse.ru/news/187991598.html>.

лидеров в инновационной сфере, вместе с тем, частные расходы на научно-технические разработки и изыскания в России – минимальны и находятся на уровне беднейших стран¹. В десятку лидеров по величине инвестиций частных компаний в НИОКР входят Южная Корея (4,3 % ВВП), Япония (3,2 % ВВП), Финляндия (3,2 % ВВП), Швеция (2,8 % ВВП), Германия (2,8 % ВВП), Дания (2,7 % ВВП), США (2,6 % ВВП), Швейцария (2,6 % ВВП), Словения (2,4 % ВВП) и Израиль (2,1 % ВВП). Большинство из указанных стран (Финляндия, Швеция, Швейцария, Германия, Дания, США) традиционно являются «самыми инновационными», по данным того же Global Innovation Index. Это обстоятельство дает нам основание предположить, что не в последнюю очередь величина затрат частных компаний на НИОКР влияет на результативность инновационной деятельности в той или иной стране. В России, на протяжении ряда последних лет, рост инвестиций в НИОКР происходит в основном за счет средств государства, однако, это обстоятельство, по мнению авторов, очень слабо сказывается на качестве инновационной деятельности. Из года в год лидерами в области инноваций являются практически одни и те же страны, лишь меняясь местами в рейтинге Global Innovation Index.

Еще один вопрос, на котором хотелось бы остановиться, касается качества законодательного регулирования в области инноваций и научно-технической политики. Соглашаясь с исследователями Высшей школы экономики Л. Гохбергом и В. Рудем, отметим, что в последние годы в России действительно приняты различного рода программные и иные нормативные правовые документы, которые, по мнению законодателя должны определять цели и основные задачи научно-технологического развития Российской Федерации, устанавливать приоритеты, основные направления и меры по реализации государственной политики в этой области, а также описывать ожидаемые результаты, обеспечивающие устойчивое, динамичное и сбалансированное развитие Российской Федерации на долгосрочный период². Вместе с тем, анализ содержательной части основных программных материалов в области социально-экономического и научно-технологического развития РФ (Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г., Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, План мероприятий по реализа-

¹ Кудрин А. Л. Мы подошли к краю. URL : https://piratenproxy.nl/tvrain.ru/lite/teleshow/lectures_on_the_rain/ne_kolichestvo_raket-445684 (дата обращения: 06.09.2017).

² Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642.

ции стратегии научно-технического развития РФ на 2017–2019 гг. и др.) свидетельствует о том, что в указанных документах не сформулирована с достаточной степенью очевидности стратегия модернизации и инновационного развития отечественной экономики, а заданные этапы развития описаны абстрактно и общими фразами.

В заключение стоит отметить, что создание условий для генерации и успешного внедрения инноваций, как основы четвертой индустриальной революции, является важнейшей задачей на современном этапе социально-экономического развития России.

А. А. Мальцев, С. В. Зимин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Совершенствование таможенного регулирования в условиях ускорения промышленного роста в Евразийском экономическом союзе

Аннотация. Анализируется рост промышленного производства в странах Евразийского экономического союза, рассматривается таможенное регулирование как дополнительный фактор роста взаимной торговли промышленной продукцией, дан анализ новому Таможенному кодексу Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: промышленное производство; ЕАЭС; Таможенный кодекс; таможенное регулирование; электронное декларирование.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) начал функционировать 1 января 2015 г. с участием России, Казахстана и Белоруссии¹. 2 января 2015 г. к договору присоединились Армения и 12 августа 2015 г. – Киргизия. До этого, в 2007 г. Беларусь, Казахстан и Россия подписали Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза². 18 ноября 2011 г. президенты Беларуси, Казахстана и России подписали Декларацию о евразийской экономической интеграции и определили 1 января 2012 г. датой начала функционирования Единого экономического пространства.

В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкуренто-

¹ *Договор* о Евразийском экономическом союзе // Евразийский экономический союз: правовой портал. URL : <https://docs.eaunion.org>.

² *Договор* о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 12. Ст. 1552.

способности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов. Безусловно, создание такой мощной интеграции стимулировало рост промышленного производства (табл. 1).

В создании совокупного ВВП ЕАЭС основную роль играет Россия, на которую приходится 86,5 %. Доля Казахстана стабильно растет и в 2016 г. достигла 9 %. Совокупная доля Армении и Киргизии с 2015 г. превышает 1 %. В тоже время объем промышленного производства в странах членах ЕАЭС в 2016 г. сократился по сравнению с 2015 г. и 2014 г., но все еще занимает большую долю в структуре ВВП. Доля России в совокупном объеме производства промышленной продукции ЕАЭС составляет 88 %, что опять же говорит о ведущей роли России в объединении. Тем не менее, показатели взаимной торговли говорят о последствиях влияния кризиса на взаимную торговлю, в том числе изделиями машино-технического назначения. Проанализируем ее динамику, отдельно выделив товарную группу «машины, оборудование и транспортные средства» (табл. 2).

Взаимный оборот торговли товарами между странами ЕАЭС в 2016 г. составил 43,0 млрд дол., что на 5,8 % меньше, чем в 2015 г. (45,6 млрд дол.) и почти на 30 % меньше, чем в 2014 г. (61,2 млрд дол.). Оборот внешней торговли стран-членов ЕАЭС с третьими странами в 2016 г. снизился до 509,4 млрд дол., что на 12,1 % ниже уровня 2015 г. (579,3 млрд дол.) и почти на 42 % – к показателю 2014 г. (873,1 млрд дол.). Таким образом, объем взаимной торговли между государствами ЕАЭС в 2015–2016 гг. сократился не столь значительно, как общий внешнеторговый оборот Союза. При этом объем взаимной торговли промышленной продукцией и вовсе вырос. Все это стало возможно именно благодаря интеграционным возможностям стран в рамках членства в ЕАЭС. Безусловно, существует множество факторов, влияющих на объем торговли промышленной продукцией, но одним из них, бесспорно, является механизм регулирования взаимных внешнеторговых потоков.

В этом плане особого внимания заслуживает практика совершенствования таможенного законодательства ЕАЭС. С этой точки зрения отметим, прежде всего, намеченное на 1 января 2018 г. вступление в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС), что одновременно существенно изменит систему таможенного регулирования в Российской Федерации. В связи с этим можно ожидать нововведений не только в наднациональном, но и в национальном таможенном законодательстве.

Таблица 1

Объем ВВП и промышленного производства стран-членов ЕАЭС, 2005–2016 гг., млрд дол.

Страна	2005		2008		2010		2012		2014		2015		2016	
	ВВП	Промышленное производство	ВВП	Промышленное производство	ВВП	Промышленное производство	ВВП	Промышленное производство	ВВП	Промышленное производство	ВВП	Промышленное производство	ВВП	Промышленное производство
Россия	764,1	480,9	1 664,0	995,6	1526	925,6	2 007,0	1 194,1	2 052,8	1 160,5	1 332,1	809,3	1 286,2	759,0
Казахстан	57,1	39,6	133,4	84,6	148,0	82,1	201,7	111,3	221,4	103,4	184,3	67,3	135	54,2
Беларусь	30,2	29,0	60,4	61,9	54,9	55,8	63,0	74,3	78,5	65,7	55,3	45,4	47,1	39,7
Армения	439	1,4	11,7	2,1	9,3	2,2	9,9	2,8	11,6	3,1	10,7	2,8	10,5	3,0
Киргизия	2,5	1,2	4,7	1,6	4,8	2,7	6,6	2,9	7,5	3,2	6,6	2,8	6,6	2,9
<i>Итого</i>	<i>1 292,9</i>	<i>552,1</i>	<i>1 874,2</i>	<i>1 145,8</i>	<i>1 743</i>	<i>1 068,4</i>	<i>2 288,2</i>	<i>1 385,4</i>	<i>2 371,8</i>	<i>1 335,9</i>	<i>1 589</i>	<i>927,6</i>	<i>1 485,4</i>	<i>858,8</i>

Примечание. Составлено по: *Евразийская экономическая комиссия.* URL : <http://www.eurasiancommission.org>.

Таблица 2

Взаимная торговля стран-членов ЕАЭС, млн дол.

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Взаимная торговля между членами ЕАЭС (ТС)	63 100,9	67 856,4	64 520,0	58 510,9	45 605,3	42 958,7
в том числе машины, оборудование и транспортные средства	6 199,2	14 281,2	13 226,5	12 791,0	7 577,1	7 690,1

Примечание. Составлено по: *Евразийская экономическая комиссия.* URL : <http://www.eurasiancommission.org>.

Так, ожидается вступление в силу более 30 решений Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и нового Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации».

До 1 января 2018 г. все участники внешнеэкономической деятельности (ВЭД), работающие на территории ЕАЭС, а также таможенные органы и другие субъекты осуществляют свою деятельность в рамках Таможенного кодекса Таможенного союза (ТК ТС)¹.

Безусловно, с 2010 г. деятельность таможенных и других контролирующих органов вышла на новый, более инновационный уровень развития. Так, с 2014 г. осуществлен официальный переход на электронное таможенное декларирование. С этого момента таможенное декларирование в России осуществляется только в электронной форме на основе информационных технологий взаимодействия участников ВЭД и таможенных органов с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет», за исключением случаев, установленных Правительством Российской Федерации. Постоянно сокращаются сроки таможенного оформления и количество документов, предоставляемых вместе с декларацией на товары. Разработан, но пока не введен на 100 % механизм единого окна², который позволяет взаимодействовать государственным органам, регулирующим внешнеэкономическую деятельность, и участникам ВЭД в части однократного представления документов в стандартизированном виде через единый канал для последующего использования государственными органами и другими организациями в соответствии с их компетенцией при контроле внешнеэкономической деятельности.

Эти и многие другие факторы стали предпосылками для обновления правовой базы в области таможенного регулирования. Разберем основные новации ТК ЕАЭС и проведем сравнительный анализ ТК ТС и ТК ЕАЭС, а также рассмотрим влияние нового Таможенного кодекса на осуществление деятельности по таможенному оформлению в РФ.

Прежде всего, выделим отличия в структуре ТК ТС и ТК ЕАЭС. Если предыдущий кодекс был разделен на 2 части и содержал 8 разделов, 50 глав и 372 статьи, то в Таможенном кодексе ЕАЭС деления нет, общее количество разделов увеличено до 9, и содержат они 61 гла-

¹ *Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 г. № 17) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 50. Ст. 6615.*

² *Отчет коллегии ФТС «Об итогах работы таможенных органов Российской Федерации в 2016 году и задачах на 2017 г.» // Федеральная таможенная служба. URL : http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=24877:2017-03-03-10-12-03&catid=40:2011-01-24-15-02-45.*

ву и 465 статей, а также 2 приложения. Это говорит о расширении нормативно-правовой базы, в частности, в отдельный раздел выделена деятельность в сфере таможенного дела и институт уполномоченного экономического оператора.

В новом ТК ЕАЭС отдан полный приоритет электронному таможенному декларированию. Если раньше допускалось использование письменной таможенной декларации в отдельных случаях, то с 2018 г. планируется, что таможенное декларирование в письменной форме будет возможно только при помещении товаров под таможенную процедуру таможенного транзита; в отношении транспортных средств международной перевозки; в отношении товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях; при использовании в качестве таможенной декларации транспортных (перевозочных), коммерческих и (или) иных документов. Пункт 5 ст. 104 ТК ЕАЭС также гласит, что «таможенное декларирование может быть произведено в письменной форме, если у таможенного органа отсутствует возможность обеспечить реализацию декларантом таможенного декларирования в электронной форме в связи с неисправностью информационных систем, используемых таможенными органами, вызванной техническими сбоями, нарушениями работы средств связи (телекоммуникационных сетей и сети Интернет), отключением электроэнергии». Данный пункт достаточно актуален, ведь только за январь–сентябрь 2017 г. зафиксировано 45 технических проблем на уровне различных таможен, некоторые из которых длились более 1 суток, что для ряда грузов является критичным сроком при таможенном оформлении (скоропортящиеся грузы, живые животные и т. д.)¹. Статистическую информацию по общему количеству оформленных в РФ таможенных деклараций (ДТ) и электронному декларированию можно увидеть в табл. 3. Данные показывают, что электронное декларирование используется практически в максимальном объеме, что, конечно, требует законодательного оформления данной практики.

В новом Таможенном кодексе прописана возможность подачи декларации на товары, транзитной декларации или декларации на транспортное средство без представления таможенному органу документов, на основании которых они заполнены. Пункт 1 ст. 183 ТК ТС гласил: «Подача таможенной декларации должна сопровождаться представлением таможенному органу документов, на основании которых

¹ *Отчет* коллегии ФТС «Об итогах работы таможенных органов Российской Федерации в 2016 г. и задачах на 2017 г.» // Федеральная таможенная служба. URL : http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=24877:2017-03-03-10-12-03&catid=40:2011-01-24-15-02-45.

заполнена таможенная декларация, если иное не установлено настоящим Кодексом». На протяжении последних лет список документов ежегодно сокращался. Однако на 2016 г. пакет документов, необходимых участнику ВЭД для таможенного оформления, насчитывал при импорте – 6 единиц, при экспорте – 4 позиции (при условии безрисковой поставки). Новый ТК ЕАЭС предполагает, что декларация на товары не будет сопровождаться представлением таможенному органу документов, подтверждающих сведения, заполненные в декларации на товары.

Таблица 3

**Сравнительный анализ количества оформленных
в Российской Федерации таможенных деклараций (ГТД),
зарегистрированных в 2014–2017 гг.**

Показатель	2014	2015	2016	2017
Всего таможенных деклараций, тыс. шт.	2 899,6	2 450,6	2 575,6	2 850,2
таможенных деклараций в формате электронного декларирования тыс. шт.	2 896,3	2 450,6	2 574,5	2 849,8
%	99,98	99,99	99,96	99,98

Примечание. Составлено по: Федеральная таможенная служба. URL : <http://www.customs.ru>.

С 2018 г. впервые в Таможенном кодексе вводятся понятия «автоматическая регистрация декларации» и «автоматический выпуск товаров». Эксперимент по применению данной технологии длился на протяжении последних лет, однако законодательно он никак не регулировался. Дело в том, что ТК ТС предполагал, что все таможенные операции, связанные с помещением товаров под таможенную процедуру, совершаются должностными лицами таможенных органов, как и отказ в регистрации декларации.

Первая электронная декларация зарегистрирована в РФ в 2002 г., первая автоматически зарегистрированная ЭД – 8 мая 2014 г. на Каширском таможенном посту Московской областной таможни, первый автовыпуск осуществлен в 2015 г.¹ Однако на 1 сентября 2017 г. технология авторегистрации и автовыпуска оставалась экспериментом. В 2016 г. автоматически зарегистрировано около 520 тыс. деклараций, что составило 13,3 % от всего числа поступивших деклараций в ЦБД ЕАИС. Выпущено в автоматическом режиме и того меньше – 110 тыс. деклараций, т. е. 2,8 %. Это связано с тем, что под автовыпуск попада-

¹ С 1 января 2014 г. Россия окончательно переходит на таможенное декларирование в электронной форме // Федеральная таможенная служба. URL : http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=18560.

ли товары, которые шли на экспорт, а также лишь те импортные товары, на которые не распространялось действие системы управления рисками. Новый ТК ЕАЭС позволит отдельные таможенные операции совершать таможенным органам посредством информационной системы таможенных органов без участия должностных лиц таможенных органов. Речь идет о таких операциях, как выпуск товара, аннулирование выпуска, отказ в выпуске, а также некоторые формы таможенного контроля.

Как уже отмечалось выше, на законодательном уровне будет прописано использование механизма «единого окна» при совершении таможенных операций, в том числе связанных с прибытием, убытием и таможенным декларированием. Пункт 2 ст. 80 ТК ЕАЭС гласит: «Документы и (или) сведения, необходимые для совершения таможенных операций, могут не представляться таможенному органу при их совершении, если сведения о таких документах, и (или) сведения из них, и (или) иные сведения, необходимые таможенным органам для совершения таможенных операций, могут быть получены таможенными органами из информационных систем таможенных органов, а также из информационных систем государственных органов (организаций) государств-членов...».

Одно из самых главных нововведений – это сокращение срока выпуска товаров. Когда выпуск будет автоматическим, это будет занимать какие-то минуты, но должны быть определенные ограничительные сроки. Согласно ТК ТС (ст. 196, п. 1), срок выпуска составляет один рабочий день, следующий за днем регистрации таможенной декларации. В новом Кодексе подход перестроили. Выпуск должен быть завершен в течение четырех часов с момента регистрации таможенной декларации, если не были запрошены документы в рамках контроля. Если какие-либо документы были запрошены в рамках контроля, но не предоставлены, то срок выпуска вновь составит «не позднее одного рабочего дня». В действующем Кодексе есть норма, позволяющая продлить срок выпуска до десяти рабочих дней (ст. 196, п. 4). Это норма работает уже 7 лет и остается в силе.

Нельзя обойти вниманием регулирование таможенных процедур. Из списка таможенных процедур на данный момент две – свободная таможенная зона и свободный склад – регулируются отдельными международными соглашениями. Все они перенесены в новый ТК ЕАЭС, а специальная таможенная процедура, которая регулируется национальным законодательством, перенесена в кодекс с определенными полномочиями Евразийской экономической комиссии. Данное изменение напрямую касается промышленного роста страны, так как в эпоху глобализации и плотного взаимодействия представителей разных го-

сударств в сфере бизнеса огромную роль в выборе территории для его размещения играют действующие условия налогообложения, таможенно-тарифного, административного регулирования. Как известно, в последние 10 лет в России активно развивалась организация особых экономических зон, в хозяйственной структуре которых промышленности отводится основополагающая роль. Однако за 2006–2015 гг. государство инвестировало в ОЭЗ 185,8 млрд р., тогда как объем вложений резидентов ОЭЗ составил всего 217,7 млрд р. (35 % от заявлявшегося), 77,4 % из которого, кстати, пришлось всего на три ОЭЗ («Алабуга», в Липецкой области и Санкт-Петербурге)¹. Возможно, корректировка таможенного законодательства в определенной степени сможет поспособствовать «перезапуску» института ОЭЗ в отечественной практике.

Что касается таможенной процедуры «свободный склад», то она уже получила известное распространение. Такие склады, как ЗАО «Форд Мотор Компани» и китайский таможенный терминал «Дружба», успешно функционируют уже более 10 лет. Однако им нередко приходится сталкиваться с проблемой возврата косвенных налогов, возникающей, подчас, из-за несоответствия национального и наднационального законодательства.

В целом вступление в силу нового ТК ЕАЭС позволит снять целый ряд назревших проблем внешнеторгового сотрудничества государств-членов, что позитивно скажется на общем росте экономики стран-участниц, включая ее промышленный базис.

¹ Крючкова Е. ОЭЗ поручатся за свою доходность // Коммерсантъ. 2017. 16 мая.

А. Э. Мордвинова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Модификация моделей размещения производительных сил региона в условиях глобализации¹

Аннотация. Рассматриваются обусловленные глобализацией изменения в классических схемах пространственного размещения производительных сил. В исследовании ставится задача изучения влияния глобализации на формирование и смещение центров хозяйственной активности как предпосылки для появления старопромышленных регионов. На основе подходов отечественных и зарубежных авторов систематизированы ключевые общие факторы размещения производительных сил с указанием их структурного наполнения. С учетом трех этапов развития теорий пространственного размещения производительных сил от традиционных моделей к подходам новой экономической географии выявлены главные тенденции их трансформации, заключающиеся в расширении масштабов территории, увеличении числа экономических субъектов и изменении цели поиска оптимальной точки размещения. Выявлены направления и характер влияния глобализации на размещение хозяйственных центров.

Ключевые слова: глобализация; пространственное размещение производительных сил; факторы размещения.

Кризисные явления, привлекшие внимание к проблемам традиционных индустриальных центров Европы и США в конце XX века, теперь проявляются в промышленных районах азиатских государств, что возвращает исследователей к изучению вопроса возникновения и размещения производственных мощностей в пространстве в условиях глобального мира.

Понятие «пространственного размещения производительных сил» используется для обозначения процесса распределения определенным образом организованных производительных сил по территории с учетом ее природно-географических, экономических, этнографических, геополитических и иных условий [1].

Распределение производительных сил на территории обусловлено влиянием широкого спектра факторов размещения. Данный термин применяется при определении совокупности пространственно неравнозначных условий и ресурсов, их свойств, правильное использование которых обеспечивает наилучшие результаты при размещении производственных объектов [6].

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 17-37-01004.

Несмотря на некоторые попытки систематизации факторов размещения, единый перечень выработан не был. Решению задачи препятствует наличие как общих факторов размещения, существующих для производственных мощностей, независимо от их специализации, уровня развития и иных особенностей, так и специфических факторов, оказывающих воздействие на узкий перечень отраслей или предприятий. В табл. 1 сведены ключевые группы общих факторов размещения, при этом факторы № 11–18 в большей степени актуальны для производств в международных масштабах и имеют меньшее значение в рамках национальных границ.

Таблица 1

Факторы размещения производительных сил в пространстве

Фактор размещения	Структура
Транспорт	Состояние транспортной и складской инфраструктуры. Стоимость транспортировки сырья и готовой продукции. Доступ к внутренним и международным транспортным маршрутам
Труд	Численность трудоспособного населения. Уровень образования и заработной платы. Наличие специалистов с требуемой квалификацией и центров подготовки. Активность профсоюзных организаций. Отношения потенциальных работников к труду
Сырье	Количество поставщиков. Наличие ресурсов. Возможности для хранения. Расположение поставщиков
Рынки	Численность населения. Емкость рынка. Уровень цен и дохода. Перспективы рынка. Наличие конкурентов. Расположение рынков сбыта. Наличие товаров-заменителей. Расположение конкурентов. Характеристика потребителей
Коммунальные службы	Доступность воды. Уровень цен на коммунальные услуги. Возможности по утилизации отходов. Доступ к топливу. Доступность электроэнергии. Стоимость электроэнергии
Государственное регулирование	Особенности законодательной системы. Отношение органов государственной власти к бизнесу. Нормативные ограничения. Стимулирование развития отдельных зон и территории. Стратегические программы развития
Особенности налогообложения	Уровень налогообложения. Количество налогов. Возможности получения налоговых льгот. Операции, не облагаемые налогом
Географические и климатические условия	Особенности ландшафта. Наличие месторождений. Частота и виды осадков. Относительная влажность. Средняя температура. Наличие угроз стихийных бедствий
Общество	Высшие учебные заведения и общественные институты. Качество школьного образования. Религиозная обстановка. Медицинское обслуживание. Наличие и расположение отелей, торговых центров и финансовых институтов
Политическая ситуация	История страны. Стабильность политического режима. Участие страны в альянсах. Отношение к иностранному капиталу

Фактор размещения	Структура
Производственные площадки	Доступность и стоимость земельных участков. Возможности для расширения. Уровень развития страховых услуг. Возможности для аренды. Близость других производственных мощностей
Глобальная конкуренция	Рыночная конъюнктура. Количество конкурентов в отрасли, в регионе. Доля рынка. Перспективы расширения мирового рынка
Экономические условия	Уровень и стабильность макроэкономических показателей. Темпы роста экономики. Уровень реальных доходов населения. Перспективы экономического роста
Фактор интеграции	Участие в интеграционных объединениях. Фактический размер рынка с учетом интеграционного фактора. Соглашения о зоне свободной торговли. Существующие таможенные изъятия
Надгосударственное регулирование	Активность международных экономических интеграций. Участие страны-назначения в деятельности международных экономических организаций и выполнение международных договоренностей
Влияние НТР	Уровень развития науки и техники. Инвестиции в НИОКР. Научно-исследовательские центры и институты. Доступ к новейшим достижениям. Стоимость технологий
Информационные ресурсы	Доступ к информации. Источники информации. Уровень развития СМИ. Доступ общества к информации. Рынок рекламных услуг. Обмен информацией. Уровень защиты информации
Экологическая обстановка	Степень загрязнения воды, воздуха почв. Экологическая обстановка. Возможность переработки отходов. Экологическая позиция населения

Примечание. Составлено по: [6; 7; 8].

Структура и характер влияния факторов претерпевали существенные изменения по мере развития теорий пространственного размещения производительных сил. В целом, в научной среде выделяется три этапа развития теоретических подходов к определению оптимального расположения производственных мощностей [1]. К традиционному этапу относятся, в частности, теория изолированного государства (И. Тюнен, 1826 г.), метод весового локационного треугольника (В. Лаунхардт, 1882 г.) и теория «штандорта» (А. Вебера, 1909 г.). Яркими представителями второго неоклассического этапа являются работы В. Кристаллера (1933 г.), А. Леша (1940 г.) и У. Изарда (1956 г.). На третьем этапе теории пространственного размещения развиваются в рамках новой экономической географии [2; 5] и включают среди прочего научные исследования Т. Хагерстрандта (1953 г.), Ф. Перру (1961 г.) и Д. Фридмана (1966 г.).

Анализируя эволюцию подходов, можно сделать следующие выводы. Во-первых, происходит расширение масштабов анализируемой

территории. От микроэкономической модели первого этапа исследователи перешли к анализу глобальных систем. Во-вторых, увеличивается количество рассматриваемых в моделях экономических участников. Акцент смещается с конкретного предприятия на группу производств, конкурирующих между собой, а затем на регионы. В-третьих, изменяется цель поиска оптимального размещения. Если на первом этапе приоритетное значение представляла задача минимизации издержек, то на втором, после появления конкурентов, решающую роль играет рынок сбыта. На третьем этапе на первый план выходит доступ к инновациям, который определяет развитие объектов промышленности, обуславливая и их пространственное размещение.

Со второй половины XX века традиционные модели модифицируются под влиянием глобализации. «Стирание» национальных границ, повышение мобильности факторов производства, рост транснационального капитала предопределили изменения и в размещении промышленности, оказывая воздействие на формирование центров хозяйственной активности. В табл. 2 систематизировано влияние глобализации на размещение производств.

Т а б л и ц а 2

**Влияние различных аспектов глобализации
на размещение производительных сил**

Аспект глобализации	Характер влияния на размещение производительных сил
Либерализация торговли	Усиление специализации производств
Рост притока ПИИ	Усиление концентрации промышленных производств
Расширение рынков сбыта	Перемещение производственных мощностей к основным рынкам сбыта
Рост мобильности факторов производства	Снижение зависимости от традиционных факторов размещения
Увеличение темпов научно-технического прогресса	Рост значимости информации как фактора размещения промышленных объектов
Расширение участия развивающихся стран в системе мирохозяйственных связей	Перенос промышленных производств в развивающиеся страны Возвращение производств в развитые страны по мере увеличения уровня заработной платы в развивающихся государствах
Обострение глобальных экономических проблем	Рост значимости экологического императива как фактора размещения

Примечание. Составлено по: [4; 7; 8].

В результате развития торговли предприятия столкнулись с необходимостью поиска новых конкурентных преимуществ. Это способствовало перемещению мощностей к рынкам сбыта продукции для минимизации расходов на доставку, обхода таможенных ограничений

и учета потребностей конкретных рынков. В частности, к середине XX века Ford приступил к созданию за пределами Северной Америки интегрированных производств, ориентированных на европейский рынок, открыв мощности в Дагенхэме и Кельне [4].

Одним из путей решения проблемы явилась также «нишеизация» производств, приводящая к углублению специализации. Например, созданная еще в 1851 г. американская компания Corning зарекомендовала себя как производитель стекла для окон, позже компании удалось прочно закрепиться на рынке жидко-кристаллического стекла. На Corning приходится 60–65 % мирового рынка [4].

Другим способом достижения цели стало снижение издержек, возможное в результате вовлечения стран разного уровня в систему международных экономических отношений. «Открытие» развивающихся стран расширили возможности бизнеса по переносу мощностей на территории с низкими трудовыми и энергетическими издержками, спровоцировав деиндустриализацию развитых государств. Например, доля промышленности в ВВП ЕС снизилась с 27 % в 1970 г. до 15,8 % в 2013 г. [3], а доля населения, занятого в промышленности, в 2000–2012 гг. сократилась на 17,6 % [9].

Тем не менее, обозначившаяся тенденция к росту уровня заработной платы в развивающихся странах замедлила процесс и обусловила возвращение «на родину» ряда производств. Одним из примеров выступает американская компания NCR, перенесшая в 2011 г. производство кассовых аппаратов из Китая в штат Джорджия, США¹. Подобную стратегию избрали американский производитель мебели Sauder и Adidas, в 2016 г. заявивший о намерении вновь начать производство обуви в Германии².

На пространственное размещение влияние оказал и рост прямых иностранных инвестиций. В 1990–2016 гг. объемы ПИИ в мире ежегодно увеличивались на 11 %, а их приток в развивающиеся страны рос в среднем на 13 %. Тем не менее, по территории получателя ПИИ распределяются неравномерно, слабо поступая в периферийные зоны. Это способствует усилению концентрации производств в определенных региональных или национальных центрах.

Кроме того, растущая мобильность привела к снижению зависимости предприятий от соответствующих факторов размещения ввиду возможности получения недостающих элементов из-за рубежа. Одним из проявлений выступает рост международной трудовой миграции. По

¹ *Moving back to America* // The Economist. 12 мая 2011 г. URL : <http://www.economist.com/node/18682182>.

² *Adidas* возвращает часть производства из Азии в Германию // Expert-online. URL : <http://expert.ru/2016/05/26/adidas>.

данным ООН, в 2015 г. число международных мигрантов оценивалось в 244 млн чел.¹, тогда как в 1990 г. их насчитывалось 154 млн².

Со снижением значимости классических факторов, все большую роль играют информация и технологии, а также состояние окружающей среды. Экологический императив, хотя и является следствием обострения глобальных проблем, стал неотъемлемой частью развития многих промышленных корпораций. В этом отношении интересен пример британской компании RockTrop, которая изобрела метод превращения летучей золы в материал для наполнения конструкционных элементов [4].

Таким образом, процессы глобализации внесли коррективы в классические схемы размещения производств, расширив границы и возможности промышленных предприятий и вынеся вопрос размещения за пределы национальных масштабов. В результате сложившиеся индустриальные центры при изменении факторов размещения теряют позиции и уступают новым промышленным территориям, располагающих более широким спектром конкурентных преимуществ, что среди прочего выступает предпосылкой возникновения СПР.

Библиографический список

1. *Анимица Е. Г., Анимица П. Е., Денисова О. Ю.* Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика региона. 2014. № 2.
2. *Казачов А. А.* Результаты теоретических и эмпирических исследований в области экономической географии и региональной экономики // Вестник НГУ. Сер.: Социально-экономические науки. 2010. № 2.
3. *Зарицкий Б. Е.* Европа: реиндустриализация vs. деиндустриализация // Мировая экономика и международные экономические отношения. 2014. № 8(117).
4. *Марш П.* Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства / пер. с англ. А. Шоломицкой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
5. *Носонов А. М.* Теории пространственного развития в социально-экономической географии // Псковский регионологический журнал. 2011. № 11.
6. *Родионова И. А.* Мировая экономика : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2005.
7. *Badri M. A.* Dimensions of Industrial Location Factors: Review and Exploration // Journal of business and public affairs. 2007. Vol. 2, no. 1.

¹ 244 million international migrants living abroad worldwide, new UN statistics reveal // United Nations. 12 января 2016 г. URL : <http://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2016/01/244-million-international-migrants-living-abroad-worldwide-new-un-statistics-reveal>.

² Пресс-релиз ООН. Нью-Йорк. 11 сентября 2014 г. URL : http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf.

8. Blair J., Premus R. Major factors in industrial location: A Review // Economic development quarterly. 1987. Vol. 1, no. 1.

9. Heymann E., Vetter S. Europe's Re-industrialisation: The Gulf Between Aspiration and Reality. Deutsche Bank AG DB Research: EU Monitor, 2013.

А. Г. Оболенская, В. А. Гребё

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург

Управление инфляционными процессами в системе денежно-кредитного регулирования экономики региона

Аннотация. Изложены современные аспекты инфляции и причины ее возникновения, рассмотрены разновидности денежно-кредитной политики как государственные механизмы регулирования экономики. Несмотря на то, что инфляция является общеизвестным феноменом, она относится к тем элементам производственных отношений, которые до сих пор не имеют достаточного объяснения, поскольку размывание института собственности, изменение типов ценообразования, денежных систем меняют причины, следствия и формы инфляционных процессов. Недостаточное внимание исследованию проблем управления инфляционными процессами, отсутствие единого подхода к пониманию основ инфляционных процессов в современной России вызывает необходимость всестороннего изучения феномена инфляции в современных экономических, технологических и геополитических условиях. В статье исследуется антиинфляционная политика Центрального банка России на предмет эффективности ее проведения в современных условиях посредством корреляционного анализа, предложены варианты совершенствования государственного регулирования инфляции в РФ.

Несмотря на многолетнюю практику изучения проблем, факторов, сущности и причин инфляции, исследование денежно-кредитной политики государства, далеко не все возможности регулирования и снижения инфляции являются достаточно изученными.

Ключевые слова: инфляция; государственное регулирование; Центральный банк; причины инфляции; денежно-кредитная политика.

В настоящее время имеется большое количество исследований по проблемам, касающихся государственного управления и регулирования социально-экономических процессов в современном мире, и одно из ведущих мест в научных работах отводится проблеме государственного регулирования инфляционных процессов и как следствие, недостаточной эффективности антиинфляционной политики в системе денежно-кредитного регулирования экономики.

Характеризуясь сложной, многофакторной структурой, инфляция носит неизбежный и повсеместный характер, причем степень ее слож-

ности и управляемости зависит от уровня развития товарно-денежных отношений в обществе, социально-политической стабильности, а также степени открытости экономики [1].

Под термином «инфляция» обычно понимают процесс обесценения денег, проявляющийся, как правило, в продолжительном устойчивом росте общего уровня цен и связанный с появлением в обращении избыточной денежной массы [2]. Существующие подходы к определению причин возникновения и изучения особенностей развития инфляционных процессов можно разделить на два основных направления: монетаризм и кейнсианство. Согласно первому инфляция имеет монетарную (денежную) природу; другая точка зрения состоит в том, что она имеет немонетарные или не только монетарные источники» [5, с. 143].

Дж. Кейнс в работе «Общая теория занятости, процента и денег», рассмотрел инфляцию через взаимодействие спроса и предложения, что позволило выделить умеренную и истинную инфляцию [4].

Умеренная инфляция заключается в росте денежной массы в условиях безработицы, которая не представляет опасности, так как она не столько приводит к росту цен, сколько способствует втягиванию безработных в процесс производства. Подлинная инфляция возникает при достижении полной занятости, в условиях, когда рост денежной массы проявляется в росте цен на товары и услуги [6].

Стоит отметить, что истинная инфляция развивается согласно принципу инфляционной спирали: инфляция, вызванная спросом, трансформируется в инфляцию издержек, так как чрезмерная занятость вызывает давление на величину денежной заработной платы [3].

Среди причин существования инфляции выделяют¹:

- 1) несбалансированность государственных доходов и расходов;
- 2) финансирование производственных инвестиций за счет эмиссии;
- 3) изменение структуры рынка в условиях несовершенной конкуренции;
- 4) влияние внешнего повышения цен на импортируемые товары;
- 5) наличие инфляционных ожиданий, благодаря чему возникает самоподдерживающийся характер инфляции.

Денежно-кредитная политика сегодня является одной из основных и наиболее важных форм государственного регулирования, так как для эффективного функционирования всей экономической системы необходимо формирование четкой, структурированной системы, которая позволит воздействовать на показатели совокупного спроса, дело-

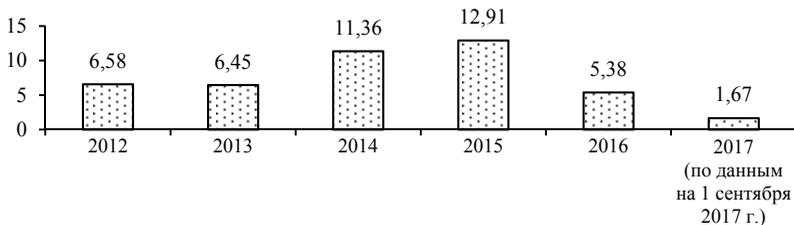
¹ Причины инфляции. URL : <http://finlit.online>.

вой активности, а также позволит контролировать деятельность коммерческих банков и достигать стабильности денежного обращения [2].

Воплощением денежно-кредитной политики в России занимаются Министерство финансов РФ, Казначейство РФ, Федеральная служба по финансовым рынкам. Денежно-кредитная политика, проводимая Банка России играет основную роль в формировании таких важных условий экономического развития и социальной стабильности, как низкие темпы инфляции, предсказуемый уровень процентных ставок, защищающий сбережения от инфляционного обесценения и необходимый для планирования инвестиций¹.

На сегодняшний день, основным инструментом Банка России для влияния на денежно-кредитные условия, инфляцию и экономику в целом остается процентная ставка. Также активно принимаются меры по развитию и укреплению национальной платежной системы, поддержания честной конкуренции и достойного финансового рынка, способных в полной мере удовлетворить потребности населения и способствовать развитию экономики².

На период 2016 г. инфляция составила 5,38 в сравнении с показателями 2014–2015 гг. очевидно, что уровень снизился почти вдвое, что в свою очередь говорит об эффективно построенной и реализованной денежно-кредитной политике (см. рисунок).

Динамика инфляции с 2012 по 2017 г.³, %

Чтобы выяснить, степень зависимости уровня инфляции от инструментов ЦБ РФ, а также выявить наиболее эффективные механизмы борьбы, применяемые Центральным Банком в рамках антиинфляционной политики, нами был проведен корреляционный анализ инструментов с применением метода наименьших квадратов (см. таблицу).

¹ *Официальный сайт Банка России.* URL: <http://www.cbr.ru>.

² *Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2016 г. и на период 2017–2019 гг.* // Центральный банк России. URL: [http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2017\(2018-2019\).pdf](http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2017(2018-2019).pdf).

³ Составлено по: *Федеральная служба государственной статистики.* URL: <http://www.gks.ru>.

**Корреляционный анализ инструментов
с применением метода наименьших квадратов**

Динамика изменения ставки рефинансирования и ключевой ставки					
Год	Годовой уровень инфляции, %	Ставка рефинансирования, %	Ключевая ставка, %		
2012	6,58	8,25	—		
2013	6,45	8,25	5,5		
2014	11,36	8,25	17		
2015	12,9	8,25	11		
2016	5,38	10	10		
<i>Коэффициенты применения метода наименьших квадратов для ключевой ставки</i>					
	x	y	x ²	y ²	x × y
	5,5	6,45	30,25	41,6	35,47
	17	11,36	289	129,05	193,12
	11	12,9	121	166,41	141,9
	10	5,38	100	28,94	53,8
<i>Сумма</i>	<i>43,5</i>	<i>36,0</i>	<i>540,2</i>	<i>366</i>	<i>424,2</i>
Динамика изменения денежной массы					
Год	Годовой уровень инфляции, %	Денежный агрегат М2, млрд р.	Темп прироста М2, %		
2012	6,58	25 080,6	14,4		
2013	6,45	29 167,3	16,3		
2014	11,36	30 625,4	5		
2015	12,9	33 315,4	8,8		
2016	5,38	38,417	11,2		
<i>Коэффициенты применения метода наименьших квадратов для денежной массы</i>					
	x	y	x ²	y ²	x × y
	25	6,58	625	43,3	164,5
	29	6,45	841	41,6	187
	31	11,36	961	129	352,1
	33	12,9	1089	166,4	425,7
	38	5,38	1444	28,9	204,4
<i>Сумма</i>	<i>156</i>	<i>42,6</i>	<i>4960</i>	<i>409,2</i>	<i>1333,7</i>
Динамика изменений нормативов обязательных резервов					
Год	Нормативы обязательных резервов				
	По обязательствам перед юридическими лицами-нерезидентами	По обязательствам перед физическими лицами	По иным обязательствам кредитных организаций		
2012	5,5	4	4		
2013	4,25	4,25	4,25		
2014	4,25	4,25	4,25		
2015	4,25	4,25	4,25		
2016	5	5	5		
<i>Коэффициенты применения метода наименьших квадратов для нормативов обязательных резервов</i>					
	x	y	x ²	y ²	x × y
	4	6,58	16	43,3	26,32
	4,25	6,45	18,06	41,6	27,41
	4,25	11,36	18,06	129,05	42,28
	4,25	12,9	18,06	166,41	54,83
	5	5,3	25	28,72	26,8
<i>Сумма</i>	<i>21,7</i>	<i>42,6</i>	<i>95,1</i>	<i>409</i>	<i>177,6</i>

Примечание. Составлено по: Банк России. URL : <http://www.cbr.ru>.

Если в 2017 г. ключевая ставка снизится до 5 %, то согласно расчетам, $y = 0,47 \times 0,05 + 3$ уровень инфляции составит 3,02, если ключевая ставка снизится до 15 %, то инфляция составит 3,07. Если в 2017 г. денежная масса снизится до 20 млрд, то уровень инфляции составит 8,05, а в случае, если денежная масса увеличится до 40 млрд, то уровень инфляции составит 8,85. В случае, в 2017 г. нормы обязательных резервов по обязательствам перед физическими лицами уменьшатся до 3 %, то уровень инфляции составит 10,64, а если нормы обязательных резервов по обязательствам перед физическими лицами увеличатся до 6 %, то инфляция составит 10,56.

Таким образом, в ходе исследования, нами было установлено, что на уровень инфляции в стране большое влияние оказывает денежная масса, чем ключевая ставка и нормы обязательных резервов по обязательствам перед физическими лицами.

Безусловно, политика центрального банка задает ориентиры для высокого уровня развития экономики России, но она не может быть основной и единственной в своем роде, поскольку ее успешность во многом зависит от макроэкономической политики государства и перспектив развития, определенных и установленных иными органами государственного управления.

На наш взгляд, мы считаем важным делегировать часть полномочий Центрального банка Министерству финансов, Министерству труда и социального развития, Министерству экономики и совершенствовать взаимодействие Центрального банка России и Правительства РФ, поскольку проблема инфляции является всеобщей и если бы каждое ведомство правительства РФ отслеживало этот процесс, разрабатывало план мероприятий по ее снижению, то управление инфляцией было бы результативнее.

Поскольку ЦБ устанавливает уровень процентной ставки, его действия заметно влияют на бюджетную политику, особенно в области управления государственным долгом. Следовательно, Центральному банку России необходимо не только изменить тактику взаимодействия с участниками рынка, но и стремиться к обеспечению эффективного сотрудничества с министерством финансов, не допуская смешивания при этом как фискальных, так и монетарных функций.

Мы считаем, что единственным, целесообразным способом предупреждения конфликта интересов для достижения финансовой стабильности, является четкая регламентация основных направлений и принципов взаимодействия между центральным банком и правительством и его ведомствами.

Необходимо обеспечить гибкую систему управления казначейским счетом, а именно создать соответствующие коммуникационные

каналы между Центральным банком и Министерством финансов, для регулярного взаимодействия по вопросам финансового планирования, продолжать совершенствовать регулирование в финансовом секторе, пересмотреть сопутствующее законодательство, а также обеспечить эффективную координацию антициклической политики.

Центральному банку в свою очередь, необходимо консультировать Министерство финансов по вопросам графика выпуска государственных ценных бумаг и погашения государственного долга с учетом их воздействия на состояние финансового рынка, в том числе на состояние банковской системы, и приоритетов единой государственной денежно-кредитной политики.

В мировой практике конфликт между задачами фискальной и монетарной политики разрешается через формальное отделение ЦБ от исполнительной власти и наделение его необходимой автономией. Однако наличие формальной независимости денежных властей, не всегда означает их реальную независимость, что, в свою очередь, транслируется в низкое доверие к проводимой монетарной политике и повышенные инфляционные ожидания.

Центральный банк может эффективно подавлять инфляцию, если у экономических агентов сформированы ожидания низких темпов роста цен в долгосрочной перспективе. В такой ситуации инфляционные пики будут рассматриваться экономическими агентами как временные и в большинстве своем они не будут провоцировать длительные периоды повышенных темпов роста цен, что даст возможность денежным властям сдерживать подобные всплески без агрессивного и болезненного для экономики ужесточения денежной политики.

Относительно прогноза инфляции, экспертами АПЭЖОН установлено, что в 2017 г. она составит 5,2. Максимальный прогнозируемый уровень составляет 6,5 %, а минимальный уровень 3,9 %. Что касается 2018, 2019, 2020 гг., то прогнозы оптимистичны, и составляют 4,5; 4,6 и 4,3 % соответственно¹.

На наш взгляд, достижение таких показателей осуществимо, поскольку у нашей страны имеются все ресурсы для достижения таких показателей и есть успешный опыт снижения инфляции в 2016 г.

Библиографический список

1. Бикалова Н. А., Епхиева Ю. С., Реброва В. В. Денежно-кредитная политика Банка России как составная часть экономической политики государства // Символ науки. 2016. № 7.

¹ Прогноз инфляции на 2017–2020 гг. в России. URL : <http://apecon.ru/prognoz-inflyatsii-na-gody-v-rossii>.

2. *Деньги*, кредит, банки : учебник / Г. И. Кравцова, Г. С. Кузьменко, Е. И. Кравцов и др. ; под ред. Г. И. Кравцовой. Минск : БГЭУ, 2003.

3. *Дрючевский Д. В.* Инфляция как экономический феномен с позиций различных школ и направлений экономической науки // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 19(273).

4. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М. : Прогресс, 1978.

5. *Лукиных М. И.* Формирование рыночных институтов в экономике России // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации* : сб. ст. победителей V Междунар. науч.-практ. конф. : в 4 ч. Пенза : Наука и Просвещение, 2017. Ч. 1.6.

6. *Туманова Е. А., Шагас Н. Л.* Макроэкономика. Элементы продвинутого подхода. М. : ИНФРА-М, 2004.

Т. С. Орлова, К. А. Воробьев

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Современное состояние факторов влияния институциональной среды на малые предприятия регионов

Аннотация. Рассматривается современное состояние развития малого предпринимательства, приводится статистика его развития, а также факторы, влияющие на его экономическую устойчивость.

Ключевые слова: институциональная среда; малое предпринимательство; факторы; уровень развития.

Развитие малого предпринимательства в России оказывает положительное влияние на рост экономики страны. С 1990–1991 гг. малый бизнес начал активно развиваться в РФ в качестве сектора экономики. В этот период можно было наблюдать за развитием положительных и отрицательных сторон у малого предпринимательства¹.

Рассмотрим на каком уровне находится малое предпринимательство в России: какие факторы им движут, насколько эффективно государственное управление и какие тенденции определяют социально-экономические векторы развития малого предпринимательства в России.

Согласно международному рейтингу «Ведение бизнеса» (Doing Business), характеризующего ключевые условия ведения бизнеса и качественного климата в 189 странах, Россия в 2015 г. занимала 112-е ме-

¹ *Орлова Т. С., Воробьев К. А.* К вопросу о развитии экономической системы России // *Фундаментальные и прикладные науки сегодня* : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1: Fundamental and applied sciences today. North Charleston, SC. USA, 2017.

сто, поднявшись с 2014 г. на 8 ступеней, а в 2016 г. – 62-е место, что, естественно, является хорошим трендом.

В исследовании «Глобальный мониторинг предпринимательства», проведенном Высшей школой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке компании EY говорится, что в 2015 г. в России количество малых предпринимателей, которые только открывают свое дело, либо чей бизнес не старше трех лет, увеличилось на 25 % и составило 5,75 % от взрослого трудоспособного населения страны¹.

Малое предпринимательство в России – это чаще всего предприятие, которое не претендует на лидерство в своей области и ограничивается небольшим штатом и единоличным руководителем, хотя существуют предприятия, для которых этап МП является переходным.

Малое предпринимательство – это универсальный род деятельности, так как его можно осуществлять в любой сфере на усмотрение малого предпринимателя.

Выбор сферы деятельности зависит от многих факторов, в частности от места, от социальных и экономических особенностей региона, уровня жизни, инфраструктуры и других факторов.

Наиболее распространенные сферы, в которых представлено малое предпринимательство в России – это розничная торговля (21 %), сфера здоровья и красоты (17 %), сфера досуга (10 %)².

При организации собственного бизнеса малые предприятия сталкиваются со значительными проблемами, наиболее значимые – это сложность и непредсказуемость нашей налоговой системы; поиск нового дела; патентование собственного изобретения; трудности привлечения финансирования; недостаток собственных средств; недостаток материальной базы; кадровые проблемы³.

Также анализируя отчет о малом предпринимательстве России, а именно количестве зарегистрированных МП на 1 февраля 2017 г. в расчете на 100 тыс. чел. населения (см. таблицу) по округам, мы видим, что наибольшая доля количества зарегистрированных МП в расчете на 100 тыс. чел. населения приходится на Северо-Западный округ (20,8 %).

¹ *Исследования «Глобальный мониторинг предпринимательства» / Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке компании EY. СПбГУ, 2016.*

² *Отчет «Малый бизнес в России: институциональный путь» / ООО «Эклектика». СПб., 2016.*

³ *Хуштов Ю. Молодежное предпринимательство в России. URL : <http://moderniziruj.ru/post1541.html>.*

Существует точка зрения о том, что именно этот округ наиболее инновационный и соответствует глобальным тенденциям. Например, известно, что уровень жизни в Республике Коми один из самых высоких по стране. Также мы можем предположить, что регион в некотором роде европеизирован, что также ведет к иной форме ведения и организации предпринимательской деятельности.

**Количество зарегистрированных малых предприятий
по федеральным округам Российской Федерации на 1 февраля 2017 г.
в расчете на 100 тыс. чел. населения**

Федеральные округа	Единиц	Прирост/сокращение (+; -) (1 февраля 2016 г. – 1 февраля 2017 г.)	% от среднего по Российской Федерации
Центральный	194,4	+8,5	118,8
Северо-Западный	263,9	+3,4	144,8
Южный	125,8	-6,2	76,9
Северо-Кавказский	55,6	-3,2	34,0
Приволжский	156,9	-5,3	95,9
Уральский	162,3	-8,3	99,2
Сибирский	139,5	-12,6	85,3
Дальневосточный	171,2	-0,6	104,6

Примечание. Составлено по: *Россия* в цифрах: официальные цифры // Федеральная служба государственной статистики. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641.

Исходя из численности населения на 1 января 2017 г.¹:
вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность;
поддержка молодых предпринимателей в бизнес-начинаниях;
содействие молодым предпринимателям в разработках и организации инновационных проектах;

формирование системы предоставления возможности трудоустройства молодежи в структурах малого и среднего бизнеса и т. п.

Эти мероприятия реализуются на таких уровнях управления, к которому относятся федеральный, региональный и местный.

Наиболее значимые направления государственной поддержки малого предпринимательства в России следующие:

- 1) создание общих условий для развития малого предпринимательства;
- 2) оказание поддержки субъектам малого предпринимательства;
- 3) финансовая поддержка;
- 4) развитие и обеспечение деятельности системы поддержки субъектов малого предпринимательства.

¹ *Государственная* поддержка малого бизнеса: есть! // Опора-кредит: все о предпринимательстве. URL : <http://www.opora-credit.ru/programs/instruction/detail.php?ID=62420>.

Рассмотрев ситуацию малого предпринимательства, мы пришли к выводу, что, несмотря на пути поддержки, формирование все более новых подходов к управлению, малое предпринимательство все еще работает, не всегда эффективно. И, по нашему мнению, это, в первую очередь, связано с тем, что недостаточно развиваются процессы в малом предпринимательстве, а также с тем, что инновационные программы не всегда находят положительный отклик со стороны общественности.

Совершенно очевидна основная проблема – отсутствие институциональной поддержки и эффективных программ, направленных на обучение населения, повышения их компетентности и увеличения знаний, необходимых для организации и ведения предпринимательской деятельности.

Исходя из вышесказанного, вытекает необходимость разработки и принятия на законодательном уровне системы поддержки малого предпринимательства (включая налоговые преференции, к примеру).

Исследуя развития малого предпринимательства, можно отметить, что современное состояние данного процесса находится на низком уровне, в первую очередь, благодаря низкой эффективности институциональной среды поддержки.

Основные факторы, которые повлияли на снижение инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности малых предприятий по мнению WDI¹ – это:

- а) низкий уровень нормативно-правовой базы России;
- б) высокие административные барьеры;
- в) нестабильность законодательства в области поддержки малых предприятий, а именно изменения в законодательстве касаются малых предприятий;
- г) высокая частота плановых и внеплановых проверок, которые не дают предприятию нормально функционировать и осуществлять стратегическое планирование, за счет чего оно теряет собственную прибыль;
- д) коррупция.

Кроме того, авторы оценили действующие нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность малых предприятий в России, и выделили, что не сформированы направления развития выставочной деятельности, не приведены в соответствие все направления инфраструктурной политики, также видится низким уровень налогового регулирования и льгот.

¹ *World Development Indicators (WDI)*, November 2017. URL : <http://knoema.ru/WBWDIGDF2015Oct/world-development-indicators-wdi-november-2015>.

Несмотря на то, что в России создается аналогичное европейским странам число предприятий, они быстро прекращают свое функционирование. Большинство российских организаций МП не могут преодолеть даже начального этапа своего развития.

Следовательно, на основании статистики и выявленных недостатков институциональной среды поддержки малых предприятий необходимо постоянно проводить оценку их влияния на динамические изменения эффективности малых предприятий в России с целью обеспечения их устойчивого развития.

С. В. Орехова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Промышленная vs отраслевая политика: необщий взгляд¹

Аннотация. Статья посвящена уточнению российской промышленной политики в результате изменения бизнес-моделей и реконфигурации рынков. Установлено, что в современных экономических системах, основанных на масштабном использовании электронных технологий, неструктурированных данных, инновационной активности, все большее влияние оказывают технологические платформы как единые организационно-экономические механизмы рынка. Выявлены основные требуемые изменения промышленной политики. Проведен анализ соответствия имеющихся научно-технологических сценариев экономического развития России механизму действия технологической платформы.

Выделены два направления реализации новой промышленной политики: мультиотраслевой подход в регулировании и рост качества национальной институциональной среды. Обоснована несостоятельность поотраслевого и кластерного подходов управления в современных условиях. Показана необходимость разработки для каждой платформы своего сценария технологического развития на основе селекции технологических стандартов. Уточнена роль государства как регулятора, а не участника технологической платформы.

Ключевые слова: промышленная политика; технологические платформы; новая индустриализация; технологический стандарт; промышленное предприятие.

Рост развивающихся рынков и масштабное внедрение новых технологий в конце XX – начале XXI веков обусловили трансформацию форм ведения бизнеса. Внедрение принципов электронного бизнеса,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Теоретико-эмпирическая модель институционального взаимодействия на отраслевых рынках в России» № 17-32-01063.

онлайн-торговля, «цифровая тень» рыночных обменов заставляют пересмотреть механизмы развития и традиционных промышленных рынков.

В последнее время все большее распространение в практике организации бизнеса получил определенный тип сети – технологическая платформа (platform-technology или industry platform) [11]. Технологическая платформа – это особый вид бизнес-модели, основанный на системе инноваций, присущих конкретной, относительно устойчивой сети. Любая платформа будет представлять собой сеть, но не каждая сеть будет являться технологической платформой [7, с. 10].

Держатель технологии – «компания-медиатор» (или ядро платформы) – обеспечивает взаимодействие в сети всех ее участников. База платформы – это наличие уникальной технологии (технологического стандарта), основанной на перманентных инновациях всех участников сети. Согласно исследованиям [14], вновь включенные в сеть предприятия учатся у компаний-лидеров, за счет чего происходит распространение технологий. Таким образом, объединение предприятий в сеть является источником долгосрочного развития всех предприятий, входящих в нее.

Логика такого типа бизнес-модели, с определенными ограничениями, может быть использована и для традиционных промышленных рынков. Функционирование производственных предприятий, также как и ИТ-компаний, подразумевает наличие технологического стандарта. Но, в отличие от электронного бизнеса, технологическое ядро будут составлять закрытые инновации, а количество и доступ участников к сети будет ограничен.

Представляется, что выбор комплекса управленческих мер промышленной политики во многом зависит от объекта управления. Поэтому целью исследования является установление необходимых трансформаций для соответствия промышленной политики контексту функционирования технологических платформ.

Активное использование бизнесом формата технологической платформы приводит к целому ряду сетевых и рыночных мультипликативных эффектов, среди которых усиление конкуренции, рост концентрации и интеграции, смещение цепочки создания стоимости от производства к распределению, рост значимости неструктурированных данных (big data), усиление глобализации и создание очагов «новой локализации». В этой связи важно увязать промышленную политику с корпоративными стратегиями. И хотя в широком смысле промышленная политика трактуется как «обеспечение государством экономического роста» [8], часто речь идет о «направлении усилий на отдельные сектора» [1; 12; 15], «совокупности государственных мер по со-

действию или предотвращению определенных структурных сдвигов» [13] и «создании неравных условий функционирования для предприятий разных секторов» [5].

Форматирование рынков приводит к необходимости изменения промышленной политики, пересмотру роли государства в регулировании рыночных отношений, поиска места государства в системе сетевых отношений, возникающих при функционировании технологических платформ. Государство не должно являться участником технологической платформы (а уж тем более – медиатором), а скорее должно быть своеобразным регулятором, влияющим на выбор технологического стандарта. К сожалению, в имеющейся институциональной среде невозможно предположить, что выбор технологического стандарта платформы будет осуществлен «без оглядки» на приоритеты и задачи промышленной политики.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., все многообразие осуществляемых программ на прогнозный период концентрируется вокруг трех ключевых направлений: инерционного, энерго-сырьевого и инновационного развития¹. Практика показывает, что текущее экономическое состояние России можно идентифицировать как инерционное развитие. По мнению Е. Г. Ясина, «... оставаясь без реформ на реальных инерционных сценариях, мы подъема страны в необходимых масштабах, то есть за счет роста производительности и потока инноваций на основе снижения рисков и роста стимулов, получить не сможем» [10, с. 23].

В рамках новой научно-технологической парадигмы, стремительно распространяющейся по миру, происходит масштабная перестройка экономики на базе принципиально новых технологических решений [2]. Проблемы технологического перевооружения в сфере промышленности, модернизация основных производственных фондов, обеспечение технологической независимости российской национальной экономической системы в последние годы стоят достаточно остро. В России в конце 2016 г. принят новый Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», предполагающий два возможных сценария научно-технологического развития (см. таблицу).

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р); Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020–2030 гг. // Приложение к Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М. : Минэкономразвития России, 2008.

Сценарии научно-технологического развития России

Характеристики	Сценарий «Технологическая адаптация»	Сценарий «Технологический рывок»
Характер	Консервативный, краткосрочный, за счет спроса на новые технологии в традиционных отраслях	Форсированный, опережающий, долгосрочный, за счет построения полной цепи создания стоимости
Сущность	<ol style="list-style-type: none"> 1) масштабный импорт технологий и фрагментарное развитие исследований; 2) точечная модернизация; 3) снижение ресурсоемкости, разработка нетрадиционных источников энергии; 4) массовое использование синтетических и конструкционных материалов; 4) учет экологического фактора; 5) развитие инфраструктуры 	<ol style="list-style-type: none"> 1) опережающее мировой уровень развитие науки и технологий; 2) формирование комплексной инновационной системы
Примеры стран, реализовавших данный сценарий	Германия, Франция, Италия, Скандинавские страны, США	Китай, Тайвань, Сингапур
Ограничения и риски	<ol style="list-style-type: none"> 1) усиление зависимости от импорта; 2) из-за отсутствия финансов и квалифицированного персонала возможна утрата компетенций на традиционных рынках; 3) усиление отставания на инновационных рынках; 4) слабая роль среднего и малого бизнеса в экономике; 5) медленное развитие за счет низкой открытости инноваций 	<ol style="list-style-type: none"> 1) отсутствие ресурсов; 2) наличие институциональных разрывов; 3) слабая система стимулов к инновациям; 4) усиление экономического неравенства
Инструменты	<ol style="list-style-type: none"> 1) практика «принуждения» государственных компаний к инновациям; 2) внедрение регулятивных режимов, выталкивающих устаревшие технологии; 3) развитие платформенных технологий; 4) поддержка кооперации и активизация международного сотрудничества; 5) подготовка кадров; 6) содействие росту инвестиционной привлекательности НИОКР, реструктуризация институтов науки 	<ol style="list-style-type: none"> 1) использование капитала знаний; 2) ускоренная адаптация зарубежных технологий; 3) поддержка лидеров на традиционных и новых глобальных рынках знаний, технологий, высокотехнологичной продукции; 4) интеграция в международные альянсы. 5) интенсивное развитие платформенных технологий; 6) стимулирование спроса на инновации;

Окончание таблицы

Характеристики	Сценарий «Технологическая адаптация»	Сценарий «Технологический рывок»
		7) тиражирование историй успеха отдельных предприятий; 8) развитие института интеллектуальной собственности; 9) коммерциализация научных результатов, существенный рост затрат бюджета на НИОКР
Предполагаемый рост ВВП к 2030 г.	1,8 %	4 %
Базовые сектора в экономике	1) низкотехнологичные сектора с высоким экспортным потенциалом; 2) сектора с потенциалом импортозамещения; 3) сфера услуг	1) высокотехнологичные сектора с высоким экспортным потенциалом; 2) сфера услуг
Приоритетные отрасли	1) нефтегазовый сектор; 2) металлургия; 3) оборонный комплекс; 4) финансовый сектор; 5) строительство; 6) коммуникации	1) точное машиностроение; 2) оборонный комплекс; 3) химия; 4) финансовый сектор; 5) строительство; 6) цифровые технологии
Результаты	1) расширение присутствия на традиционных промышленных рынках; 2) создание предпосылок для входа на возникающие рынки; 3) присутствие в качестве догоняющего игрока в глобальном технологическом мейнстриме	Наукоориентированная экономика

Примечание. Составлено по [3, с. 21–34].

Систематизация положений представленного документа наводит нас на целый ряд вопросов о соответствии предлагаемых сценариев и реальных экономических процессов.

Во-первых, как отмечают сами авторы «Стратегий...», скорее всего, будет реализована промежуточная траектория развития, когда в разные временные отрезки будет осуществляться один из двух сценариев [3, с. 22]. Представляется, что такая постановка проблемы не совсем корректна, так как предлагаемые сценарии отличаются не только интенсивностью проводимых инноваций, но и их противоположным характером. Для реализации каждого сценария требуются разные типы ресурсов, разные технологии, а соответственно, разный тип институтов (экстрактивный или инклюзивный). Таким образом, использование в разное время одного из двух сценариев означает для российской экономики «хождение по кругу».

Во-вторых, промышленная политика опять основывается на отраслевом подходе к регулированию рынков. Такое прогнозирование, без учета функционирования смежных для отрасли рынков, делает его абсолютно бессмысленным. Функционирование бизнеса в виде технологической платформы приводит к смешению отраслей и рынков, объединение фирм происходит по технологическому, а не по отраслевому или территориальному принципу. Более того, встраивание в межнациональные технологические платформы гораздо выгоднее для российского бизнеса, особенно в долгосрочной перспективе.

В-третьих, в качестве модели экономического развития до сих пор популярным является предложение использовать кластеры как «сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний и организаций, взаимодействующих между собой...» [6; 9, с. 74]. Текущая действительность давно основывается на цифровых технологиях, нематериальных активах и никак не может быть сконцентрирована локально. Более того, такая локализация, по мнению автора, резко снижает конкурентоспособность бизнеса, так как ограничивает доступ к ресурсам, финансам и, что немаловажно, потребителям.

Трансформация промышленной политики как системы инструментов повышения конкурентоспособности технологических платформ, возможна по двум направлениям.

1. Промышленная политика должна быть основана на мультиотраслевом подходе, что предполагает одновременное развитие целого ряда секторов экономики, их «подгонку» под единый технологический стандарт, и, соответственно, единый технологический уклад. Для этого целесообразно направлять усилия на отдельные бизнес-единицы (предприятия, сети или технологические платформы), а не сектора или отрасли. Данная инициатива согласуется как с идеей создания техноло-

гических платформ как единого организационного механизма ведения бизнеса, так и с идеей селективного характера промышленной политики.

2. Это возможное направление трансформации промышленной политики – это повышение качества национальной институциональной среды в целом. В работе Е. Н. Кудряшовой выделяется два вектора изменений институциональной среды: снижение уровня неопределенности и модификация системы стимулов [4, с. 20]. Трендом в развитии промышленной политики развитых стран является смещение акцентов от прямого регулирования рынка в сторону мягких, стимулирующих мер воздействия и создания общих рамочных условий благоприятствования, основанных на экстрактивных институтах.

Библиографический список

1. *Абалкин Л. И.* Концептуальные вопросы разработки промышленной политики в условиях современной российской экономики // Промышленная политика России на пороге XXI века. М. : ИздАТ, 1997.

2. *Андреева Е. Л., Захарова В. В., Ратнер А. В.* Научно-технологическое сотрудничество России в условиях становления международного экономического партнерства нового формата // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 6(68).

3. *Глобальные тренды и перспективы научно-технологического развития Российской Федерации: краткие тезисы : доклады к XVIII Апрельской Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 11–14 апреля 2017 г.) / Л. М. Гохберг, А. В. Соколов, А. А. Чулок и др.* М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

4. *Кудряшова Е. Н.* Институциональные соглашения в условиях естественной монополии : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2004

5. *Кузнецов Б. В., Симачев Ю. В.* Эволюция государственной промышленной политики в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2014. № 2(22).

6. *Никитаева А. Ю.* Активизация промышленного развития на платформе партнерских отношений: меры государственного регулирования // Вопросы регулирования экономики. 2016. Т. 7, № 4.

7. *Орехова С. В., Романова О. А.* Трансформация бизнес-модели промышленного предприятия на разных стадиях жизненного цикла // Управленец. 2016. № 5(63).

8. *Полтерович В. М., Попов В. В.* Эволюционная теория экономической политики. // Вопросы экономики. 2006. № 7.

9. *Шевченко И. К., Развадовская Ю. В., Ханина А. В.* Кластер как институт реиндустриализации территориально-отраслевых комплексов // Вопросы регулирования экономики. 2016. Т. 7, № 1.

10. *Ясин Е. Г.* Развитие постсоветской экономики: из прошлого в будущее : доклады к XVIII Апрельской Междунар. науч. конф. по проблемам раз-

вития экономики и общества (Москва, 11–14 апреля 2017 г.). М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

11. *Gawer A., Cusumano, M. A.* Platform leadership: How Intel, Microsoft, and Cisco Drive industry innovation. Boston : Harvard Business Review Press, 2002.

12. *Krugman P.* Geography and Trade. Cambridge : MIT Press, 1991

13. *Price V.* Industrial Policies in the European Community. L. : Macmillian, 1981.

14. *Sampson T.* Dynamic selection: An idea flows theory of entry, trade, and growth // The Quarterly Journal of Economics. 2016 Vol. 131, no. 1.

15. *Warwick K.* Industrial Policy – Emerging Issues and New Trends // The Babbage Industrial Policy, Lecture Series. 2013. URL : <http://www.ifm.eng.cam.ac.uk/uploads/Research/Babbage/Warwick.pdf>.

Р. А. Долженко, С. Б. Долженко

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Трансформация стратегии вуза в рамках четвертой промышленной революции

Аннотация. Рассмотрена сущность четвертой промышленной революции, выделены ее особенности, которые могут повлиять на деятельность университета. Конкретизированы первоочередные проекты, которые могут быть осуществлены в вузе в рамках требований четвертой промышленной революции. Описан план действий, позволяющий обеспечить университет ресурсами и возможностями для трансформации. Выделены инструменты, способствующие развитию вузовского образования.

Ключевые слова: четвертая промышленная революция; Индустрия 4.0; инновации; управление университетом; стейкхолдеры.

В научных работах существует большая неопределенность в понятиях, когда речь заходит о четвертой промышленной революции, авторы, как правило, дают разные по содержанию определения, обобщая их под видом четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0, Интернет вещей, промышленный Интернет и др.), при этом данный термин существуют уже с 2011 г. [5] Ответ на вопрос – что такое концепция четвертой промышленной революции и что определяет ее суть – это одно, насколько актуальны – робототехника, 3D-печать, блокчейн, цифровые платформы и прочие термины, активно употребляемые в современных статьях, – это другое.

Интерес представляет определение четвертой промышленной революции как формы организации производственных процессов, основанных на сетевом взаимодействии технологий и устройств в цепочке создания добавленной стоимости [4]. Отталкиваясь от подобного под-

хода, можно заключить, что данный вектор общественного развития складывается из три компонента:

- 1) цифровизация и интеграция вертикальных и горизонтальных цепочек создания стоимости;
- 2) цифровизация продуктов и услуг;
- 3) цифровые бизнес-модели и доступ клиентов.

В настоящее время большинство научных статей на тему четвертой промышленной революции посвящено необходимости трансформировать экономику страны, регионов, отдельных предприятий и организаций. Авторы данной статьи предлагают рассмотреть применение данной концепции на уровне университетов. Что может взять в проработку университет в связи с развертыванием этого тренда? Какие направления актуальны для вуза? Что из разработок зарубежных образовательных организаций может быть передано в копилку опыта российских вузов? [1] Или другими словами, какой должна быть стратегия вуза в условиях приближающейся четвертой промышленной революции? Под стратегией мы будем понимать долгосрочный план университета, результат анализа сильных и слабых сторон, возможностей и угроз развития, который позволяет достичь поставленных целей.

1. Анализ данных. Четвертая промышленная революция в экономике и общественной жизни на самом деле не только и не столько про 3D, блокчейны, автомобиль без водителя и так далее, а про то, что информация о клиентах и партнерах становится ключевым ресурсом организации. Сбор и использование подобных данных является ключевой особенностью современного экономического мира. Увы, но большинство современных вузов до сих пор не научились собирать детальную информацию об обучающихся, даже во время их обучения в университете. Синергетический эффект от управления данными о студентах будет достигнут тогда, когда заказчики смогут их консолидировать, включить информацию, собранную до поступления в вуз, а также после обучения. Аналитика должна включать поведение и результаты студента за пределами образовательной организации. Вся информация должна быть собрана в одном месте, с каждого студента получено разрешение на ее использование для выстраивания отношений с организациями, которые заинтересованы в привлечении студентов на вакантные рабочие места.

2. Встраивание обучения в технологические цепочки бизнеса. Эксперты вуза уже сейчас должны уметь проводить аудит, анализ этих цепочек, для того, чтобы находить в них разрывы, лакуны, старые узлы. Это нужно делать для того, чтобы предложить услуги по «излечению» больных мест с помощью соответствующего обучения людей, проведения исследований, развития предпринимательских проектов.

Именно в этой части обучение в вузе максимально сближается с наукой. На самом деле, не погруженному в образовательные процессы человеку крайне сложно определить почему университет – это место соединения науки и образования, ведь между ними слишком велика разница. Так повелось со времен Гумбольдтского университета.

3. В вузах должна быть создана принципиально иная бизнес-модель, отличная от той, которая традиционно существовала в отечественной и мировой системе образования. Какая именно до сих пор не понятно, так как очень мало успешных практик, тем более данная сфера зарегулирована настолько сильно, что содержательные прорывные инновации блокируются на уровне различных социальных институтов.

4. Онлайн-обучение. Об этом уже сказано очень много. Отметим, что речь идет не просто про онлайн-курсы, но про возможности пройти обучение по ним через мобильные устройства, переносимые гаджеты.

5. Замена части сотрудников на сервисы. И это не просто необходимость для оптимизации расходов, это ключевое следствие четвертой промышленной революции.

Что можно сделать в вузе для перехода к четвертой промышленной революции?

1. Аудит цифрового развития университета. ИТ-служба есть у любого вуза, однако почти везде она представляет собой обеспечивающее подразделение, сотрудники которого настраивают компьютеры, меняют картриджи, занимаются техническим обслуживанием образования. Ключевая проблема подобных подразделений – низкая скорость реализации изменений. В этой области инновации появляются очень быстро. В течение года могут появиться новые технологии, концепции, конструкторы сайтов, которые радикально меняют данную сферу.

2. Разработка плана реализации стратегии «Индустрия 4.0 в университете» – цель, задачи, стейкхолдеры, анализ рынка, внутренней среды, план действий, необходимые ресурсы.

3. Выбор 2–3 пилотных проектов (анализ данных по результатам обучения, 100 % онлайн, новая бизнес-модель продажи образовательных продуктов и т. п.), обеспечивающих максимальный эффект для вуза. Проекты должны предполагать интеграцию разных участников, не только внутри университета.

4. Поиск носителей компетенций, которые смогут реализовать проекты. Создание подразделения «Цифровая лаборатория», курирующего все инновации, указанные проекты. Прохождение сотрудниками и обучающимися университета курса «Анализ данных», «Инновационная экономика» и т. п. Встраивание подобного курса во все образовательные программы в формате спецкурса.

5. Поиск или создание платформы, на которой будут реализовываться эти проекты. Современная экономика – это экономика многосторонних рынков и платформ, на которых взаимодействуют различные субъекты, получая выгоду от этого. Образование в вузе может быть реализовано в виде платформенного решения, на котором взаимодействуют студенты, персонал вуза, бизнес-организации и др., но для этого должны быть продуманы формы отношений участников такой платформы, выгоды, которым они обмениваются.

6. Акселерация всех процессов в университете. Для ускорения процессов в отдельных подразделениях бизнес используют различные технологии, одна из них – это agile. Вуз может рассмотреть возможность организации деятельности подразделений, как, впрочем, и всего образовательного процесса, в подобном формате, в рамках быстрых циклов (спринтов), реализуемых в командах и трайбах. Но для этого необходима соответствующая подготовительная работа.

7. И, наконец, реализовать подобные изменения без помощи сильных стейкхолдеров практически невозможно, поэтому вузу не обойтись без господдержки, необходимо встраиваться в госпрограммы, выигрывать гранты, объединяться с кем-то более сильным.

Если говорить непосредственно об образовательном процессе, то можно рекомендовать максимально полно внедрять в вузовскую практику следующие разработки, прямо следующие из четвертой промышленной революции:

adaptive learning – адаптивные обучающие технологии, которые позволяют предлагать контент в том виде, который ожидает пользователь, в зависимости от его потребностей в обучении. Они позволяют адаптировать образовательный контент, исходя из скорости и ответов пользователя;

МООС – обучающие курсы с массовым интерактивным участием, с применением технологий электронного обучения и открытым доступом. Наиболее известными примерами подобных решений являются Coursera и Национальная образовательная платформа;

gamification – применение игровых механик в учебных процессах с целью привлечения пользователей и повышения их вовлеченности в процесс обучения;

reinforcing – комплекс мер, направленных на поддержку эффекта от обучения и закрепление полученных знаний и навыков: напоминания о заданиях, небольшие задания, выжимки из обучающих мероприятий, запросы обратной связи, тестирование и др.;

micro-learning – порционное электронное обучение в виде наиболее релевантных кратковременных активностей, например, видео по

девять секунд. Выстраивание цепочки из небольших развивающих блоков, которые в совокупности приводят к развитию навыка;

collaboration – целый комплекс инструментов, который включает в себя: наставничество, элементы социальных сетей/форумов/«сообщества», взаимодействие в парах/командах, перекрестную оценку работ/активностей участниками обучения;

mobile platform – данная платформа позволяет обучаемому проходить обучение независимо от его местонахождения, 24×7 – за счет использования мобильных приложений и гаджетов для обучения. Такой подход уменьшает ограничения по получению образования, связанные с местонахождением и нехваткой времени;

learning analytics – измерение, сбор, анализ данных и составление отчетов о проходящих обучение, а также об их контекстах с целью понять и оптимизировать процесс приобретения знаний и среду, в которой он происходит;

people analytics – анализ HR-данных в сочетании с другими корпоративными данными (в том числе с данными об обучении сотрудников);

backward design – метод создания образовательной программы, предполагающий определение контента и методов обучения на основе бизнес-задач компании.

Данный перечень далеко не исчерпывающий, образовательные организации должны в оперативном режиме отслеживать подобные разработки и оценивать возможности их применения в практику. Можно согласиться с утверждениями ученых о том, что система образования должна оперативно меняться в условиях промышленной революции [2; 3].

Подведем итоги. Очередная, четвертая по счету, промышленная революция активно влияет на происходящие в обществе процессы, как и все новое, она вызывает неоднозначное восприятие, сложно встраивается в традиционные процессы и социальные институты. Можно однозначно констатировать, что в общественном сознании четвертая промышленная революция представляется совокупностью различных инноваций, которые не всегда с ней связаны. Ряд отечественных университетов пытается подойти к этим изменениям взвешенно, учитывает их стратегические перспективы, но большая часть, увы, оставляет требования четвертой промышленной революции за периферией восприятия. Хотя тенденции в общественном развитии подтверждают мысль о том, что перманентные изменения в университетах стратегически необходимы.

Библиографический список

1. *Алексанков А. М.* Четвертая промышленная революция и модернизация образования: международный опыт // Стратегические приоритеты. 2017. № 1(13).
2. *Гринишун В. В., Краснова Г. А.* Развитие образования в эпоху четвертой промышленной революции // Информатика и образование. 2017. № 1(280).
3. *Колесников Ю. Л., Саморуков В. И.* Институциональное развитие системы дополнительного образования в условиях четвертой промышленной революции // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2017. Т. 1.
4. *Романова О. А.* Инновационная парадигма новой индустриализации в условиях формирования интегрального мирохозяйственного уклада // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 1.
5. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016.

А. А. Стерхова

Аналитический центр «Эксперт», г. Екатеринбург,

В. А. Мальцева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Внешнеэкономическое сотрудничество регионов России и стран БРИКС в инновационной сфере

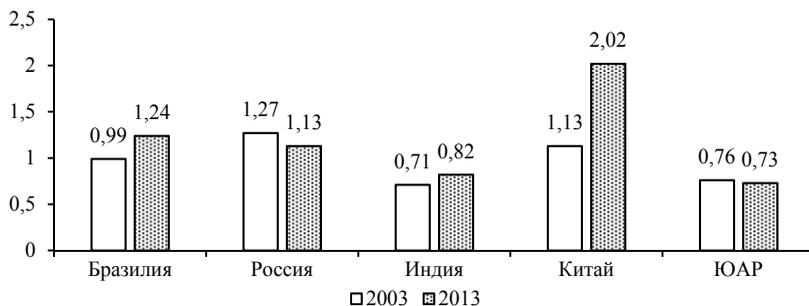
Аннотация. Рассмотрена специфика внешнеэкономического сотрудничества России в рамках БРИКС в сфере инноваций. Определено, что лидером по основным индикаторам инновационного развития среди стран БРИКС является Китай. Проанализирован инновационный потенциал РФ с точки зрения ключевого фактора – человеческого капитала, наличия и качества кадров. Изучены направления внешнеэкономического сотрудничества России и Китая в области наукоемких технологий. Установлен общий слабый уровень взаимодействия в сфере инноваций России и Китая, при этом определены отдельные недавние успехи по созданию первого российско-китайского инновационного центра. Исследовано перспективное инновационное сотрудничество России и Бразилии в области сельского хозяйства. Рассмотрены пути адаптации бразильских инноваций в сфере сельского хозяйства. Предложена адаптация институциональной инновации – создание научно-исследовательской инфраструктуры с элементами эффективного взаимодействия государства и частного сектора, в частности системы научных центров в регионах РФ.

Ключевые слова: БРИКС; внешнеэкономическое сотрудничество; Бразилия; инновации; Китай; сельское хозяйство.

В условиях глобальной конкурентной борьбы нередко именно инновации помогают поддерживать тенденцию динамичного социаль-

но-экономического развития страны. Неформальное объединение БРИКС, включающее в себя Бразилию, Россию, Индию, Китай и ЮАР, постепенно начинают развивать взаимное инновационное сотрудничество. Можно выделить несколько групп отраслей, в которых наиболее активно развивается сотрудничество в рамках БРИКС: Россия и Китай – в сфере космических и ядерных технологий, Россия и Бразилия – в сфере сельского хозяйства. Далее будут рассмотрены именно эти две сферы сотрудничества, благоприятно влияющие на развитие экономики России.

Ключевым показателем инновационного и научного развития страны является расходы на НИОКР. На рисунке представлены затраты стран БРИКС на НИОКР в процентном отношении к ВВП за 2003 и 2013 гг. В 2003 г. лидером по данному показателю являлась Россия (1,27 % ВВП), однако в 2013 г. Китай вырвался вперед и далеко опередил своих партнеров – 2,02 % ВВП. В России и ЮАР за 10 лет вклад в НИОКР в процентном соотношении несколько уменьшился, что можно объяснить ростом ВВП при меньшей скорости увеличения затрат на НИОКР. В перспективе Китай планирует улучшить вклад НИОКР до 2,5 % ВВП к 2020 г., Россия – до 3 % ВВП к 2018 г., ЮАР – до 2 % ВВП к 2018 г.¹

Затраты стран БРИКС на НИОКР в 2013 г.², % ВВП

Наиболее успешным примером динамично развивающегося государства, включая рост промышленности, внедрение высоких технологий в производство и общий рост экономики, среди стран БРИКС без сомнений является Китай. За последние 20–30 лет Китай показывает

¹ Носкова Е. БРИКС объединяет ресурсы // Российская Бизнес-газета. Инновации. 2014. № 959 (30). URL : <https://rg.ru/2014/08/05/soglashenie.html>.

² Составлено по: World bank. URL : <http://www.worldbank.org>.

практически стабильный 6–10 % рост экономики ежегодно, несмотря на временные кризисные явления в мире. В настоящее время, Китай поставил новую задачу – двигаться от политики «Сделано в Китае» к «Разработано в Китае», тем самым объявляя о следующем шаге Китая – повысить инновационный потенциал страны и перейти к собственным разработкам¹. Китай за последние пятилетки добился успеха в создании инновационной базы для экономического развития. Китай является второй страной в мире по затратам на НИОКР в стоимостном выражении после США в 2015 г.: США – 502,9 млрд дол., Китай – 408,8 млрд дол.²

Потенциал инновационного развития в России, безусловно, высок. В основе этого потенциала, прежде всего, лежит человеческий капитал, подготовка кадров. Так, в глобальный рейтинг университетов QS World University Rankings за 2015–2016 гг. включен 21 российский университет. За 2011 г. в России окончили университет 1 481 выпускник в области науки, технологий, производства и строительства в расчете на 10 000 чел. занятого населения в возрасте 25–34 лет³. Для сравнения, в США данный показатель составляет 1241 выпускник, в Великобритании – 2 103 выпускника, в Финляндии самое большое количество выпускников – 3 053 чел. В настоящее время Россия запустила программу повышения конкурентоспособности российских вузов в мире «Проект 5-100», в рамках которого к 2020 г. в список 100 лучших университетов мира должны быть включены 5 российских вузов. Россия располагается на 6 месте в мире по количеству патентных заявок (около 40000 заявок на 2014 г.), при этом большая часть приходится на резидентов⁴. Россия также отличается большим количеством высококвалифицированного научно-исследовательского персонала. Так, на 2014 г. в России насчитывалось 122 научных сотрудника в расчете на 10 000 занятых в экономике, а в абсолютном количестве – 829 тыс. штатных сотрудников, занятых исследованиям и разработками. Лидером в мире по количеству штатных научных сотрудников является Китай – 3,5 млн чел.⁵

Однако в России только некоторые отрасли успешно реализуют инновационный потенциал, в числе которых важнейшие для россий-

¹ *Китай* определил задачи в экономике на 2016 г. и XIII пятилетку. URL : <https://ria.ru/economy/20160305/1385131917.html>.

² *OECD Main Science and Technology Indicators*, Chinese Academy of Science and Technology for Development. URL : <http://www.oecd.org/science/msti.htm>.

³ *Индикаторы образования*: 2013. URL : <https://www.hse.ru/primarydata>.

⁴ *Там же*.

⁵ *Россия и Китай: инновации и предпринимательство 2016*. URL : http://www.fbacs.com/wp/wp-content/uploads/2016/09/Report_RUS.pdf.

ской экономики – космические и ядерные технологии. Космическая отрасль в России является наиболее высокотехнологичной, благодаря чему Россия в мире занимает одно из значимых мест. Так, согласно докладу об инновациях Thomson Reuters за период 2011–2015 гг., 5 из 10 наиболее продвинутых инновационных аэрокосмических компаний в Европе являются российскими¹. Аэрокосмическая отрасль в России добивается успеха в инновационном развитии благодаря государственному контролю и целенаправленному финансированию конкретных разработок – именно этих факторов не хватает другим отраслям для аналогичного инновационного роста.

Сотрудничество России и Китая является наиболее перспективным в настоящее время, страны активно наращивают взаимодействие во всех формах внешнеэкономических связей. За последние годы российско-китайского сотрудничества Китай становится все более значимым партнером для России – Китай является вторым крупнейшим экспортным рынком для России и первым по импортным сделкам. На 2016 г. доля Китая во внешней торговле России составила 14,1 %, увеличившись за 10 лет более чем в два раза². Помимо внешнеторгового сотрудничества, между Россией и Китаем действует инновационное сотрудничество, которое на современном этапе развития еще слабо развито. Из недавних совместных проектов в области инновационного сотрудничества выделим открытие в Китае в 2016 г. первого российско-китайского инновационного парка. В парке действует льготный налоговый режим для резидентов-инвесторов, а именно трехлетний период «налоговых каникул» с возможностью льготного кредитования. Специализацией нового российско-китайского инновационного парка стали наукоемкие технологии и авиакосмическая отрасль³.

Помимо Китая как перспективного инновационного партнера, Россия может перенять инновационные разработки у Бразилии, причем в другой чувствительной для экономики России отрасли – в сельском хозяйстве. Бразилия является одним из крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции в мире и в последние десятилетия успешно внедряет передовые технологии, что позволило стране войти в топ-5 агроэкспортеров в мире. Так, более 20 % произведенной сельхозпродукции в Бразилии отправляется на экспорт в 180 стран мира⁴.

¹ State of Innovation Report 2016. URL : <https://annual-report.thomsonreuters.com/downloads/annual-report-2016-thomson-reuters.pdf>.

² Таможенная статистика внешней торговли России. URL : <http://stat.customs.ru>.

³ В КНР открылся первый русско-китайский инновационный парк. URL : <https://sdelanounas.ru/blogs/84915>.

⁴ Agricultural innovation and challenges for promotion of knowledge and information flows in agrifood systems in Brazil. URL : <http://www.oecd.org/tad/agricultural-policies/48218869.pdf>.

Можно выделить два главных ключа к успешному развитию сельского хозяйства Бразилии – активное государственное участие и научно-техническое развитие сельского хозяйства. Первый фактор позволяет наладить эффективные коммуникации между центрами разработок, образованием и сельским хозяйством. Благодаря второму в Бразилии осуществляют деятельность рекордно большое для развивающейся страны количество целевых научно-исследовательских центров, работающих над улучшением сельскохозяйственных технологий, а именно 17 государственных научно-исследовательских центров OEPAS, Бразильская корпорация по исследованиям в сфере сельского хозяйства Embrapa (47 центров в стране) и около 70 аграрных университетов. Корпорация имеет на территории Бразилии 15 национальных тематических центров, 16 национальных продовольственных центров и 16 центров по лесоводству. Корпорация, как и все центры и лаборатории, финансируются из средств федерального бюджета. Центры располагаются в различных штатах страны, как правило, в соответствии со специализацией региона для эффективного применения технологий, разработанных специально для определенного климата и почвы¹.

Бразильская сельскохозяйственная инновационная система поддерживается в основном благодаря государственному сектору, расходы частного сектора составляют около 10 % от общих затрат. Всего затраты на исследования в сфере сельского хозяйства в Бразилии за 2013 г. составили около 2,7 млрд дол., или 1,8 % сельскохозяйственного ВВП². Другие страны БРИКС значительно отстают от Бразилии по данному показателю. Так, затраты Индии на НИОКР в сельском хозяйстве составляют 3,3 млрд дол., или 0,3 %, расходы Китая – 9,4 млрд дол. или 0,6 %, соответственно³.

Бразилия достигла особого успеха в следующих технологиях в сфере сельского хозяйства: биологическая азотификация, биологический контроль эпидемий и заболеваний, принцип нулевой обработки почвы, принцип интеграции земледелие-животноводство-лесное хозяйство. В России начали применять технологию нулевой обработки в 2010 г. Данная технология позволяет сеять культуры с минимальными повреждениями почвы, однако с максимальным использованием удобрений и защиты от вредителей и болезней растений, таким образом, затраты перемещаются от вспашки полей к агрохимии, что позво-

¹ Наумов А., Снитко Д. Бразильская история успеха: какие технологии стоит позаимствовать у заокеанской державы. URL : <http://www.agroinvestor.ru/regions/article/22578-brazilskaya-istoriya-uspekha>.

² OECD Main Science and Technology Indicators, Chinese Academy of Science and Technology for Development. URL : <http://www.oecd.org/science/msti.htm>.

³ Agricultural science and technology indicators. URL : <https://www.asti.cgiar.org>.

ляет увеличить урожайность в 1,5–2 раза. Однако, в России на 2013 г. площадь зерновых посевов по принципу нулевой обработки составляет не более 2 %¹.

Если сравнивать характерные черты сельского хозяйства Бразилии и России, то можно выделить следующие особенности. При том, что в России наблюдается большая площадь пахотных земель и выше доля сельских жителей, урожайность в два раза меньше, чем в Бразилии, а также использование минеральных удобрений значительно уступает объему, используемому в Бразилии². В этой связи Россия может перенять у Бразилии не столько техническую, сколько институциональную инновацию – создание научно-исследовательской инфраструктуры с элементами эффективного взаимодействия государства и частного сектора, в частности, систему научных центров в регионах страны (см. таблицу).

Инновационный опыт Бразилии в сфере сельского хозяйства и возможные пути адаптации инноваций в России

Опыт Бразилии	Пути адаптации в России	Ожидаемый результат
Научные центры Embrapa в различных штатах и исследующие сельское хозяйство специализацию штата	«Пилотные» научные центры в регионах России, проводящие исследования в рамках специализации региона	Повышение эффективности исследований сельского хозяйства потенциала региона и целевое применение агротехнологий. Конечный результат – повышение продуктивности и качества продукции
Взаимодействие государство-наука-частный сектор на примере корпорации Embrapa	Установить тесное сотрудничество между государственными организациями, научными центрами, университетами и частными компаниями	Синхронизация кадровой, инновационной политики в сельском хозяйстве
Эффективная кадровая политика в сфере сельского хозяйства, привлечение временных специалистов	Привлечение к практическим исследованиям и внедрению передовых технологий учащихся и выпускников аграрных университетов, также привлечение временных специалистов под конкретные проекты	Минимизация трудовых затрат; формирование кадрового резерва для сельского хозяйства
Активное участие частного сектора в разработке инноваций и внедрении в практику	Привлечение частных компаний, организаций к финансированию сельскохозяйственных проектов	Увеличение финансирования НИОКР в сельском хозяйстве

¹ Наумов А., Снитко Д. Бразильская история успеха: какие технологии стоит позаимствовать у заокеанской державы. URL : <http://www.agroinvestor.ru/regions/article/22578-brazilskaya-istoriya-uspekha>.

² Там же.

В России наблюдается значительная дифференциация регионов по климату и типу почвы, поэтому целесообразно и эффективно запустить несколько региональных научно-исследовательских центров.

Таким образом, членство в объединении БРИКС позволяет странам-участницам налаживать сотрудничество в различных сферах внешнеэкономического взаимодействия, включая инновационное. Россия в связи с необходимостью развития стратегических отраслей экономики (в частности, авиакосмическая, ядерная, а также сельское хозяйство) может выиграть от сотрудничества с Китаем и Бразилией. Так, России целесообразно перенимать бразильский инновационный опыт в сельском хозяйстве. При этом адаптировать стоит не столько техническую, сколько институциональную инновацию. Благодаря сотрудничеству с Бразилией, российское сельское хозяйство сможет быстрее встроиться в новый технологический уклад в сельском хозяйстве, нарастить объемы производства и экспорта сельскохозяйственной продукции.

М. В. Цапенко, Е. Н. Кириллова
*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева (Самарский университет), г. Самара*

Альтернативные обобщенные показатели оценки эффективности инновационных проектов в регионах России¹

Аннотация. Четвертая промышленная революция формирует особые требования к национальной экономической системе. В этой ситуации одним из ключевых факторов ее развития становятся инновационные аспекты. Конструктивной формой реализации инноваций являются инновационные проекты. В вопросах управления инновационными проектами важную практическую и теоретическую значимость приобретают задачи оценивания их эффективности. В статье рассмотрены вопросы конструирования альтернативных обобщенных показателей оценки эффективности инновационных проектов. В основу способов формирования этих оценок положены различные комбинации локальных показателей качества, оценивающих разные характеристики проектов. Проанализированы качественные характеристики различий между альтернативными обобщенными показателями, дана содержательная трактовка принципа их формирования.

Ключевые слова: инновационный проект; эффективность; многокритериальное оценивание; обобщенный показатель эффективности; Data Envelopment Analysis.

Сегодня мировой тенденцией является развитие инновационной инфраструктуры, в частности критических технологий и технологических платформ, которые объединяют спрос и предложение, формируют новые организационно-структурные композиции в экономике.

Глобальная экономическая система находится на пороге новой промышленной революции – четвертой по счету, которая должна обеспечить существенный рост производительности труда не только в Европе и США, но и во всем мире.

Можно выделить четыре ключевых фактора, характерных для этого этапа развития производственных отношений: ожидания потребителей, модернизация продуктов и услуг, глобальные совместные инновации и новые организационные формы предпринимательства.

Рассмотрим основные вехи формирования новых промышленных укладов.

Первая промышленная революция была обусловлена изобретением Джеймсом Уаттом парового двигателя и на протяжении XVIII–XIX

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-46-02135).

веков создавала индустриальную основу европейских государств. Этот период развития был связан с первыми инновационными технологиями – обработкой хлопка и использованием каменноугольного кокса в металлургии.

Вторая революция произошла в начале XX века с изобретением Генри Фордом конвейерного способа организации производства в автомобилестроении, благодаря которому удалось не только создать массовый рынок, но и сделать автомобиль доступным. Однако потребовалось не менее 30 лет, чтобы благодаря этой революции уровень жизни населения стал расти быстрее. Процессы индустриализации и технического перевооружения в период до Второй мировой войны существенно изменили экономическую структуру в Европе и США.

В 1960-х годах наступила *третья промышленная революция*, обусловленная процессами восстановления национальных экономик европейских стран в послевоенный период. Одним из результатов этого периода стала так называемая «электронная революция» – массовое производство полупроводниковой аппаратуры, вычислительной техники, появление автоматизированных комплексов.

Видно, что все предшествующие технические революции произошли на фоне технологических прорывов и масштабных инновационных внедрений, которые оказали значительное влияние, как на промышленность, так и на экономику стран. Этот факт подтверждает тезис о том, что инновационная деятельность является одним из ключевых аспектов, способных вывести не только единичное предприятие, но и экономику государства в целом на новый уровень развития.

Инновационная деятельность включает в себя не только инновационные процессы преобразования научного знания в новые виды продуктов, технологий и услуг, но и маркетинговые исследования рынков сбыта товаров и услуг, конкурентной среды, а также комплекс управленческих и организационно-экономических мероприятий, которые в своей совокупности приводят к инновациям [3].

Эксперты оценивают, что результатом четвертой промышленной революции, имеющую наименование «Индустрия 4.0», будет существенный рост производительности труда. Однако такое развитие событий станет возможным только в ситуации, когда инновационные технологии диффузируют на уровень малого и среднего бизнеса. На сегодняшний день интеграция, как инновационных решений, так и современных технологий нового формата чаще всего применяется в сфере крупного бизнеса по причинам его финансовой состоятельности.

Инновации становятся неотъемлемой составляющей успешного функционирования субъекта рыночных отношений. Привлечение до-

полнительных инвестиций предполагает поиск капитальных ресурсов под конкретный инновационный проект. Одновременно с этим потенциальные инвесторы приобретают возможности выбора разнообразных объектов инвестирования. В этих условиях важной задачей становится оценивание инновационного потенциала и эффективности проектов, реализуемое по некоторой системе критериев.

Под инновационным потенциалом будем понимать способность экономической системы к трансформации в новое состояние с целью удовлетворения существующих или вновь возникающих потребностей, способность системы к изменению, улучшению или прогрессу [1].

Известны различные методы количественного исчисления инновационного потенциала и оценки эффективности проектов [2]. При этом все они основаны на системе локальных критериев, характеризующих различные аспекты проекта. В общем случае, эти показатели могут быть противоречивыми или иметь антагонистический характер поведения, когда рост одного параметра приводит к уменьшению другого. Эта ситуация затрудняет однозначный выбор инновационных проектов, поэтому необходимо разрабатывать конструктивные процедуры свертки множества локальных критериев в глобальный обобщенный показатель.

Такие процедуры могут конструироваться на основе алгоритмов, предполагающих обработку экспертных суждений, например, метод анализа иерархий Томаса Саати [5]. Другим способом синтеза глобальных оценок эффективности являются формальные методы, не использующие субъективные экспертные оценки, например, метод Data Envelopment Analysis (далее по тексту статьи – DEA), разработанный в США [7; 8]. В России этот подход получил название «Анализ среды функционирования» [4].

Рассмотрим способ конструирования альтернативных вариантов обобщенных показателей эффективности инновационных проектов для решения задачи системного ранжирования методом DEA. Алгоритм и свойства этого метода рассмотрены в работе [6].

Метод DEA позволяет реализовать свертку локальных показателей качества в обобщенную оценку на основе формальной процедуры без использования экспертных подходов.

Если при реализации экспертного метода в качестве локальных критериев эффективности инновационных проектов в первую очередь используются общепринятые показатели экономической эффективности инвестиционных проектов [2], то для апробации формального метода многокритериального оценивания сформируем иную систему оценочных показателей.

В качестве исходных локальных характеристик эффективности инновационных проектов возьмем пять локальных показателей:

- 1) PV – стоимость проекта, р.;
- 2) E – потенциальный объем товарного рынка, р.;
- 3) PP – срок окупаемости проекта, лет;
- 4) CP – рентабельность проекта, %;
- 5) IC – требуемые инвестиции для реализации проекта, р.

Выбор этого состава показателей обусловлен их широким распространением при формировании заявок на отбор и финансирование инновационных проектов. Эти показатели позволяют сопоставлять различные проекты и определять их приоритетность.

Однако, даже на основе этого минимального состава локальных параметров оценки, сделать однозначный выбор при наличии конкурирующих проектов затруднительно, так как проекты могут иметь различные масштабы, первоначальную стоимость, потенциальный размер товарного рынка, требуемый объем финансирования, сроки окупаемости и реализации.

На первом этапе алгоритм метода DEA предполагает конструирование обобщенных показателей оценивания. Рассмотрим три альтернативных варианта конструирования обобщенные показатели оценки эффективности инновационных проектов.

Постановку первого обобщенного показателя сформируем на основе базовой гипотезы метода DEA, заключающейся в максимизации результирующих параметров и минимизации характеристик, определяющих затраты ресурсов.

В качестве результирующих показателей инновационного проекта определим: объем товарного рынка (E) и рентабельность (CP). В качестве затратных показателей выберем характеристики ресурсов – времени и денег: срок окупаемости (PP), стоимость проекта (PV) и требуемые инвестиции (IC).

На основе этих предположений первый обобщенный показатель будет иметь следующий вид:

$$f_1 = \frac{E \times v_1 + CP \times v_2}{PP \times v_3 + PV \times v_4 + IC \times v_5} \rightarrow \max,$$

где E , CP , PP , PV , IC – соответствующие локальные показатели эффективности проекта; v_1 – v_5 – весовые коэффициенты, определяющие вклад локальных критериев в обобщенный показатель.

Идея формирования второго обобщенного показателя реализует принцип аддитивной свертки локальных критериев эффективности.

Основной гипотезой, при формировании этого показателя, было предположение о том, что максимизация каждого слагаемого – локального критерия – должна приводить к росту общей эффективности инновационного проекта.

Таким образом, максимизируются выходные параметры: объем рынка (E) и рентабельность (CP).

Предположим, что для увеличения эффективности проекта необходимо минимизировать срок окупаемости (PP), стоимость проекта (PV) и требуемые инвестиции (IC). Поэтому значения этих показателей введены в состав критерия в виде обратных значений.

На основе сформулированной гипотезы второй обобщенный показатель оценивания имеет следующий вид:

$$f_2 = E \times v_1 + CP \times v_2 + \left(\frac{1}{PP}\right) \times v_3 + \left(\frac{1}{PV}\right) \times v_4 + \left(\frac{1}{IC}\right) \times v_5 \rightarrow \max,$$

где E , CP , PP , PV , IC – соответствующие локальные показатели эффективности проекта; v_1 – v_5 – весовые коэффициенты, определяющие вклад локальных критериев в обобщенный показатель.

В основу идеи формирования третьего обобщенного показателя, также положен принцип аддитивной свертки трех относительных локальных характеристик: удельной стоимости проекта и объема рынка по отношению к требуемым инвестициям, а также рентабельности проекта.

Срок окупаемости не принимается во внимание, так как является абсолютным индикатором.

Третий обобщенный показатель имеет следующий вид:

$$f_2 = \left(\frac{PV}{IC}\right) \times v_1 + \left(\frac{E}{IC}\right) \times v_2 + CP \times v_3 \rightarrow \max,$$

где PV , IC , E , CP – соответствующие локальные показатели эффективности проекта; v_1 – v_3 – весовые коэффициенты, определяющие вклад локальных критериев в обобщенный показатель.

Конструирование обобщенного показателя на основе только относительных критериев позволяет адекватно сравнивать проекты, имеющие различные объемные характеристики: первоначальную стоимость, требуемые инвестиции и объем целевого рынка, т. е. учитывать фактор масштаба проекта.

Дальнейшая реализация алгоритма DEA-оценки предполагает сбор и обработку информации о значениях локальных показателей эф-

фективности для некоторой группы проектов, постановки задач математического программирования для каждого проекта и функционала. Решение этих задач дает обобщенную сравнительную оценку эффективности инновационных проектов, позволяющую провести их ранжировку.

Таким образом, в статье рассмотрены возможности решения задачи системного ранжирования пула инновационных проектов на основе формального подхода многокритериального оценивания сравнительной эффективности метода DEA.

Практическая значимость рассмотренной задачи состоит в том, что ее решение позволит проводить сравнительную количественную экспертизу инновационных проектов для их ранжирования и отбора.

Библиографический список

1. *Косолапов О. В., Гиренко-Коцуба О. А.* Инновационный потенциал в оценке конкурентоспособности предприятий // *Материалы Урало-Сибирской науч.-практ. конф.* Екатеринбург, 2002. URL : <http://www.uralweb.ru>.
2. *Коссов В. В., Лившиц В. Н., Шахназаров А. Г.* Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008.
3. *Кравченко С. И., Кладченко И. С.* Исследование сущности инновационного потенциала // *Научные труды Донецкого национального технического университета. Сер.: Экономическая.* Вып. 68. Донецк : ДонНТУ, 2003.
4. *Кривоножко В. Е., Пропой А. И., Сеньков Р. В., Родченков И. В., Анохин П. М.* Анализ эффективности функционирования сложных систем // *Автоматизация проектирования.* 1999. № 1.
5. *Саати Т.* Принятие решений. Метод анализа иерархий. М. : Радио и связь, 1993.
6. *Цапенко М. В.* Анализ решений модели многокритериальной оценки сравнительной эффективности // *Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Управление организационно-экономическими системами: моделирование взаимодействий, принятие решений».* 2006. Спецвыпуск.
7. *Banker R. D., Charnes A, Cooper W. W.* Some Models for Estimating Technical and Scale Efficiency in Data Envelopment Analysis // *Management Science.* 1984. Vol. 30, no. 9.
8. *Farrel M. J.* The Measurement of Productive Efficiency // *Journal of the Royal Statistical Society, Series A (General).* 1957. Vol. 120, pt. III.

Факторы рисков малых предприятий в промышленности региона¹

Аннотация. Дано определение таким понятиям, как экономический риск, риск малого предприятия. Рассмотрены факторы, влияющие на риски малого предпринимательства в промышленности.

Ключевые слова: экономический риск; риск малого предприятия; малое предпринимательство; факторы рисков; промышленность.

Российские малые предприятия постоянно находятся в стадии развития и многие из них все время находятся на грани выживания. Грамотное управление рисками является одним из способов закрепления на рынке.

Проблема влияния рисков на предприятия довольно остро обозначена в экономике и, следовательно, является актуальной.

При написании данной статьи были рассмотрены работы по управлению рисками малого предпринимательства следующих авторов: Т. Д. Экажевой, М. А. Одинцовой, К. В. Нецымайло, А. А. Кудрявцева, И. Б. Котлобовского, Г. Мангольдта, Г. Марковица, Н. В. Хохлова, Г. В. Черновой, М. У. Эллиотта, Л. А. Чалдаевой, А. О. Овчарова, Е. П. Киселицы, Д. Р. Алиевой, Л. Н. Растамхановой.

Наиболее распространенное понятие риска в научной литературе следующее: вероятность возникновения неблагоприятной ситуации или неудачных результатов производственно-хозяйственной или какой-либо другой деятельности².

Под риском для малого предприятия определяется вероятность возникновения какого-либо неблагоприятного события.

От точности произведенной оценки и экспертизы рисков, от контроля их влияния для конкретного предприятия зависят результаты экономической деятельности. Хотелось бы отметить, что контроль факторов риска является определяющим моментом для деловой активности производственных предприятий, от успешного решения которой зависит их финансовая устойчивость, так как риски в малом предпринимательстве всегда существенны [2].

Рассуждая о хозяйственной деятельности, чаще всего сталкиваемся с понятием предпринимательского риска, который складывается

¹ Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. С. Орлова.

² Информационный портал Энциклопедия Экономиста. URL : <http://www.grandars.ru/student/fin-m/vidy-riskov.html>

под влиянием определенных факторов. Как известно, фактор риска – это то событие, которое влияет на вероятность или последствия реализации риска, которое указывает на объективные и субъективные процессы, влекущие за собой возникновение риска, но не являющееся его непосредственной причиной¹. В таблице представлено количество малых предприятий по Российской Федерации в 2013–2015 гг. в разрезе видов экономической деятельности.

**Количество малых предприятий по Российской Федерации
в 2013–2015 гг. в разрезе видов экономической деятельности**

Вид деятельности	2013	2014	2015
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	7 117	6 288	5517
Рыболовство, рыбоводство	295	290	262
Добыча полезных ископаемых	1 628	1 565	1523
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	888	871	838
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	740	694	685
Обрабатывающие производства	16 036	14 811	13970
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	3 107	2 908	2714
Текстильное и швейное производство	701	495	459
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	152	117	104
Обработка древесины и производство изделий из дерева	650	473	423
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	1 922	1 816	1626
Производство кокса и нефтепродуктов	116	124	110
Химическое производство	763	748	732
Производство резиновых и пластмассовых изделий	706	620	575
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	1 461	1 386	1335
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	1 465	1 418	1324
Производство машин и оборудования (без производства оружия и боеприпасов)	1 570	1 457	1386
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	1 654	1 610	1 579
Производство транспортных средств и оборудования	903	896	873

¹ Информационный портал Знай страхование. URL : <http://www.znay.ru/risk/01-08.shtml>; Овчаров А. О. Структуризация факторов риска производственного предприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2001.

Окончание таблицы

Вид деятельности	2013	2014	2015
Прочие производства	679	560	539
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6 136	6 106	6 044
Строительство	5 657	4 958	4 773
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	16 568	14 192	12 766
Гостиницы и рестораны	1 901	1 538	1 576
Транспорт и связь	5 854	5 451	5 212
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	17 915	17 647	18 407
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	68	77	86
Образование	5 162	5 639	6 034
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1 384	1 376	1 477
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	6 519	6 533	6 574
<i>Всего по организациям (юридическим лицам)</i>	<i>92 242</i>	<i>86 471</i>	<i>84 222</i>

Примечание. Составлено по: Институциональные преобразования в экономике / Федеральная служба государственной статистики. URL : <http://www.gks.ru>.

Из данных таблицы видно, что в большинстве сфер деятельности в данный отрезок времени видна тенденция к сокращению численности малых предприятий, в основном у предприятий промышленности.

Деятельность малых предприятий протекает в более сложных экономических условиях, чем деятельность средних и крупных предприятий.

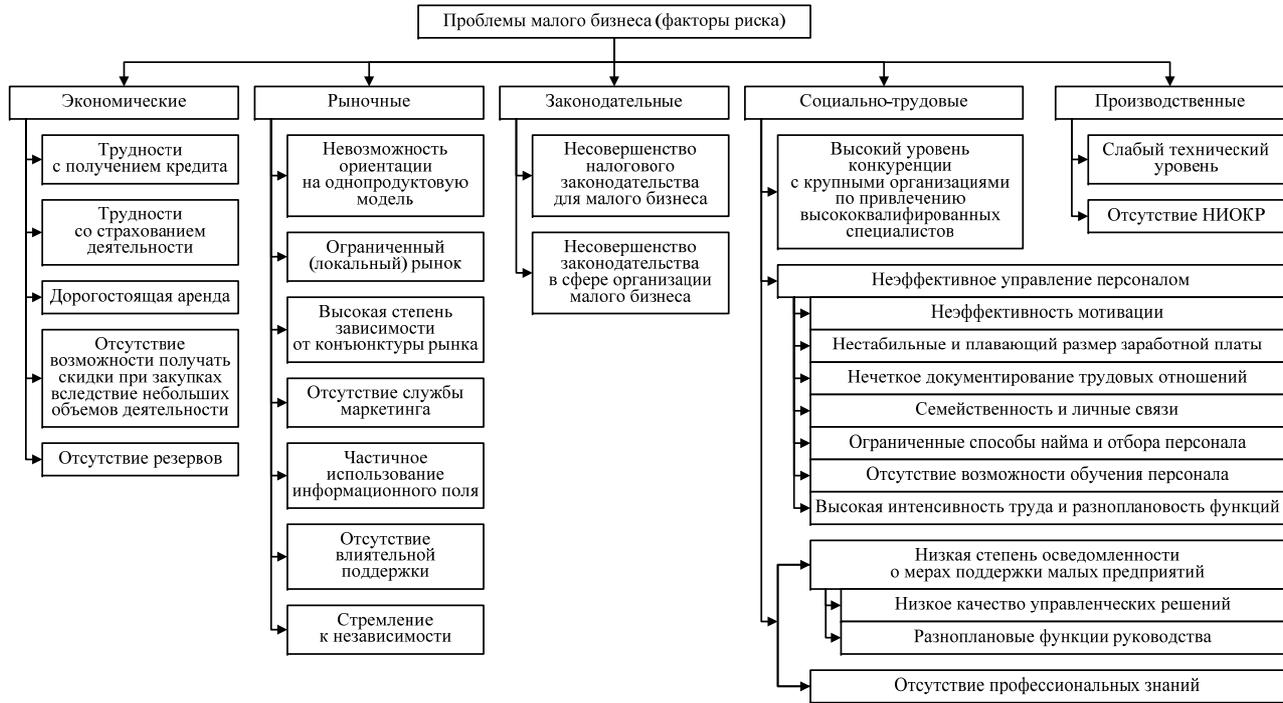
Сложившаяся ситуация обусловлена усилением действия рискообразующих факторов в специфичной деятельности малых предприятий [1].

На рисунке структурированы специфичные проблемы малого бизнеса, являющиеся одновременно факторами риска.

Были выделены основные риски деятельности предприятий, характерные именно для малого бизнеса: по сфере возникновения, временному фактору, степени опасности, степени уникальности и целесобразности.

По мнению авторов наиболее существенные риски, влияющие на деятельность малых промышленных предприятий [1]:

- 1) дефицит финансовых средств;
- 2) падение спроса на продукцию;
- 3) низкое качество продукции;
- 4) неквалифицированные решения персонала.

Специфичные проблемы малого бизнеса как специфичные факторы риска [1]

Данные риски оказывают наибольшее влияние на развитие малого бизнеса в основном из-за следующих факторов:

а) налоговое давление и отсутствие поддержки со стороны государства. Налоговая составляющая малого бизнеса является основным негативным моментом. Многие предприниматели не в состоянии платить постоянно увеличивающиеся налоги, а потому вынуждены скрывать какую-то часть своего дохода. Государство постоянно обещает реформировать систему налогообложения и снизить давление на малый бизнес, однако все заявления остаются лишь формальностью и не находят дальнейшего развития. Одни компании не выдерживают налогового бремени и сворачивают свою деятельность, а другие уклоняются от уплаты налогов, используя различные серые схемы и рискуя понести за это уголовную ответственность;

б) ненадежные партнеры. Некоторые фирмы начинают сотрудничество с компаниями, занимающимися теневыми махинациями;

в) недоверие со стороны кредиторов. Сложности с получением кредитов заставляют многие малые предприятия уходить с рынка. Приоритетным направлением банковской сферы является кредитование крупного и среднего бизнеса;

г) штрафы. Как правило, контролирующие органы появляются на предприятии в самый неподходящий момент. Предприниматели пытаются договориться с проверяющими организациями, обещают исправить ошибки, но многим это не удается. В результате им начисляются крупные штрафы, которые иногда доводят компанию до банкротства.

Прогнозирование возможных рисков – это достаточно сложный вопрос. Сейчас многие компании обращаются за помощью к специалистам в данной сфере, которые с помощью различных современных методик выявляют все возможные риски и предлагают пути их снижения. Только правильные действия способны сохранить имидж компании и улучшить ее эффективность¹. Проанализировав понятие риск, его классификацию и влияние факторов рисков на предприятия, следует сделать вывод, что существует большое разнообразие факторов рисков и следует учитывать индивидуальную применимость различных методов по снижению влияния рисков для каждого конкретного предприятия. В зависимости от отрасли функционирования и сочетания внутренних и внешних факторов, хозяйствующему субъекту нужно выработать свою собственную стратегию по регулированию рисков, которая окажет наиболее положительное воздействие на дальнейшее существование предприятия.

¹ Информационный портал Temabiz.com. URL : <http://www.temabiz.com/pol-publ/riski-malogo-biznesa.html>.

Библиографический список

1. Киселица Е. П., Алиева Д. Р., Растамханова Л. Н. Технология управления рисками на малых предприятиях // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2011. № 11.
2. Чалдаева Л. А. Оценка рисков бизнес-процессов предприятий малого и среднего предпринимательства на основе сравнительного анализа и алгоритмического моделирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 35(173).

L. Grandjean

Ruhr-Universität Bochum, Germany

Digital Business Models for Industrial Product-Service Systems in the Context of Industry 4.0

Abstract. Industrial product-service systems (IPSS) are an opportunity for differentiation for companies in mechanical engineering. Due to their holistic character, they are offered in tailored IPSS-business models. These IPSS-business models determine the value proposition and all the processes required for fulfilling it. The emerging concept of Industry 4.0 enables fundamentally changes regarding the offering of IPSS. IPSS evolve into smart IPSS, which enable new value propositions and corresponding processes. Therefore, IPSS-business models need to be adapted towards digital business models for smart IPSS. Based on the Business Model Canvas, this paper systematically analyses the special features of digital business models for smart IPSS and the potential benefits for its providers and customers.

Keywords: industrial product-service systems; business models; Business Model Canvas; Industry 4.0; cyber-physical systems; Internet of things and services.

1. Introduction

Many producers of high-tech products from mechanical engineering try to remain competitive by means of differentiation [8]. Therefore, they customize their products by offering product-related services (servitization) [15]. In this context, the concept of industrial product-service systems (IPSS) plays an important role to fully take advantage of all synergy effects, which arise by jointly offering products and services. In order to offer a holistic and tailored solution by means of IPSS specific IPSS-business models are necessary [8].

Concurrently, IPSS-providers are facing a new technology-driven trend, namely Industry 4.0, which contributes to a new form of industrial

value creation via digitization. Therefore, it is often referred to as Industrial Internet or the Fourth Industrial Revolution [4; 6; 7].

Regarding IPSS and IPSS-business models, Industry 4.0 provides new opportunities and challenges. By using new technologies like cyber-physical systems (CPS) and the internet of things and services (IoTS), IPSS evolve into smart IPSS, which have advanced features. However, to exploit the full potential of smart IPSS, digital business models are required. Therefore, an in-depth analysis of digital business models for smart IPSS is presented. By using the structure of the Business Model Canvas the opportunities in the context of industry 4.0 are pointed out [5; 6; 10–13].

2. Theoretical Background

2.1. IPSS and IPSS-Business Models

For a detailed explanation of IPSS-business models, IPSS itself and business models in general need to be described firstly. IPSS are defined as customized solutions, consisting of an integrative combination of a physical core product (e. g. a production facility) and corresponding services (e. g. the maintenance of the production facility) in business-to-business applications. Further, IPSS are characterized by a lifecycle, which comprises their integrated planning, development, provision and operation [2; 8]. Since this lifecycle is multi-annual, this leads to a long-term business relationship between IPSS-provider and customer. During this lifecycle, the customer's needs are subject to change and according to this, IPSS have to be dynamically adapted. These aspects influence the characteristics of business models for IPSS [3; 12].

Although business models in general are widely discussed in literature, so far there is no consensus [1; 14]. In the following the definition and structure of the Business Model Canvas according to [10] is used. Consequently, a business model is defined as a simplified description of a company's fundamental value creation. For an in-depth view, it is divided into nine interlinked partial models. Each of them refers to a certain aspect of the value creation of the company [10]:

- the partial model value proposition concentrates on the certain value offered for the company's customers;

- the partial model customer segments defines the target group for the value proposition;

- the way how the company reaches its customers is regarded in the partial model channels;

- the partial model customer relationships describes the design of the relationships with the customers;

- value creation partners are often needed to fulfil the value proposition. They are looked at in the partial model key partnerships;

the partial model revenue streams considers how customers pay for the value proposition;

the relevant costs are in the focus of the partial model cost structure;

the partial model key activities comprises the various activities, which are necessary to fulfil the value proposition;

analogously, the partial model key resources comprises the various resources, which are necessary to fulfil the value proposition.

Due to the long-term lifecycle and the potential changes of the tailored IPSS, each IPSS is an unique solution for a certain customer. Further, an IPSS-business model does not focus on a delivering a physical product, but to fulfil a certain value proposition. Hence, an IPSS-business model comprises the individual value proposition and the concrete features of an IPSS for a certain customer. For this purpose, an IPSS-business model defines the processes needed to comply with the value proposition and the distribution of responsibilities for these processes between customer and IPSS-provider [3; 12].

2.2. Influence of Industry 4.0 on IPSS and IPSS-business models

Industry 4.0 is a collective term, which encompasses a set of concepts and new technologies mainly in the range of the information and communication technology (ICT). These technologies lead to a digital transformation of the industrial value creation. Hence, a special characteristic of Industry 4.0 is the vertical and horizontal integration of business processes. On the one hand, processes are vertically connected within a certain company. On the other hand, processes are horizontally linked to those of all value creation partners, e.g. suppliers. The core idea of Industry 4.0 is to connect the physical world with the digital world. This provides opportunities for an independent, decentralised and inter-linked value creation. In this context, IoTS and CPS are considered to be particularly relevant [4; 6; 7].

The IoTS is a further development of the Internet and builds on the idea of linking all physical objects involved in the value creation, such as production facilities and products. The virtual representation of these physical objects makes them unambiguously identifiable at any time. Further, they can provide additional object-specific information, e.g. their location or operating status [4; 7; 13].

The IoTS is supported by CPS. CPS refer to physical systems that are extended by sensors, embedded systems and actuators [7; 13]:

sensors measure chemical or physical properties and transmit this information to the embedded systems;

embedded systems are hard and software components integrated in a machine that perform extensive control and data processing tasks. Thus, they represent autonomous microcomputers;

actuators convert the signals of the embedded systems into mechanical movement or other physical quantities (temperature, pressure).

In summary, CPS are able to gather information via sensors, store and evaluate them by means of embedded systems, influence real processes via actuators and communicate in a network. An example of a CPS in everyday life is a navigation system in a car, which uses GPS to get information about its environment (sensor), adapts its routes in the event of changing conditions (embedded system) and recommends actions to the driver (actuator) [13].

Using the new technological possibilities of Industry 4.0, IPSS evolve into smart IPSS. This in turn provides opportunities and challenges for its providers. Smart IPSS have additional Industry 4.0-modules, namely smart modules and connectivity modules [11]:

smart modules encompass microprocessors, software, data storage and sensors and thus, they are an embedded operating systems;

further, smart IPSS have connectivity modules like ports and protocols for wired or wireless machine-to-machine communication.

These Industry 4.0-modules enable smart IPSS to act autonomously. Further, the planning and controlling of smart IPSS is decentralised and flexibility in manufacturing is supported [7; 9]. These features lead to new value propositions and new processes to fulfil them. Hence, in order to realize the full potential of smart IPSS, digital business models are required [5; 13].

3. Structured Analysis of digital business models for smart IPSS

For a profound analysis of digital business models for smart IPSS every partial model is considered in detail (see figure). Additionally, the opportunities for smart IPSS-providers and customers are described [13]:

1) digital value proposition: The value proposition of smart IPSS is characterized by autonomy-orientation. In concrete terms, smart IPSS are able to control and monitor themselves autonomously via their Industry 4.0-modules [11]. Consequently, smart IPSS actively provide information on their operating status, e. g. time of the next wear-induced maintenance, and adapt autonomously to changing conditions. Beyond that, they are also capable of continuously improving their processes, e. g. in terms of energy consumption, and of communicating with products or other production facilities [5; 13]. These new features reduce costs for the smart IPSS-provider and the customer by means of a higher resource productivity and therefore, efficiency [7];

2) digital customer segments: The target group of smart IPSS mainly consist of technologically-oriented customers, who are interested in long-term business relationships. This target group prefers a solution that is technologically sophisticated. Therefore, these customers expect the smart

IPSS to initiate and perform their maintenance to a high degree on their own [5; 13];

Digital Business Models for smart IPSS	
<i>Digital Value Proposition</i> Autonomy-oriented	
<i>Digital Customer Segments</i> Technologically-oriented customers	<i>Digital Revenue Streams</i> Differentiated billings
<i>Digital Channels</i> Focus on machine-to-machine communication	<i>Digital Cost Structure</i> Focus on technological infrastructure
<i>Digital Customer Relationships</i> Interface-oriented	<i>Digital Key Activities</i> Autonomous services, decentralised control
<i>Digital Key Partnerships</i> Real-time exchange of information	<i>Digital Key Resources</i> Additionally: technological infrastructure

Digital Business Model for smart IPSS [5; 13]

3) digital channels: Smart IPSS communicate and interact autonomously with other production facilities and products. Consequently, the focus of this partial model lies on machine-to-machine communication. Smart IPSS are e. g. able to inform the other production facilities about their maintenance. So, the other production facilities can adapt to it, e. g. by adjusting their utilization level to prevent waiting times of products between the processing steps and the associated storage times. In doing so, storage capacities between different production steps can be reduced. This opens up potential for both the smart IPSS-provider and its customer to save resources, e. g. in terms of storage capacity and energy consumption [5; 13];

4) digital customer relationships: In Industry 4.0, communication within the business relationship is interface-oriented. This means, that the communication between smart IPSS-provider and customer is mainly carried out via standardized and common interfaces. The availability of real-time data enables the smart IPSS-provider to react almost promptly to changing customer requirements. Thereby, their relationship is intensified [9; 13];

5) digital key partnerships: Smart IPSS fundamentally change the business relationship with value creation partners. Data can automatically be exchanged in real-time via standardized interfaces. This leads to a close link with value creation partners (vertical and horizontal integration). In

addition, this enables value creation partners to react promptly to changing conditions [7; 9]. In case of maintenance, e. g. the value creation partners receive information about the time and duration of maintenance at an early stage and can make the necessary adjustments in their production planning. This reduces the need of manual coordination and prevents delays [13];

6) digital revenue streams: The new technical possibilities of smart IPSS also allow a transparent and differentiated billing. For example, smart IPSS provide information when they actually need to be maintained and which specific parts need to be replaced. In addition, the extensive value proposition in form of the autonomy-orientation increases customer's benefits. Thereby, new sources of revenue for the smart IPSS-provider are generated, e. g. in form of participation in the customer's resource savings through smart IPSS [3; 7];

7) digital cost structure: The cost structure of a digital business model is largely determined by the cost of building and implementing the necessary technological infrastructure. On the one hand, the acquisition costs for the hard- and software, e. g. sensors, actuators and data storage devices, are considered to be high [6]. On the other hand, the transaction costs for the distribution of information are considered to be low. E. g., there are hardly any additional costs for the automated query regarding the need to maintain smart IPSS [13];

8) digital key activities: The distinctive feature regarding this partial model is the decentralization of control and monitoring, which are carried out independently by smart IPSS [9]. Further, digital business models have broader activities resulting from the characteristics of Industry 4.0. These primarily comprise the continuous provision of all value creation partners with appropriate information (autonomous services). During maintenance, the smart IPSS reports which modules have to be replaced. This information can be forwarded directly to the appropriate supplier, who can promptly order the corresponding spare part. This avoids delays in maintenance due to waiting for the spare part [11; 13];

9) digital key resources: On the one hand, relevant resources are those for the provision of the products and services. On the other hand, the technological infrastructure for providing the new features of the smart IPSS is important. Particularly, the technological infrastructure comprises the hard- and software for the actuators and sensors as well as the embedded systems. Also, employees must be qualified in accordance with the new requirements, e. g. qualifications regarding mechanical engineering and information technology (human resources). A maintenance employee, e. g. must also be trained in the use of the smart IPSS software for the adaptation of the network configuration [5; 11; 13].

4. Conclusion

Industry 4.0 offers new potentials for IPSS-providers in the form of smart IPSS. However, smart IPSS require fundamentally changed digital business models. For a successful implementation of digital business models for smart IPSS, a detailed examination is essential. The analysis, which is structured into nine partial models, highlights the characteristics of digital business models for smart IPSS. In this context, the autonomy-orientation as a sophisticated value proposition is of particular importance. In addition, the potentials offered by smart IPSS for both the smart IPSS-provider and customer regarding cost and resource savings are highlighted. This systematic analysis provides valuable support for IPSS-providers on their way to Industry 4.0.

Literature

1. *Amit R., Zott C.* Value Creation in E-Business // Strategic Management Journal. 2001. Vol. 22.
2. *Baines T. S., Lightfoot H., Steve E., Neely A., Greenough R., Peppard J., Roy R., Shehab E., Braganza A., Tiwari A., Alcock J., Angus J., Bastl M., Cousens A., Irving P., Johnson M., Kingston J., Lockett H., Martinez V., Michelle P., Tranfield D., Walton I., Wilson H.* State-of-the-art in product-service-systems // Journal of Engineering Manufacture. 2007. Vol. 221, no. 10.
3. *Bosslau M.* Dynamic Business Models for Industrial Product-Service Systems // Proceedings of the 30th CIRP International Conference of the System Dynamics Society (13th PhD Colloquium, Plenary Session). St. Gallen, 2012.
4. *Burmeister Ch., Lüttgens D., Piller F. T.* Business Model Innovation for Industrie 4.0: Why the 'Industrial Internet' mandates a new perspective on innovation // Die Unternehmung. 2016. Vol. 70, no. 2.
5. *Grandjean L., Steven M.* Digitale Geschäftsmodelle für smart IPSS – Nutzenpotentiale für Anbieter und Kunden // Industrie 4.0 Management. 2017. No. 5.
6. *Iansiti M., Lakhani K.* Digital Ubiquity: How Connections, Sensors, and Data Are Revolutionizing Business // Harvard Business Review. 2014. Vol. 92, no. 11.
7. *Kagermann H., Wahlster W., Helbig J.* Recommendations for implementing the strategic initiative INDUSTRIE 4.0 – Final report of the Industrie 4.0 Working Group. April 2013.
8. *Meier H., Roy R., Seliger G.* Industrial Product-Service Systems-IPS² // CIRP Annals – Manufacturing Technology. 2010. Vol. 59, no. 2.
9. *Obermaier R.* Industrie 4.0 als unternehmerische Gestaltungsaufgabe: Strategische und operative Handlungsfelder für Industriebetriebe // Obermaier R. (Hrsg): Industrie 4.0 als unternehmerische Gestaltungsaufgabe – Betriebswirtschaftliche, technische und rechtliche Herausforderungen. Wiesbaden, 2016.
10. *Osterwalder A., Pigneur Y.* Business Model Generation. Frankfurt – New York, 2011.

11. *Porter M. E., Heppelmann J. E.* How Smart, Connected Products are Transforming Competition // Harvard Business Review. 2014. Iss. 11.
12. *Rese M., Meier H., Gesing J., Bosslau M.* An Ontology of Business Models for Industrial Product-Service Systems // Shimomura, Y. and Kimita, K. (Eds.): The Philosopher's Stone for Sustainability. Berlin/Heidelberg : Springer, 2013.
13. *Steven M., Grandjean L.* Digitale Geschäftsmodelle für industrielle Produkt-Service-Systeme im Kontext von Industrie 4.0 // Keuper F.; Schomann M., Sikora L. I., Wassef R. (eds.). Disruption and Transformation Management – Strategie, Prozesse und IT-Management, angenommen, 2017.
14. *Teece D.* Business Models, Business Strategy and Innovation // Long Range Planning. 2010. Vol. 43. Iss. 2–3.
15. *Vandermerwe S., Rada J.* Servitization of Business: Adding Value by Adding Services' // European Management Journal. 1988. Vol. 6, no. 4.

Финансовые и правовые аспекты инновационного развития территории

М. С. Марамыгин, И. В. Бахтович

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Криптовалюта, токены и блокчейн: реалии краудэкономики

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции развития краудэкономики, показано влияние информационных технологий на основные экономические процессы в обществе посредством блокчейна. Отмечены причины появления криптовалют, их отличие от токенов. Проанализированы подходы различных кругов властной вертикали России (рабочей группы Государственной Думы РФ, Центрального банка РФ, Министерства финансов РФ) к вопросу о признании криптовалют. Проведен обзор подходов правительств разных стран к вопросу легализации расчетов с применением криптовалют. Обоснован тезис о необходимости развития платёжных сервисов в технологиях криптовалют в России.

Ключевые слова: криптовалюта; токен; блокчейн; краудэкономика.

Одним из главных итогов технологического развития человеческой цивилизации в XX веке стало создание, развитие и повсеместное внедрение IT-технологий. Данный факт существенно повлиял на сложившийся тысячелетиями процесс цивилизационного развития, развивавшийся по пути увеличения посредников во многих социально-экономических процессах. В реалиях современной жизни не только существенно меняется количество разнообразных посредников, но и выполняемый ими функционал. Неизмеримо возрастает возможность прямого общения большого числа индивидуумов ввиду прямого и свободного распространения информации, охватывающего неограниченный круг потенциальных партнеров. Данный процесс делает менее востребованным участие традиционных посредников во многих, в том числе и экономических, процессах. Результатом стало появление нового стандарта социально-экономических отношений, названных краудэкономикой.

Краудэкономика представляет собой экономику, формируемую толпой, массами отдельных индивидуумов, не имеющих формализованного объединительного начала. Такая экономическая модель основывается на системе децентрализованного распределения труда, материальных благ, финансовых и интеллектуальных ресурсов. Следует заметить, что в названной модели формирования социально-эконо-

мических процессов существенно снижается роль государства как основного регулятора экономики, организатора и модератора многих перераспределительных процессов, что делает данную модель недостаточно привлекательной для стран, политические модели которых основаны на тесном вхождении государственных, политических структур в систему экономических отношений.

Экономическая наука лишь начинает процесс изучения формирующейся краудэкономики, того влияния, которое она окажет на традиционно сложившиеся и будущие социально-экономические процессы [1; 3; 4]. Однако уже сейчас можно выявить ряд тенденций, которые не способствуют данному процессу: перегретые финансовые рынки; продолжающиеся функционирование финансовые пирамиды; уязвимость сохранности персональных данных собранных многочисленными финансовыми и прочими посредниками. Следствием этих проблем является массовое недоверие к протекающим в российской экономике социально-экономическим процессам, ожидание со стороны потребителей фактов мошенничества и злоупотреблений, а это, в свою очередь, порождает потребность в «сильной руке» в виде государства, способной навести порядок и предотвратить проблемы в будущем. При этом общество видит инертность и неповоротливость государственной машины, серьезное отставание от складывающейся реальности и несвоевременную реакцию на появляющиеся угрозы и экономико-социальные несоответствия. Ответом на сложившуюся ситуацию является реакция бизнеса, старающегося сформировать новую архитектуру экономико-социальных отношений и взаимосвязей [8]. Результатом столь сложных и противоречивых тенденций и является появление такого феномена как краудэкономика.

Еще одним существенным трендом развития цивилизационной модели современного общества можно считать повышение значимости креативных решений и возрастание темпов изменения сложившихся общественных и социо-культурных связей. Данный тренд поддерживается и развивается в модели краудэкономики, способствуя повышению доступности финансовых ресурсов, направляемых для реализации новых инвестиционных проектов, создания новых продуктов, технологий, услуг, сервисов и иных новаций. Потребитель же, участвуя в процессе финансирования инвестиционного процесса, фактически «подсказывает» компаниям-заемщикам направление развития, пути улучшения сервисов и продуктовой линейки, формируя предварительный заказ на создание будущего потребления. Как результат – значительное сокращению дистанции между производителем и потребителем!

Краудэкономика – проявление революционной смены парадигмы общественного развития, затрагивающей не только к экономические

процессы, но так же актуальной для социальных, политических, технологических аспектов развития современного социума. Для индивидуума она несет возможность для полной самореализации с одновременным ростом ответственности за свой выбор.

Внедрение модели краудэкономики в сочетании с развитием информационных технологий повлекло существенное изменение такого важного экономического феномена как деньги. Появившиеся на самых ранних стадиях развития современной цивилизации, деньги прошли длительный эволюционный путь. Каждый этап этого пути своеобразен, уникален и обладает существенными отличительными чертами, но при этом всегда выдерживался основной тренд развития – рост скорости обращения денег с одновременным повышением доступности инструментов платежа.

Последние годы, достаточно активно развивается среда блокчейна и рожденные ею криптовалюты. Можно отметить, что до определенного момента эти достижения цивилизации существовали достаточно обособленно от рыночных реалий, не вторгаясь в социально-экономические основы современного общества. Однако в конце первого десятилетия XXI века названные технологии захватывают все более существенные сегменты общественной жизни, проникая во все финансовые взаимоотношения [2]. Что же понимается под такими понятиями как блокчейн, криптовалюты и токены.

Под блокчейном мы понимаем двойственную парадигму. Во первых, выстроенную по определенным правилам непрерывную последовательную цепочку блоков, содержащих информацию. Данная технология развивается с конца XX века и является результатом развития IT-революции [5]. Однако можно говорить о блокчейне и как о криптографически защищенной, децентрализованной базы данных, формируемых из последовательности блоков данных, где децентрализация реализуется с помощью одноранговой сети, участники которой хранят копии файла блокчейн, синхронизируемых с помощью алгоритма консенсуса и при создании каждого нового блока.

Рассматривая новые инструменты расчетов следует различать такие понятия, как криптовалюта и токен. Если криптовалюта – это платежное средство используемое и как средство покупки товаров и услуг, и как инвестиционный актив, способный приносить прибыль ввиду изменения курсовой цены в фиатных (или иных нефиатных) деньгах [3; 4], то токен это скорее определенный аналог ценной бумаги, акции, то есть отражает владение долей в компании. Для осуществления расчетов (либо просто владения) криптовалютой необходимо создать отдельный криптокошелек. Для владения токеном этого не тре-

буется, он привязан к кошельку платформы на которой был выпущен. Выпуск производится через проведение процедуры ICO.

Появление столь революционных инструментов расчетов и инвестирования как криптовалюта и токен показало существенное отставание системы регулирования финансовых операций от складывающихся реалий проведения данных операций [6; 7].

Следует заметить, что монетарные власти и правительства стран реализуют весьма различную стратегию в организации денежного обращения в стране применительно к новым инструментам обращения и платежа. Если цифровые токены классифицируются как ценные бумаги, а ICO приравнено к IPO, то применительно к самим криптовалютам нет единства в определении их правового статуса.

Наиболее консервативная предполагает запрет и уголовную ответственность за использование криптовалют. Например, Китай, Бангладеш. Жесткую позицию по отношению к криптовалютам занимают монетарные власти России¹.

В целом следует заметить, что отношение российских монетарных властей и иных (в том числе законодательных) структур крайне разнообразно, а иногда даже противоречит друг другу. К осени 2017 г. нет единого мнения в отношении определения криптовалют в правовом поле. Этот «правовой вакуум» очень сильно тормозит многие российские проекты, вследствие чего они вынуждены выбирать более лояльные (но, как правило и более дорогие) варианты реализации. Доподлинно известно, что большинству блокчейн стартапов, развивающихся в современном мире задействованы российские специалисты, уехавшие с родины. Для России это не только отток капитала, но и потеря перспективных и талантливых специалистов.

Анализ высказываемых позиций по отношению к криптовалютам и блокчейну позволяет выделить три основные позиции власти.

В первую группу можно включить представителей Центрального Банка и саму Э. Набиуллину. В информации от 4 сентября 2017 г. подтверждена неизменность позиции, занимаемой Банком России с 2014 г.² В частности заявлено, что, «Совместно с заинтересованными федеральными органами государственной власти Банк России осуществляет мониторинг рынка криптовалют и вырабатывает подходы к опреде-

¹ *Об использовании* криптовалют : информационное сообщение от 6 февраля 2014 г. / Федеральная служба по финансовому мониторингу. URL : <http://www.fedsfm.ru/news/957>.

² *Об использовании* частных «виртуальных валют» (криптовалют) : информационное сообщение Центрального банка Российской Федерации (Банка России) от 4 сентября 2017 г. URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=04092017_183512if2017-09-04T18_31_05.htm (дата обращения: 01.10.2017).

лению и регулированию криптовалют в Российской Федерации». Однако сама Эльвира Набиуллина заявляла не раз, что «в механизме использования криптовалют есть признаки финансовой пирамиды, а активные расчеты цифровыми деньгами создадут риск подрыва денежного обращения». С ее слов легализации криптовалюты в ближайшее время не предвидится¹. С подобным взглядом согласен и Алексей Кудрин².

Однако следует отметить, что письмо от 4 сентября имеются некоторые намеки на смягчение жесткой позиции Банка России. Так, если ранее продажа товаров или услуг в обмен на криптовалюту рассматривалась как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций, то сейчас «Банк России считает преждевременным допуск криптовалют, а также любых финансовых инструментов, номинированных или связанных с криптовалютами, к обращению и использованию на организованных торгах и в расчетно-клиринговой инфраструктуре на территории Российской Федерации для обслуживания сделок с криптовалютами и производными финансовыми инструментами на них». Из этого можно сделать вывод, что позиция смягчилась по отношению к криптовалютам при их участии в расчетных операциях.

Вторая группа экспертов России, высказывающих обоснованные позиции по отношению к легализации криптовалют, представлена в Министерстве Финансов РФ. Так, заместитель министра финансов РФ Алексей Моисеев заявил: «Позиции ведомств не сблизились. Пока мы занимаемся легализацией скорее блокчейна с точки зрения его как механизма оформления данных с тем, чтобы информация, которая хранится в блокчейне, имела такую же юридическую силу, как информация, которая хранится сейчас в других формах»³.

Ранее министерство финансов РФ предлагало предоставить Московской бирже монопольное право на проведение торгов криптовалютами. Однако пока данное нововведение не реализовано.

Третья позиция, наиболее лояльная к перспективе легализации операций с криптовалютами в России высказывается рабочей группой по оценкам рисков оборота криптовалюты при Государственной Думе РФ, возглавляемой Элиной Сидоренко. Общий настрой представите-

¹ *Набиуллина* заявила об «опасности криптомании». URL : <http://www.rbc.ru/finances/14/09/2017/59ba53ae9a794762264bf471> (дата обращения: 01.10.2017).

² *Биткоин* как финансовая пирамида: как закончится майнинговая лихорадка. URL : <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/07/31/727052-bitcoin-piramida> (дата обращения: 01.10.2017).

³ *Правительство* займется регулированием криптовалют после легализации блокчейна. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/3421787> (дата обращения: 01.10.2017).

лей законодательной власти России весьма оптимистичен и рассматривает возможность принятия японского опыта, предполагающего что рынок должен подстраиваться под закон, а закон должен отражать потребности рынка. А для этого при принятии закона о криптовалютах необходимо учесть широкий спектр настроений и интересов, сложившихся в обществе. По такому пути, как нам представляется, и должна вестись работа под руководством Элины Сидоренко, отражая и объединяя интересы обменных площадок, майнеров, инвесторов, создателей ICO и трейдеров. Однако на данный момент «В инициативную группу входят представители государственной думы, в том числе автор инициативы, депутат Андрей Луговой. Мы также сотрудничаем с другими комитетами Госдумы. Кроме этого, в группе есть представители Центробанка РФ и Росфинмониторинга. Вопросы технической стандартизации мы, несомненно, будем рассматривать в обязательном сотрудничестве с ФСБ, потому что проблемы криптографии находятся в сфере их компетенции»¹. Предполагается, что данная рабочая группа должна подготовить законодательную трактовку и такого важного понятия, как «цифровой актив», что «позволило бы снять многие вопросы, понятие «актива» в российском праве довольно широкое, оно дает нам место для маневра. В частности, в понятие актив входят деньги, ценные бумаги, товар, производные финансовые активы, и мы могли бы пятым пунктом включить понятие криптовалюты как цифрового актива»².

Российский подход к криптовалютам отличается жесткостью в неприятии к реальным расчетным операциям. Данный подход разделяется и рядом других стран (Китай, Бангладеш и др.). Однако чаще реализуется более мягкий, прагматичный подход [3].

Более мягкая позиция предполагает, частичные ограничения операций, поиск путей сочетания фиантных и нефантных инструментов обращения. Так, правительство Испании выпустило новые правила, которые официально признают электронную платежную систему, использующую Bitcoin. Правительство королевства Таиланд, первоначально отрицательно относившееся к криптовалютам, признала их использование законным. А по сообщению Центрального банка Эквадора, в ближайшее время планируется выпуск государственной виртуальной валюты для граждан страны, которая позволит гражданам делать платежи, используя мобильные телефоны, что приведет к сни-

¹ Элина Сидоренко: нет смысла принимать закон о криптовалютах, который будет останавливать бизнес. URL : <https://forklog.com/elina-sidorenko-net-smysla-prinimat-zakon-o-kriptovalyutah-kotoryj-budet-ostanavlivat-biznes/> (дата обращения: 01.10.2017).

² Устали ждать: когда появится закон о криптовалютах. URL : <https://www.if24.ru/kogda-primut-zakon-o-kriptovalute> (дата обращения: 01.10.2017).

жению транзакционных расходов. В Калифорнии принят закон, который официально признает легитимность «частных валют». Частичное ограничение операций в криптовалютах действует в Индии и Канаде¹.

Политика прагматичного реализма, предполагает включение нефинантных инструментов в расчетную систему, определение для них правового поля². Данная позиция свойственна Евросоюзу, в котором феномену виртуальных денег отводится существенное внимание, а первые серьезные правовые решения стали прорабатываться еще в начале 2000-х годов³.

Наиболее прогрессивный подход к криптовалютам реализован в Сингапуре и Японии. Так, решением властей Японии операции с криптовалютами в стране разрешены с апреля 2017 г. Данные инструменты приравнены к платежному средству, но с оговорками проведение платежей по криптовалюте ограничено 200 000 йен (примерно 1 800 дол.) без подтверждение личности. При больших суммах необходимо верифицироваться и подтверждать личность. Компаниям, занимающимся обменными операциями с криптовалютой, необходимо получать лицензию, они обязаны создать мощную компьютерную систему, обеспечивающую стабильную работу биржи, соблюдать нормы по борьбе с отмыванием денег, а также обеспечивать идентификации личности. Стоит отметить что Япония занимает лидирующую позицию по объему операций с криптовалютой (около 50 % операций с биткоином). До

¹ *Directive (EU) 2015/849 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, amending Regulation (EU) № 648/2012 of the European Parliament and of the Council, and repealing Directive 2005/60/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directive 2006/70/EC; Directive 2009/110/EC of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009 on the taking up, pursuit and prudential supervision of the business of electronic money institutions amending Directives 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 2000/46/EC; Virtual currency schemes. European Central Bank, 2012; CNBC. URL : <http://www.cnbc.com>.*

² *Mills D. Virtual Currencies: What's New? Virtual Currencies: The Legal and Regulatory Challenges / Global Forum on Law, Justice and Development. Washington, DC : World Bank Headquarters. 2013. URL : <http://globalforumljd.org/press/2013/world-bank-forum-weighs-pros-cons-virtual-currencies> (дата обращения: 01.10.2017); Robleh A., Barrdear J., Clews R. J. Southgate Innovations in Payment Technologies and the Emergence of Digital Currencies // Bank of England Quarterly bulletin. 2014. Vol. 54, no. 3.*

³ *Directive (EU) 2015/849 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, amending Regulation (EU) № 648/2012 of the European Parliament and of the Council, and repealing Directive 2005/60/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directive 2006/70/EC; Directive 2009/110/EC of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009 on the taking up, pursuit and prudential supervision of the business of electronic money institutions amending Directives 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 2000/46/EC.*

нее это место занимало США, но после запрета криптовалют и ICO в Китае, инвесторы массово перешли на рынок Японии, что и обеспечило данное лидерство.

Если проанализировать позицию США по рассматриваемому вопросу, то можно отметить, что в данной стране, как и в Австралии, криптовалюты приравнены к ценным бумагам. Однако отмечается, что, это не окончательное решение и законодательство будет меняться при возникновении всякого рода прецедентов. Комиссия по ценным бумагам и инвестициям Австралии (ASIC) недавно выпустила документ, в котором прописала правовые нормы при проведении ICO. Отмечается, что определение токена выпущенного при проведении ICO будет зависеть от структуры проекта. «В некоторых случаях эмитенты ICO предоставляют вкладчикам права на получение (приобретенной) услуги. Однако, если ценность цифровых монет зависит от совокупности инвестиций вкладчиков и использования этих инвестиций в соответствии с заявленными целями, то проведение ICO, вероятнее всего, подпадает под требования законодательства об управляемых инвестиционных схемах. Это случается, когда эмитенты ICO продвигают цифровую валюту в качестве инвестиции». Как отмечается в документе, закон «О корпорациях» предполагает «ряд обязательств по регистрации и лицензированию» в случае, если ICO подпадает под определение «управляемой инвестиционной схемы»¹. Кроме этого, если ICO предлагает финансовый продукт, ему нужно будет получить рыночную лицензию на выпуск токенов.

И в завершении хотелось бы отметить, что в настоящее время Россия имеет шанс занять свое уникальное, а, возможно, и лидирующее место в крипто индустрии. Однако для этого необходимо действовать очень осторожно, создавая специальные точки роста, в которых можно было бы проводить исследования и эксперименты с блокчейн технологией, анализируя их и оценивая возможные последствия от их массового применения.

Библиографический список

1. *Жаврид М. С.* Краудэкономика как экономика будущего // Актуальные проблемы финансов и кредита на современном этапе развития экономики : сб. материалов I Межвуз. науч. конф. студентов специалитета, бакалавриата и магистратуры. Воронеж : Изд.-полигр. центр «Научная книга», 2016.

¹ *Власти Австралии определились с правилами проведения ICO.* URL : https://arb.ru/b2b/news/vlasti_avstralii_opredelilis_s_pravilami_provedeniya_ico-10150196/ (дата обращения: 01.10.2017).

2. *Коречков Ю. В., Целищев П. Б.* Экономическая эффективность использования криптовалют в современной экономике // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. № 6.

3. *Марамыгин М. С., Прокофьева Е. Н., Маркова А. А.* Сущность электронных денег, преимущества и недостатки // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2016. № 1.

4. *Марамыгин М. С., Прокофьева Е. Н., Маркова А. А.* Экономическая природа и проблемы использования виртуальных денег (криптовалют) // Известия Уральского государственного экономического университета. 2015. № 2(58).

5. *Молокин А. С., Севанько А. М.* Блокчейн как инструмент транзакций в системах криптовалют // Финансы, деньги, инвестиции. 2016. № 2(58).

6. *Степанова Д. И., Николаева Т. Е., Иволгина Н. В.* Особенности организации и направления развития криптовалютных платежных систем // Финансы и кредит. 2016. № 10.

7. *Трубникова Е. И.* Криптовалюты: Инструмент теневых схем или денежная система свободного общества // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 6.

8. *Yuzvovich L., Knyazeva E., Mokeeva N., Avramenko E., Maramygin M.* Impact of financial globalization on banking risks // American Journal of Applied Sciences. 2016. Vol. 13, no. 4.

Бюджет и бюджетное планирование в регионе в контексте задачи опережающего развития (на примере Свердловской области)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования бюджета субъекта РФ как инструмента стимулирования опережающего развития, с одной стороны, и как ограничителя опережающего развития – с другой стороны. Подчеркивается, что бюджет субъекта РФ является важным элементом системы мер, реализуемых в регионе и направленных на обеспечение устойчивого развития, решение актуальных проблем и эффективную деятельность в течение длительного времени. Как инструмент стимулирования, бюджет субъекта РФ базируется на применении системы налоговых льгот и комплекса государственных программ. Как ограничитель опережающего развития, бюджет субъекта РФ характеризуется дефицитом, ведущим к возникновению государственного долга и отвлечению средств на его обслуживание, недостаточным объемом доходов (в структуре которых преобладают федеральные налоги, а роль региональных налогов существенно меньше), зависимостью от федеральных трансфертов, перегруженностью социальными расходами и колебаниями в объемах финансирования государственных программ, направленных на развитие региона. Выдвинутые теоретические положения раскрыты на базе аналитических показателей, характеризующих областной бюджет одного из крупнейших регионов РФ – Свердловской области.

Ключевые слова: субъект РФ; опережающее развитие; стимулирование; ограничитель.

Появление в Российской Федерации территорий опережающего развития – ТОР – связано с реализацией государственной политики по развитию регионов на основе стимулирования предпринимательской деятельности и привлечения инвестиций. Такие территории «служат для повышения конкурентоспособности экономики на международном и межрегиональном уровнях, для стимулирования... приоритетных отраслей промышленности и сферы услуг, а также для расширения экспорта» [2, с. 52]. Создание и функционирование ТОР основано на федеральном законе от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ. Подобные территории следует рассматривать как пример пространственной трансформации региона, которая призвана способствовать «устойчивому социально-экономическому развитию, обеспечить достижение стратегических целей социально-экономического развития регионов и страны в целом» [1, с. 180].

В контексте необходимости решения задачи опережающего развития в целом субъектов Федерации, входящих в состав Уральского

федерального округа, и Свердловской области – в частности, важным вопросом является вопрос обеспечения указанной задачи финансовыми ресурсами. Традиционно для развития территории рассматриваются два вида ресурсов: собственные и привлеченные. К последним относятся средства, как правило, крупных инвесторов, вкладывающих средства в определенные региональные проекты, с целью получения прибыли. Собственные ресурсы субъектов РФ сосредоточены, главным образом, в региональном бюджете, формирование которого (бюджетное планирование) осуществляется органами государственной власти региона.

На наш взгляд, бюджет субъекта Федерации в контексте задачи опережающего развития следует рассматривать одновременно в двух аспектах:

1. Как *инструмент опережающего развития*. В этом плане средства бюджета субъекта РФ, прежде всего, направляются на реализацию государственных программ региона, способствующих опережающему развитию – в сфере промышленности, транспорта, малого и среднего бизнеса, туризма и пр. Программный принцип формирования применяется в отношении всех видов расходов бюджета субъекта РФ, однако именно в плане программ, обеспечивающих развитие, этот принцип обеспечивает максимальные результаты – достижение необходимого уровня развития экономики региона, решение актуальных проблем и эффективную деятельность в течение длительного времени.

Также отметим, что в рамках бюджета субъекта РФ ведется деятельность по установлению налоговых льгот для хозяйствующих субъектов, привлекаемых для организации деятельности на территории региона как территории опережающего развития. Собственно, именно налоговые льготы являются ключевым стимулом для инвесторов, рассматривающих варианты ведения деятельности в том или ином регионе, в той или иной зоне опережающего развития. Поскольку предоставление льгот означает для бюджета субъекта РФ потерю финансовых ресурсов с последующей компенсацией в виде роста поступлений от деятельности хозяйствующих субъектов, крайне важно сопоставлять указанные потери и указанные компенсации (дополнительные доходы).

2. Как *ограничитель опережающего развития*.

Прежде всего, глобальной и очевидной характеристикой регионального бюджета, позволяющей оценивать его с позиции опережающего развития как ограничитель, является дефицит. Отрицательное соотношение между доходами и расходами не всегда само по себе является отрицательным обстоятельством; наоборот, если допустить, что причиной дефицита является значительный рост расходов на под-

держку региональной промышленности, инфраструктуры, транспорта и т. п., дефицит можно рассматривать как возможность для опережающего развития. Но опасность любого дефицита в том, что он всегда означает привлечение источников финансирования, которые в будущем создают дополнительную нагрузку на бюджет субъекта РФ, отвлекая средства от важных расходов на обеспечение выполнения обязательств перед кредиторами.

Сдерживает опережающее развитие региона такая характерная для всех региональных бюджетов черта как недостаточный объем доходов. Это обстоятельство не позволяет оказывать существенное воздействие на уровень экономического развития региона, активно участвовать в реализации крупномасштабных программ и проектов, направленных на опережающее развитие.

В связи с вышеуказанным обстоятельством, необходимо отметить, что ограничивает возможность активного влияния бюджета субъекта РФ на решение задачи опережающего развития территории такая особенность структуры доходов региональных бюджетов, как недостаточная доля поступлений от региональных налогов в структуре доходов бюджета субъекта РФ, отсутствие норматива отчислений по НДС, недостаточные нормативы закрепления ряда других федеральных налогов. Эта особенность вытекает из действующего бюджетного законодательства РФ.

Отмечая такую присутствующую в региональных бюджетах особенность, как зависимость от межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, подчеркнем, что это касается различных регионов в различной степени и зависит от вида трансфертов.

В частности, значительный объем федеральных дотаций характеризует регион как обладающий низкой бюджетной обеспеченностью, что является следствием недостаточного экономического развития и (или) высокой стоимости товаров, работ, услуг, связанных с объективными характеристиками субъекта РФ. Такие регионы, действительно, ограничены в возможности собственного и тем более – опережающего развития (но благодаря дотациям могут функционировать на базовом уровне). Зависимость от федеральных субсидий можно оценивать как фактор, ограничивающий опережающее развитие региона, в том контексте, что для получения субсидий субъект РФ должен обосновать на федеральном уровне необходимость их получения, тогда как при наличии большего объема закрепленных налоговых доходов (особенно федеральных налогов) субъект РФ мог бы самостоятельно, без участия государства, решать многие вопросы в целях опережающего развития. С другой стороны, если субсидии связаны с реализацией на территории субъекта РФ крупных программ и проектов,

направленных на развитие региона, это можно рассматривать как дополнительный положительный момент в стратегии развития региона, поскольку без участия РФ сам субъект смог бы направить на финансирование данных программ и проектов гораздо меньшую сумму средств.

Касаясь расходной части регионального бюджета, в качестве особенности, ограничивающей влияние бюджета субъекта РФ на решение задачи опережающего развития территории, в качестве основной особенности следует отметить перегруженность расходной части бюджета социальными (текущими) затратами; эта особенность – при безусловной важности и приоритетности данного направления – сдерживает активное использование регионального бюджета как инструмента опережающего развития. Для вливания значительных средств в важные для региона экономические проекты необходимы существенные ресурсы; в сочетании с ограниченностью доходов перегруженность социальными расходами в большинстве случаев отвечает отрицательно на вопрос, есть ли такие существенные ресурсы в конкретном субъекте Федерации.

Колебания объемов финансирования государственных программ, содействующих опережающему развитию региона, также следует трактовать как особенность регионального бюджета как ограничителя опережающего развития территории. Подобные колебания объективно могут быть связаны с описанными выше характеристиками – нехваткой доходов, дефицитностью бюджетов, перегруженностью социальными обязательствами – но, независимо от причины, приводят к нивелированию ранее достигнутых результатов по реализуемым программам, и, следовательно, к снижению степени решения задачи опережающего развития территории.

Отметим, что важность учета состояния бюджета субъекта РФ напрямую связано с установлением взаимоотношений органов власти региона и инвесторов при создании и функционировании территорий опережающего развития. Например, в научной литературе активно обсуждаются варианты финансирования и реконструкции необходимых объектов инфраструктуры в границах территории опережающего развития «за счет средств инвесторов с последующей компенсацией таких расходов за счет дополнительных доходов бюджетной системы РФ, полученных вследствие развития такой территории, после окончания строительства и ввода объектов инфраструктуры в эксплуатацию» [4, с. 110].

Рассматривая в качестве примера Свердловскую область, отметим, что областной бюджет на 2017–2019 гг. является яркой иллюстрацией того, что одновременно является и инструментом, и ограничите-

лем для опережающего развития региона. Уточним, что важность исследования данного вопроса на примере указанного региона обусловлена тем, что Свердловская область вместе с Челябинской и Курганской областями [3, с. 53] является элементом зоны (территории) опережающего развития – Уральской промышленной зоны, а совместно с ЯНАО и ХМАО – к зоне опережающего развития «Восточный склон Урала».

Прежде всего, как инструмент опережающего развития, областной бюджет предусматривает финансирование ряда государственных программ, направленных на развитие региона с учетом его конкурентных преимуществ. Как следует из долгосрочного прогноза социально-экономического развития Свердловской области до 2030 г., важнейшими конкурентными преимуществами области являются: мощный промышленный комплекс, наличие богатых запасов минерально-сырьевых ресурсов, развитая транспортная и коммуникационная инфраструктура¹. В связи с этим, в структуре расходов областного бюджета предусматриваются средства на реализацию следующих государственных программ:

«Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области»;

«Повышение инвестиционной привлекательности Свердловской области»;

«Развитие транспорта, дорожного хозяйства, связи и информационных технологий Свердловской области».

Благодаря комплексному подходу к решению задачи опережающего развития, помимо совокупности перечисленных государственных программ, в регионе предусмотрены определенные налоговые льготы субъектам бизнеса. Это относится к важнейшему налогу на финансовые результаты деятельности – налогу на прибыль организаций, а также налогу на имущество организаций, входящему в состав расходов.

Объективно следует признать, что областной бюджет Свердловской области подтверждает описанные выше признаки бюджета субъекта РФ – ограничителя опережающего развития региона. Прежде всего, бюджет рассматриваемого региона характеризуется дефицитом (на 2017 г. – 11,2 млрд р. при объеме доходов 188,2 млрд р.), что, однако не является в какой-либо степени критической величиной. Также на 1 января 2018 г. размер государственного долга области должен до-

¹ Об утверждении долгосрочного прогноза социально-экономического развития Свердловской области на период до 2030 г. : постановление Правительства Свердловской области от 23 октября 2015 г. № 979-ПП.

стигнуть 87,3 млрд р.; отметим, что данная величина сохранится с небольшими изменениями в течение следующих лет (по плану на 1 января 2020 г. – 87,8 млрд р.). Таким образом, можно сделать вывод о том, что при грамотном управлении дефицитом и государственным долгом заметного негативного влияния на реализацию проектов, обеспечивающих опережающее развитие, указанные характеристики областного бюджета не окажут.

Структура доходов областного бюджета Свердловской области не позволяет также подтвердить наличие в регионе такого признака бюджета – ограничителя опережающего развития – как зависимость от межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. Доля безвозмездных поступлений на 2017 г. должна составить по плану 7,3 %, причем из них подавляющая часть относится к федеральным субвенциям и субсидиям.

Однако такая характеристика, как недостаточная доля поступлений от региональных налогов в структуре доходов бюджета субъекта РФ, отсутствие норматива отчислений по НДС, недостаточные нормативы закрепления ряда других федеральных налогов, проявляется в полной мере. В структуре доходов областного бюджета на 2017 г. совокупная доля доходов от федеральных налогов составляет 70 %, при этом региональных – немногим превышает 15 %. В отношении федеральных налогов на уровне государства могут быть приняты решения об изменении нормативов отчислений не в пользу субъекта РФ (что и имело место в 2016 г. при планировании бюджета на 2017–2019 гг.). Фактически, Свердловская область ограничена в возможности воздействия на собственные экономические приоритеты развития, поскольку именно налоговые источники означают свободу субъекта РФ в принятии решений об использовании средств. Поступающие в регион субвенции связаны с реализацией федеральных законов и на решение задачи опережающего развития использованы быть не могут; в отношении субсидий следует отметить, что они в определенной степени влияют на развитие области, но при этом в обязательном порядке учитывается совокупность государственных интересов при определении цели использования и доли субъекта РФ в суммарном объеме финансирования по тому или иному направлению, предусматривающему субсидии.

В отношении расходов областного бюджета также отметим наличие особенности, характеризующей бюджет как ограничитель опережающего развития. Расходная часть перегружена социальными затратами (на 2017 г. удельный вес расходов на финансирование социальной сферы составит 66 %; объем социальных расходов практически в пять раз превышает объем затрат на финансирование раздела «Национальная экономика»).

Существенной особенностью плановых расходов областного бюджета являются колебания объемов финансирования двух из трех государственных программ, содействующих опережающему развитию региона. Так, по государственной программе «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области» объемы расходов снижаются с 445,0 млн р. в 2015 г. до 110,9 млн р. по прогнозу на 2019 г. По программе «Повышение инвестиционной привлекательности Свердловской области» финансирование в 2015 г. характеризовалось объемом 1 648,7 млрд р., тогда как по прогнозу на 2019 г. этот показатель должен составить 425,6 млн р. в 2018 г. (с увеличением в 2019 г. до 1023,2 млн р.). Государственная программа «Развитие транспорта, дорожного хозяйства, связи и информационных технологий Свердловской области» характеризуется достаточно стабильными объемами финансирования, предусмотренными в областном бюджете.

Таким образом, бюджет субъекта РФ, являясь важным звеном в контексте решения задачи опережающего развития, может быть рассмотрен как инструмент стимулирования опережающего развития и ограничитель опережающего развития. Для Свердловской области в меньшей степени, чем для других субъектов РФ, характерен ограничительный формат областного бюджета; однако в области непосредственно и во взаимоотношениях региона с федеральным центром необходимо предпринимать усилия, которые будут способствовать повышению стимулирующей роли бюджета региона и снижению воздействия ограничивающей роли. Это будет положительным образом влиять на решение задачи опережающего развития региона.

Библиографический список

1. *Балашова С. П., Сиротенко М. В.* Территории опережающего развития как пространственная трансформация социально-экономической системы региона. // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2016. № 10(144).
2. *Дудина О. И., Магомедова П. А., Османова Х. О.* Территория опережающего социально-экономического развития как способ повышения инвестиционной привлекательности регионов РФ // Агропродовольственная политика России. 2017. № 4(64).
3. *Самуйлов В. М., Парышев Д. Н., Харин В. В., Неволлина А. Д.* Роль зон опережающего развития Курганской области в дальнейшем прогрессе региона // Инновационный транспорт. 2014. № 2(12).
4. *Чаркина Е.С.* К вопросу об опережающем социально-экономическом развитии отдельных регионов России. // Управленческое консультирование. 2015. № 9.

О. В. Котова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург,

О. А. Воротилова

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград

Регионы в экономической системе России

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению привлекательности федеральных округов РФ. Авторы подробно остановились на экономических показателях УрФО. В процессе исследования выделены ключевые показатели экономического развития федеральных округов. Выделены регионы с сильной, устойчивой и возрастающей экономикой и регионы с постоянной, неизменяющейся экономикой. Предложены меры для поддержания и увеличения текущего уровня инвестиционной привлекательности региона, а также направления региональной инвестиционной политики.

Ключевые слова: региональная экономика; валовой региональный продукт; федеральные округа; промышленность региона; территория субъекта; инвестиции в основной капитал; инвестиционная привлекательность.

В условиях наблюдающейся тенденции глобализации и регионализации экономики, проявляющихся в повышении роли региональных условий и факторов, как на международном, так и на национальном уровнях, возрастает роль отдельных регионов Российской Федерации. Регионы конкурируют между собой, привлекая частные и государственные инвестиции, увеличивая размер валового регионального продукта, становятся «богаче». Но несмотря на это, каждому региону РФ присущи специфические, но в тоже время общие проблемы развития.

Важным направлением деятельности государства, является развитие региона как субъекта, обеспечивающего системное управление экономическими, социально-демографическими и экологическими процессами на определенной территории. Благодаря этому развитию предприятиям, находящимся на территории субъекта, будет легче получать доходы, осуществлять свою деятельность, обеспечивая тем самым рабочие места для населения и способствуя устойчивому росту экономики этого региона.

К округам с сильной и устойчивой и возрастающей экономикой можно отнести лишь Центральный, в котором сложились хорошие стартовые условия перехода к рынку и проводится активная поддержка со стороны федерального Центра. Северо-Западный, Южный, Приволжский и Уральский федеральные округа целесообразно отнести к группе с постоянной не изменяющейся экономикой, однако преобладание в их конечном выпуске продукции энерго-сырьевой специализации.

ции и старые виды индустрии резко снижают их позиции в ценовой конкуренции. Остальные округа тяготеют к третьей группе – экономически застывшим, чему способствует моноструктурность их производства и недостаточно развитый научно-технический потенциал.

Проведенная авторами группировка и общая характеристика сформулированных экономических проблем касается четырех ведущих федеральных округов России. Расположенные на одной четвертой части территории, данные округа выполняют поистине флагманскую роль в новой экономике России: на них приходится свыше 70 % совокупного ВРП страны. Поэтому проблемы и диспропорции, выявленные в хозяйстве данных округов, следует отнести к числу «сквозных», присущих экономике и других федеральных образований.

Одна из важнейших проблем развития экономического хозяйства Урала – техническое перевооружение и реконструкция промышленных предприятий, прежде всего металлургических и машиностроительных. Без этого в условиях рыночной экономики невозможно обеспечить конкурентоспособность, и как результат – востребованность продукции, выпускаемой его предприятиями. Стратегически важное значение для округа, учитывая его традиционную оборонную специфику, имеет реализация программ конверсии военно-промышленного комплекса.

Промышленность региона представлена отраслями, которые относятся к группе наиболее сильных загрязнителей. По загрязнению окружающей среды Урал находится на первых позициях среди районов Российской Федерации. На его долю приходится 46 % выбросов ртути, 40 % соединений хлора, 30 % фтористых соединений. Из 37 российских городов-главных загрязнителей атмосферы – 11 находится в данном округе. По объему выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и сброса загрязненных сточных вод Урал занимает второе место в общероссийской статистике¹.

Для того, чтобы дать полную характеристику региону, необходимо разделить рассматриваемые показатели на группы. Среди всех индикаторов устойчивого развития выделяются: группа экологических показателей (выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, текущие затраты на охрану окружающей среды и др.), экономические показатели (ВРП на душу населения, индекс цен, бюджетная обеспеченность, инвестиции в основной капитал на душу населения и др.) и социальные показатели (среднедушевые денежные доходы, коэффициент Джини, ожидаемая продолжительность жизни при рождении и др.). Авторы рассмотрели показатели экономической и социальной

¹ Полтарыхин А. Л., Сычева И. Н. Региональная экономика : учеб. пособие. М. : Альфа-М, 2016. С. 267.

групп для сравнения экономического состояния Уральского федерального округа с остальными территориями.

Основным источником финансовых ресурсов для обеспечения потребности в денежных средствах является произведенный валовой региональный продукт, за счет которого образуются фонды финансовых ресурсов, представляющие собой вещные формы финансовых отношений. Рейтинг регионов по объему ВРП в динамике представлен в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Объем ВРП в разрезе федеральных округов, млрд р.

Федеральный округ	2012	2013	2014	2015	Среднее значение
Центральный	17 432,3	19 160,9	20 866,4	22 713,9	20 043,4
Приволжский	7 864,3	8 474,7	9 185,5	9 916,1	8 860,1
Уральский	7 098,4	7 568,2	8 119,3	8 980,4	7 941,6
Сибирский	5 186,8	5 540,6	6 134,0	6 751,9	5 903,3
Северо-Западный	5 247,5	5 553,4	5 945,3	6 790,1	5 884,0
Южный	3 185,4	3 574,1	4 146,2	4 590,6	3 874,0
Северо-Кавказский	1 209,0	1 397,7	1 577,9	1 704,3	1 472,2
Дальневосточный	2 702,3	2 833,4	3 213,5	3 549,6	3 074,7

Примечание. Составлено по: Федеральная служба государственной статистики.
URL : <http://www.gks.ru>

УрФО по объему произведенных товаров и услуг на территории субъекта уступает Центральному федеральному округу, в котором сосредоточены все крупнейшие предприятия, а так же центральные филиалы многих российских предприятий. На втором месте находится Приволжский федеральный округ, так как здесь сосредоточено промышленное производство.

Также из табл. 1 видно, что динамика объема ВРП в каждом федеральном округе положительная. Не является исключением и Уральский ФО, где из года в год происходит приращение объема валового регионального продукта.

Следующим рассматриваемым показателем будет темп роста ВРП. Данные значения рассчитаны из предыдущей таблицы и указывают на развитие экономики субъекта (табл. 2).

В течение последних лет на территории УрФО наблюдался рост валового регионального продукта, который произошел главным образом за счет роста объемов промышленного производства. Тем не менее, как видно из представленных данных по темпам роста ВРП Уральский ФО занимает только 4-е место.

Таблица 2

Темп роста ВРП в разрезе федеральных округов, %

Федеральный округ	2012	2013	2014	2015	Среднее значение
Южный	+14	+12	+16	+10	13
Северо-Кавказский	+13	+15	+11	+8	12
Северо-Западный	+9	+5	+7	+14	9
Уральский	+12	+6	+7	+10	9
Приволжский	+11	+7	+8	+7	8
Сибирский	+7	+6	+10	+10	8
Дальневосточный	+6	+4	+13	+10	8
Центральный	+8	0	+9	+8	6

Примечание. Составлено по: Федеральная служба государственной статистики.
URL : <http://www.gks.ru>

В течение последних лет на территории УрФО наблюдался рост валового регионального продукта, который произошел главным образом за счет роста объемов промышленного производства. Тем не менее, как видно из представленных данных по темпам роста ВРП Уральский ФО занимает только четвертое место.

Для получения объективной оценки проблем развития регионов, необходимо провести анализ еще одного показателя – объема ВРП на душу населения. Он позволит определить соотношение произведенных товаров и услуг для каждого жителя региона.

Таблица 3

Объем ВРП на душу населения в разрезе федеральных округов, р.

Федеральный округ	2012	2013	2014	2015	Среднее значение
Уральский	583 243,9	619 540,9	662 531,0	730 594,0	648 977,4
Центральный	451 517,2	494 482,7	536 607,9	581 991,6	516 149,8
Дальневосточный	431 768,1	454 144,1	516 739,8	572 242,7	493 723,7
Северо-Западный	383 339,4	403 612,9	430 130,6	490 312,1	426 848,7
Сибирский	269 171,0	287 293,8	317 784,6	349 512,9	305 940,6
Приволжский	263 976,2	284 810,4	308 995,4	333 935,5	297 929,4
Южный	229 214,5	256 444,6	255 076,2	281 056,8	255 448,0
Северо-Кавказский	127 042,1	146 117,2	163 950,4	175 912,4	153 255,5

Примечание. Составлено по: Федеральная служба государственной статистики.
URL : <http://www.gks.ru>

Из табл. 3 видно, что Уральский ФО находится на первом месте. Это объясняется высоким уровнем промышленного производства, сравнительно небольшой территорией региона с высокой плотностью населения.

Ведущая роль инвестиций в развитии экономики в общем, так и экономики региона определяется тем, что благодаря им осуществляется накопление капитала предприятий, а следовательно, создание базы для расширения производственных возможностей территории и экономического роста.

Несмотря на то, что инвестиции составляют относительно небольшую часть совокупных расходов (15–16 % в развитых странах), именно изменения данного компонента вызывают основные макроэкономические сдвиги. В связи с этим следующим рассмотренным показателем будут инвестиции в основной капитал, представленные в табл. 4.

Таблица 4

Инвестиции в основной капитал в разрезе федеральных округов, млн р.

Федеральный округ	2012	2013	2014	2015	Среднее значение
Центральный	2 961 584	3 331 629	3 570 432	3 578 186	3 795 986
Уральский	2 037 624	2 167 821	2 368 498	2 357 901	2 730 971
Приволжский	2 012 877	2 301 298	2 384 349	2 463 346	2 429 023
Северо-Западный	1 485 413	1 416 123	1 406 454	1 437 479	1 660 840
Сибирский	1 459 474	1 438 987	1 484 414	1 383 131	1 405 338
Южный	1 254 958	1 506 034	1 383 658	1 296 200	1 110 446
Дальневосточный	971 353	842 440	810 554	905 087	985 157
Северо-Кавказский	402 809	445 906	494 286	475 857	484 958

Примечание. Составлено по: Федеральная служба государственной статистики.
URL : <http://www.gks.ru>

УрФО находится на втором месте среди регионов РФ, что говорит о высоком уровне его инвестиционной привлекательности. Сочетание близости источников энергоресурсов и сырья с наличием производственных мощностей и значительным научным потенциалом позволяет Уральскому федеральному округу быть одним из наиболее инвестиционно-привлекательных регионов России.

Регионы, конкурируя между собой, стремятся создать благоприятную для работы предприятий среду, обогащая тем самым население субъекта. В данном случае среднемесячные доходы населения можно рассматривать, как своеобразный индикатор уровня жизни и уровня развития производства, где можно получать указанный заработок.

Уральский ФО занимает в РФ 3-е место, а ЮФО – 6-е место. Это достаточно высокий результат для УрФО и низкий для ЮФО.

Итоги проведенного анализа проблем развития регионов РФ позволил выделить главные: низкий темп роста ВРП, а значит отрасли экономики развиваются медленно. Это объясняется наличием предприятий-гигантов, которые трудно поддаются модернизации и технологическому перевооружению, медленно реагируют на быстро меня-

ющиеся запросы рынка¹. Они и создают высокую долю ВРП на душу населения.

Т а б л и ц а 5

Среднемесячный доход граждан в разрезе федеральных округов, р.

Федеральный округ	2012	2013	2014	2015	Среднее значение
Дальневосточный	30 469	33 991	37 260	39 404	36 441
Центральный	30 546	32 118	35 670	37 414	39 185
Уральский	28 932	30 808	34 028	35 566	32 032
Северо-Западный	28 653	29 422	32 289	34 620	33 286
Сибирский	21 549	23 857	26 477	27 542	23 455
Южный	20 149	21 078	22 375	22 979	26 514
Приволжский	17 168	19 935	22 407	23 636	27 257
Северо-Кавказский	15 976	16 894	19 304	20 126	23 749

Примечание. Составлено по: Федеральная служба государственной статистики.
URL : <http://www.gks.ru>

Для поддержания и увеличения текущего уровня инвестиционной привлекательности должна проводиться взвешенная региональная инвестиционная политика. Основными направлениями, стимулирующими инвестиционный процесс в регионах, могут быть концентрация имеющихся ресурсов в целях их трансформации в инвестиции; поддержка и гибкое государственное регулирование диверсифицированных процессов на окружном рынке финансовых услуг; повышение роли ответственности субъектов Российской Федерации в вопросах управления инвестиционной деятельностью; формирование окружной многоканальной системы финансирования инвестиционной деятельности, базирующейся на принципах взаимной выгоды приоритетности вложений в наиболее эффективные инвестиционные проекты; последовательное развитие окружной инвестиционно-финансовой инфраструктуры с участием в качестве учредителей этих финансовых институтов территориальных муниципальных органов и власти; организация в регионах банковских страховых союзов, пулов и других структур; гибкое государственное их регулирование, в целях обеспечения эффективного кредитования крупных приоритетных для регионов инвестиционных проектов в целом и ряд других.

¹ Полтарыхин А. Л., Сычева И. Н. Региональная экономика : учеб. пособие. М. : Альфа-М, 2016.

А. И. Серебренникова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Теоретические подходы к исследованию банковской системы в условиях индустриализации

Аннотация. Автором обосновывается взгляд на индустриализацию как на процесс, включающий экономическую, социальную и финансовую составляющие, что влечет за собой необходимость их теоретического рассмотрения в неразрывной взаимосвязи друг с другом. В финансовой составляющей акцентируется внимание на деятельности банковской системы, от эффективности функционирования которой зависят результаты преобразований в экономике. Для оценки соответствия уровня развития банковской системы текущим задачам экономики вводятся понятия экономической и социальной адекватности в рамках теории функциональной адекватности банковской системы. По аналогии с показателями функциональной адекватности предлагается разработать набор количественных показателей, характеризующих социальную адекватность, на базе более глубокой теоретической проработки содержания социальных функций банка. Предлагается использовать набор показателей адекватности в качестве инструмента формирования банковской системы.

Ключевые слова: индустриализация; социализация; банк; социальная функция банка; адекватность банковской системы; показатель адекватности.

Текущий этап развития экономики и общества характеризуется повышенным вниманием к развитию промышленности, т. е. материального производства. Независимо от концепций, которых придерживаются экономисты в своих взглядах на будущее мировой экономики, большая часть исследователей сходится во мнении, что сейчас единственным эффективным направлением развития является индустриальный путь. Индустриализация предполагает расширение и повышение эффективности материального промышленного производства на базе использования современных достижений науки и инноваций. Механизм перехода на индустриальный путь развития может быть различным, начиная с постепенной трансформации и заканчивая резкими перестройками основ экономики, характерными для революционного развития. В любом случае максимальный интерес представляет конечный результат – индустриализация, понимание сущностных основ которой способно дать ответ на многие вопросы, связанные как с выбором пути осуществления преобразований, так и с их конечными целями.

Достаточно часто формулирование понятия индустриализации сводится к констатации экономических проявлений таких как, совершенствование существующих и появление новых технологий и отрас-

лей, включая научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), управление и подготовку кадров [10]. Такой подход достаточно четко определяет технико-экономическую сущность, однако не представляется исчерпывающим. Экономика не является обособленной системой, она тесно связана с функционированием общества в целом, поэтому индустриализация должна рассматриваться как более сложное и многогранное явление. Расширенное понимание индустриализации включает не только технико-экономические, но и социально-экономические аспекты. Данное понимание отражается в определении, представляющем точку зрения, изложенную в материалах ООН и работах некоторых авторов. Индустриализация – это процесс экономического развития, при котором возрастающая доля национальных ресурсов мобилизуется для развития технически современной, многоотраслевой внутренней экономической структуры, характеризующейся динамичным обрабатывающим сектором, имеющим и производящим средства производства и потребительские товары и способным обеспечить высокие темпы роста для всей экономики и достижение экономического и социального прогресса [8]. Приведенное определение затрагивает большее количество аспектов, отражающих сущность индустриализации. Принципиально важным является акцентирование внимания на целях индустриализации и способах их достижения, а также отражение в определении следующих основных компонентов:

экономическая (материальная) составляющая. В определении подчеркивается рост экономики за счет материального производства. Бесспорно материальная составляющая, ассоциирующаяся с развитием реального сектора и возможностью расширенного воспроизводства средств производства, была и будет основой существования любой экономики. Необходимо понимать неразрывность совершенствования материального производства и его базы, включающей проведение научно-исследовательских работ, создания новых технологий, подготовки кадров и т. п.;

социальная составляющая. С одной стороны, социальный прогресс, наряду с экономическим, выступает в качестве конечной цели индустриализации. С другой стороны, производство потребительских товаров, т. е. продуктов, удовлетворяющих потребности отдельных индивидов, является способом достижения конечной цели индустриализации;

финансовая составляющая. В отличие от двух, указанных выше элементов, финансовая составляющая на первый взгляд не присутствует явно. Тезис о мобилизации возрастающей доли национальных ресурсов, по мнению автора, в полной мере может быть применен к финансовым ресурсам, являющимся основой развития материального

производства и научных изысканий. В целом финансовая составляющая не ограничивается только мобилизацией ресурсов, а включает полное финансовое обслуживание всех действующих предприятий, в том числе реального сектора экономики.

Таким образом, экономическая и социальная составляющие могут восприниматься одновременно как взаимопроникающие цели и средства индустриализации. Подобный подход во многом корреспондируется с рассмотрением индустриализации в качестве инструмента, способствующего дальнейшему социально-экономическому развитию государства [11]. В свою очередь финансовая составляющая – неотъемлемое средство реализации индустриализации, призванное обеспечить нормальное функционирование экономических и социальных средств.

Примечательной является еще одна (антропосоциетальная) точка зрения на процессы, протекающие в российском обществе, в соответствии с которой упомянутые процессы включают четыре фундаментальные компоненты: технико-технологическую, социоэкономическую, социокультурную и институционально-регулятивную [7]. Хотя представленная парадигма отражает, скорее всего, взгляды социологов, она позволяет анализировать социально-экономические аспекты индустриализации [4]. Применительно к данному исследованию значимым является демонстрация социального содержания процессов преобразования экономики, в том числе индустриализации. Возвращаясь к финансовой составляющей индустриализации, заметим, что отсутствие ее прямого упоминания в рассмотренных определениях, не снижает ее значимости для обеспечения нормальной реализации процессов индустриализации. Вместе с тем, ярко выраженная социальная составляющая индустриализации и ее практические проявления в финансовой и банковской сфере дают возможность согласиться с мнением о реальности социализации экономики и финансов в настоящее время [9].

Говоря о финансовой составляющей индустриализации, выделим особую значимость банковского сектора, объясняющуюся выполняемой банками ролью финансового посредника и проводника финансовых ресурсов в социально-экономической системе. Эффективность движения финансовых ресурсов внутри банковской системы во много определяет возможности развития предприятий и экономики в целом.

Исследование деятельности банков и банковской системы в контексте социализации в процессе индустриализации пока не получило должного всестороннего развития в отечественной научной литературе. В этой связи представляется интересным определение теоретических подходов к изучению соответствия развития банковской системы потребностям экономики. Особую актуальность данный вопрос приобретает в российских реалиях, характеризующихся:

сохраняющимся отсутствием интереса банков к обслуживанию предприятий реального сектора экономики [1];

чрезмерной финансиализацией, проявляющейся в смещении приоритетов инвестирования с производственной сферы в пользу финансовых вложений [2];

несформированностью банковской системы, подтверждающейся тенденцией к уменьшению количества банков, в том числе вследствие действий регулятора.

Автор полагает, что одним из перспективных направлений изучения соответствия банковской системы потребностям экономики может явиться дальнейшее формирование теории и исследование адекватности банковской системы. При этом, банковская система рассматривается как совокупность элементов, выделенных на основе системообразующих признаков, и устойчивых связей между ними, предполагающая наличие регулирования. Кроме того, любая система должна иметь цели и приоритеты развития. Как правило, главным приоритетом является обеспечение устойчивости системы, что в полной мере соответствует сложившейся теории устойчивого развития. В частности подобное устойчивое развитие в отношении отдельного банка (элемента системы) может заключаться в поддержании баланса между интересами банка, состоящими в получении максимальной прибыли, и интересами клиентов, обслуживающихся в банке.

Характер функционирования и взаимодействия конкретного элемента системы с другими определяет функциональную адекватность/неадекватность элемента системе:

адекватность имеет место, если функционирование элемента способствует целенаправленному развитию системы;

неадекватность имеет место, если функционирование элемента препятствует целенаправленному развитию системы.

Существующий подход к функциональной адекватности исходит из непродуктивности абсолютизации темпов роста и предусматривает сопряженность и оптимальное соотношение темпов роста основных параметров банковской системы (капитал, активы, кредиты и т. п.) и темпов роста экономики (ВВП) [5]. Сформированный набор показателей отражает адекватность только в отношении экономических функций банка. В определенной степени выходом из сложившейся ситуации может послужить признание наличия социальной направленности во всех экономических функциях [3]. Тем не менее, проследить адекватность в отношении социальных функций при помощи этих показателей достаточно сложно.

Очевидно, для выявления адекватности социальным функциям базой для сравнения должны являться социальные показатели. Напри-

мер, для иллюстрации защитной функции, связанной с получением доходов от депозитов, возможно сопоставление процентных расходов банковской системы с численностью населения или количеством предприятий. Отметим, при разработке показателей адекватности социальным функциям наиболее вероятную сложность может составлять отсутствие четкого перечня и трактовки содержания функций. Изучение адекватности экономическим и социальным функциям может стать инструментом для формирования оптимальной банковской системы, структуры которой кроме непосредственной экономической деятельности обеспечивают социальную защиту граждан и участвуют в развитии корпоративной социальной ответственности [6].

Подводя итоги можно сказать, что изучение функционирования банковской системы является неотъемлемой частью изучения существенных процессов трансформации экономики и общества. Тесная взаимосвязь экономических и социальных процессов в рамках индустриализации предопределяет необходимость изучения экономических и социальных аспектов деятельности банков на основе выполняемых ими экономических и социальных функций. Дальнейшее формирование системы количественных показателей экономической и социальной адекватности, способных стать критерием формирования банковской системы, максимально соответствующей экономическим и социальным задачам текущего этапа развития экономики, требует углубления теоретических изысканий в области социальных функций банков и адекватности банковской системы.

Библиографический список

1. *Архипов А., Казанников А.* Банковская система и реальный сектор экономики России: перспективы совместного развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 2.
2. *Бодрунов С. Д.* Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России. 2016. № 2(48).
3. *Воронов А. А.* Социальная роль банков в условиях современной России // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». 2007. Т. 7, вып. 1.
4. *Давыденко В. А., Ромашикина Г. Ф.* Опыт становления индустриализации в Тюменской области: социокультурный и социоэкономический контексты // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2015. № 3.
5. *Крылова Л. В.* Концентрация и централизация капитала как факторы функциональной адекватности российской банковской системы // Финансы и кредит. 2008. № 41(329).
6. *Лаврушин О. И.* О развитии банковского сектора России и его законодательном обеспечении // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 4.

7. *Латин Н. И.* Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. № 1.

8. *Пономарева Н. Н.* Индустриализация как ведущий путь преодоления социально-экономической отсталости развивающихся стран // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 3(31).

9. *Рязанов В. Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М. : Экономика, 2016.

10. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Перед вызовами третьей волны индустриализации: страна, регион // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 3(65).

11. *Шийко В. Г., Шийко Д. С.* Предпосылки формирования инновационной модели экономического роста на базе индустриальной модернизации // Экономика в промышленности. 2014. № 1.

Н. А. Мезенин, А. А. Гергарт

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Инвестиционная стратегия в деятельности организации в контексте регионального развития

Аннотация. Рассматривается место инвестиционной стратегии в деятельности компаний, описываются компоненты инвестиционной стратегии и этапы ее разработки, цели и задачи разработки и реализации инвестиционной стратегии. Показаны основные направления инвестирования капитала АО «Роснано».

Ключевые слова: инвестиционная стратегия; управление инвестициями; источник финансирования; nanoиндустрия; нанотехнологии; государственная поддержка; государственная корпорация.

Необходимость разработки инвестиционной стратегии предприятия определяется изменениями условий внешней и внутренней среды. Эффективно управлять инвестициями возможно только при наличии инвестиционной стратегии, которая будет адаптирована к возможным изменениям факторов внешней инвестиционной среды, иначе инвестиционные решения отдельных подразделений предприятия могут противоречить друг другу, что будет снижать эффективность инвестиционной деятельности.

Понятие «инвестиционная стратегия» в современной экономической литературе определяется как формирование некой системы долгосрочных целей при помощи инвестиционной деятельности и выбор наиболее рациональных, и эффективных путей их достижения.

Инвестиционная стратегия позволяет определить возможности улучшения результатов хозяйствования субъекта за счет инвестиций,

т. е. определяет направления возможного инвестирования для получения необходимой прибыли, и как результат, увеличения собственных активов [3].

Этапы разработки инвестиционной стратегии предприятия включают в себя:

- определение общего периода формирования инвестиционной стратегии;

- формирование стратегических целей инвестиционной деятельности;

- обоснование стратегических направлений и форм инвестиционной деятельности;

- определение стратегических направлений формирования инвестиционных ресурсов;

- формирование инвестиционной политики по основным направлениям инвестиционной деятельности;

- оценка результатов работы инвестиционной стратегии [1].

Инвестиционная стратегия определяет:

- основные цели инвестиционной политики по доходности, ликвидности, риска и рост капитала;

- ответственных за проведение политики и их обязанности;

- рекомендации по составу активов инвестиционного портфеля, видов ценных бумаг, их инвестиционных качеств, условия приобретения и продажи активов, сроков их хранения и перемещения из одного портфеля в другой, правила учета, соблюдение нормативов, отчетности, компьютерного обеспечения, способы управления инвестиционным портфелем и поддержки соответствующих пропорций между первичным и вторичным резервами ценных бумаг (активов), их использование строго по назначению [3].

Разработанная инвестиционная стратегия:

- обеспечивает механизм реализации долгосрочных общих и инвестиционных целей предстоящего экономического и социального развития предприятия;

- позволяет реально оценить инвестиционные возможности предприятия;

- позволяет максимально использовать инвестиционный потенциал и активно маневрировать инвестиционными ресурсами;

- обеспечивает возможность быстрой реализации новых перспективных инвестиционных возможностей, которые неизбежно возникают в процессе изменений факторов внешней рыночной инвестиционной среды;

- позволяет прогнозировать возможные варианты развития внешней инвестиционной среды и уменьшить влияние негативных факторов на деятельность предприятия;

обеспечивает взаимосвязь стратегического, тактического (текущего) и оперативного управления инвестиционной деятельностью предприятия;

отражает преимущества предприятия в конкурентном окружении; определяет соответствующую политику инвестиционной деятельности в рамках реализации наиболее важных стратегических инвестиционных решений [2].

Что касается государственной поддержки предприятий определенных направлений деятельности, то в Российской Федерации существует организация, которая содействует реализации государственной политики по развитию nanoиндустрии, инвестируя напрямую и через инвестиционные фонды нанотехнологий в высокотехнологичные проекты, обеспечивающие развитие новых производств на территории России. Такой организацией является государственная корпорация «Роснано».

Государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий» была официально зарегистрирована 19 сентября 2007 г. 11 марта 2011 г. проведена реорганизация «Российской корпорации нанотехнологий» в результате создано акционерное общество «Роснано»¹.

Основными направлениями инвестирования АО «Роснано» являются: электроника, оптоэлектроника и телекоммуникации, здравоохранение и биотехнологии, металлургия и металлообработка, энергетика, машино- и приборостроение, строительные и промышленные материалы, химия и нефтехимия.

УК «РОСНАНО» инвестирует в компании, которые внедряют перспективные технологии и нуждаются в дополнительном капитале для увеличения объемов производства и (или) продаж своей продукции («стадия роста»).

Дополнительным инструментом инвестиционной стратегии общества являются инвестиции в компании, которые внедряют потенциально прорывные нанотехнологии и технологические риски существуют («венчурная стадия»).

Инвестиционные фонды УК «РОСНАНО» инвестируют как в российские, так и в иностранные компании с целью трансфера технологий в Российскую Федерацию и/или содействия развитию экспортного потенциала российского сектора высоких технологий².

К примеру, по состоянию на конец 2016 г., всего за весь период деятельности (начиная с 2007 г.) общество оказало поддержку 107 инвестиционным проектам в рамках исторического портфеля. Объем

¹ *Официальный сайт АО «РОСНАНО».* URL : <http://www.rusnano.com>.

² *Там же.*

инвестиций АО «Роснано» в указанные инвестиционные проекты составил более 186 314 млн р., в том числе, 167 516 млн р. в рамках проектов прямых инвестиций и 18 798 млн р. за счет фондов.

Таким образом, в современных условиях хозяйствования инвестиционная стратегия становится одним из определяющих факторов успешного и эффективного развития любого предприятия.

Библиографический список

1. *Бочаров В. В.* Инвестиции: инвестиционный портфель. Источники финансирования. Выбор стратегии : учебник. СПб. : Питер, 2011.
2. *Михалев О. В.* Инвестиционные стратегии предприятий // ЭКО. 2007. № 2.
3. *Попков В. П., Семенов В. П.* Организация и финансирование инвестиций : учебник. СПб. : Питер, 2011.

И. А. Трушина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Методика проведения исследования эффективности методов стимулирования проектного финансирования уральских предприятий

Аннотация. С целью увеличения инвестиционной привлекательности России все большую актуальность приобретает реализация крупных инвестиционных проектов с применением метода проектного финансирования. В статье обозначены общие методы стимулирования проектного финансирования в российской экономике, к числу которых относятся: совершенствование нормативно-правовой базы; обеспечение результативности реализации проектов за счет внедрения систем мониторинга и контроля управления; приведение к единой форме стандартов подготовки проектных документов; расширение межбанковского участия. Обозначенные методы способствовали формированию авторской методики исследования эффективности методов стимулирования проектного финансирования. Автором предложен дифференцированный критерий исследования, позволяющий учитывать уникальность каждого инвестиционного проекта. На основе изученных данных представлена авторская методика, включающая в себя семь этапов исследования эффективности методов стимулирования проектного финансирования: определение масштаба проекта, определение фазы жизненного цикла проекта, анализ требований банка к реализации проекта с участием проектного финансирования, выявление потенциальных проектных угроз, формирование и внедрение стратегии в области проектного финансирования, формирование и реализация механизма стимулирования проектного финансирования, анализ полученных результатов.

Ключевые слова: проектное финансирование; инвестиционный проект; стимулирование; метод; реализация; исследование.

Необходимость развития методов стимулирования проектного финансирования в российской экономике, является неотъемлемой мерой, направленной на снижение и устранение барьеров, сопутствующих эффективной реализации проектов.

Вследствие данной потребности, предлагается использовать дифференцированный критерий при проведении исследования эффективности методов стимулирования проектного финансирования, способствующий учету индивидуального характера каждого проекта в условиях отсутствия универсальной методики при таком исследовании. В рамках авторского подхода методика должна включать в себя следующие этапы:

- определение масштаба проекта;
- определение фазы жизненного цикла проекта;

проведение анализа требований банка к реализации проекта с участием проектного финансирования;
выявление потенциальных проектных угроз;
формирование и внедрение стратегии в области проектного финансирования;
формирование и реализация механизма стимулирования проектного финансирования;
анализ полученных результатов.

Рассмотрим и проанализируем подробнее каждый из представленных выше этапов.

Первым этапом выступает определение масштаба проекта, обеспечивающее понимание инициаторов проекта в постановке целей, необходимом объеме инвестиций, возможности привлечения дополнительных участников, возможности получения государственных льгот и льготных кредитов.

Так, при реализации среднемасштабных инвестиционных проектов основные действия инициаторов направлены на достижение эффективного функционирования бизнеса и формирование общих условий, способствующих устранению возможных проектных препятствий. Крупномасштабные инвестиционные проекты оказывают существенное влияние на экономику регионов и страны, поэтому ключевой целью инициаторов данного типа проектов служит определение приоритетных направлений развития сфер экономики и дальнейшая реализация. В качестве примера можно отметить разработку новых месторождений полезных ископаемых или строительство социальнозначимых инфраструктурных проектов.

Постановка разных целей в зависимости от масштаба проекта позволяет достигать положительный результат и вовремя устранять препятствия, поскольку инициаторы проектов заблаговременно могут оценивать, контролировать и эффективно управлять реализацией. В рамках данного этапа важны общие методы стимулирования проектного финансирования, выступающие фундаментом продуктивной инвестиционной работы.

Вторым этапом авторского подхода методики проведения исследования эффективности методов стимулирования проектного финансирования является определение фазы жизненного цикла проекта. Каждая фаза проектного цикла тесно связана с реализацией проектного финансирования, поэтому необходим анализ действий и интересов основных участников данного процесса на прединвестиционной, инвестиционной и производственных стадиях.

С точки зрения автора, особое внимание следует уделять инициаторам и кредиторам проектного финансирования. Так на прединвести-

ционной фазе для кредиторов и инициаторов важен отбор и эффективная оценка проекта, а также принятие решения о вступлении в проект и его финансирование. Контроль кредиторов за проектной деятельностью охватывает непосредственно инвестиционную и производственную стадии проектного финансирования. Для банков, которые чаще всего выступают кредиторами, необходим детальный анализ проектного цикла с целью максимального учета расходов и доходов на каждом этапе проектного финансирования, сопутствующих рисков, а также изучение экономической составляющей проекта. Потребность в учете деятельности основных участников проектного финансирования на всех этапах проектного цикла позволит достичь максимального совпадения их интересов, что ускорит процесс реализации проекта и обеспечит минимизацию сопутствующих рисков [5, с. 102].

В рамках данного этапа необходимы такие методы общего стимулирования проектного финансирования, как: обеспечение результативности реализации проектов за счет внедрения систем мониторинга и контроля управления, приведение к единой форме стандартов подготовки проектных документов, расширение межбанковского участия.

Следующим этапом методики является проведение анализа требований банка к реализации проекта с участием проектного финансирования. Как отмечалось ранее, участие кредиторов в финансировании инвестиционных проектов позволяет своевременно выявлять угрозы и текущие проблемы, способные негативно влиять на реализацию. Деятельность банков направлена на детальную диагностику проектов, в целях исключения своих убытков, которые могут принести плохоизученные инвестиционные проекты [4, с. 159]. Поэтому, проведение данного анализа способствует выделению ключевых факторов, необходимых для достижения эффективного проектного финансирования при реализации проектов. По мнению автора, к их числу могут быть отнесены: актуальность проекта, разработка бизнес-плана, качество и реалистичность производимого ТЭО, участие квалифицированной команды, урегулирование правовых аспектов, проработанная программа по работе с проектными рисками. При этом, для достижения инвестиционной привлекательности проекта, необходимы и инструменты общего стимулирования проектного финансирования. Так совершенствование нормативно-правового обеспечения, приведение к единой форме стандартов подготовки проектных документов, а также расширение межбанковского участия, позволит привлечь не только российских инвесторов, но и зарубежных.

Выявление потенциальных проектных угроз является четвертым этапом авторской методики. Основные участники проектного финансирования, в первую очередь, заинтересованы в эффективной реализа-

ции проекта, поскольку являются его инвесторами. Каждый из них, вкладывая денежные средства в проект, нацелен на получение прибыли. Безусловно, они принимают на себя риски, что позволяет участвовать в управлении проектом. Поэтому, начиная с прединвестиционной фазы, действия инвесторов сконцентрированы на непрерывном мониторинге, с целью выявления возможных угроз и принятия верных управленческих решений, направленных на их устранение. Такой анализ проектной деятельности может охватывать следующие аспекты:

- определение сферы деятельности потенциального проекта – в рамках данного аспекта необходим учет отраслевой специфики (машиностроение, добыча полезных ископаемых, цветная и черная металлургия) и определение морального износа (проекты по созданию нового оборудования, реконструкция, расширение, модернизация);

- выбор инструментов управления, обеспечивающих максимальную проектную эффективность и умеренные риски;

- определение оптимального объема инвестиций и источников финансирования проекта;

- предварительный расчет показателей, отражающих рентабельность проекта, динамический срок его окупаемости, а также норму доходности, будущие расходы, доходы и прибыль [1, с. 78];

- анализ деятельности и учет квалификации потенциальных участников проектного финансирования;

- анализ правового обеспечения проекта.

В рамках данного этапа особо важно обеспечение результативности реализации проектов за счет внедрения систем мониторинга и контроля управления, а своевременный учет вышеперечисленных аспектов позволит инициаторам проекта незамедлительно реагировать на возможные негативные воздействия и устранять их. При этом, совершенствование законодательной базы проектного финансирования будет способствовать эффективному применению любого правового инструмента при реализации.

Следующим этапом методики проведения исследования эффективности методов стимулирования проектного финансирования является формирование и внедрение стратегии в области проектного финансирования. Определив масштаб проекта, фазу его жизненного цикла, а также изучив банковские критериальные требования и возможные проектные угрозы, необходимо на основе полученной аналитической информации сформировать и в дальнейшем внедрить стратегические мероприятия. Для повышения эффективности работы возможно привлечение Федерального центра проектного финансирования, осуществляющего подготовку проектов развития инфраструктуры, и Министерства экономического развития.

Разрабатывая стратегию проектного финансирования, следует сформировать пошаговый план действий с определением четких целей и задач, миссии, основных показателей эффективности реализации, а также обозначить срок внедрения стратегических мероприятий с получением необходимого результата в планируемое время. При этом целесообразно указать критерии, достижение которых будет свидетельствовать об уровне и качестве выполнения обозначенных ранее задач. К числу показателей эффективной реализации стратегии относятся: объем привлеченных инвестиций, внутренняя норма доходности, рентабельность, срок окупаемости проекта, в сравнении с применением и, не используя, проектное финансирование, а также иные финансовые показатели.

В рамках рассматриваемого этапа важны все представленные ранее методы стимулирования проектного финансирования, поскольку их действия направлены на совершенствование механизма и достижение результативного внедрения стратегических мероприятий.

Шестым этапом авторской методики выступает формирование механизма стимулирования проектного финансирования. Эффективно сформировав и внедрив стратегические мероприятия, возникает потребность в разработке непосредственно самого механизма стимулирования проектного финансирования, в целях обеспечения положительного результата проекта. В качестве приоритетных мер выступают:

финансово-кредитные: предоставление налоговых льгот или каникул, обеспечение привилегированных условий финансирования со стороны банков с участием государственного капитала [2, с. 56];

государственной поддержки: предоставление гарантий и субсидий, обеспечение конкурентного преимущества при реализации проектов в стратегически важных отраслях экономики, как на федеральном уровне, так и на региональном и местном;

правовой защиты: правильно сформированная нормативно-правовая база проекта позволит исключить риски, связанные с некорректно составленной проектной документацией, что обеспечит результативное функционирование проекта на каждой стадии. А также поддержка со стороны государства инициаторов проектного финансирования при каких-либо преобразованиях в законодательных инструментах устранив возможную приостановку реализации проектной деятельности.

В рамках рассматриваемого этапа важны все представленные ранее общие методы стимулирования, поскольку их действия обеспечивают формирование и реализацию механизма непосредственного стимулирования проектного финансирования.

После прохождения всех этапов и реализации механизма проектного финансирования, целесообразен *анализ полученных результатов,*

что является завершающим этапом авторской методики. Данные меры особо значимы в методике стимулирования проектного финансирования, так как непрерывный анализ и исследование дальнейшего выполнения всех представленных этапов, обеспечивает незамедлительную выработку корректирующих действий при необходимости, а также заключительный анализ после устранения выявленных погрешностей и их оценка. Такой механизм постоянного мониторинга в условиях динамично меняющейся конъюнктуры рынка считается важным и необходимым элементом управления инвестиционной деятельности. Для его осуществления необходимо выполнение таких условий, как:

обоснование системы информативных проектных показателей, позволяющих объективно оценивать отклонения фактического процесса реализации от запланированного [3, с. 89];

внедрение инструмента слежения за проектом по всей совокупности финансовых показателей;

анализ причин отклонения фактических показателей от запланированных;

оценка чувствительности проекта к изменению основных его параметров;

формирование и обоснование конкретных предложений и мер для корректировки реализации инвестиционного проекта.

В рамках завершающего этапа наиболее значимым методом общего стимулирования выступает обеспечение результативности реализации проектов за счет внедрения систем мониторинга и контроля управления, поскольку данные меры также направлены на непрерывный анализ проектной деятельности.

Изучение методов стимулирования проектного финансирования способствовало формированию авторской методики проведения исследования эффективности данных методов стимулирования. Предложенный в процессе работы дифференцированный критерий исследования, позволил учесть индивидуальность каждого инвестиционного проекта при отсутствии универсальной методики, а также отметить наиболее значимые методы общего стимулирования в рамках каждого этапа.

Библиографический список

1. *Беликов Т.* Минные поля проектного финансирования: пособие по выживанию для кредитных работников и инвесторов. М. : Альпина Бизнес букс, 2009.

2. *Лысова Н. А.* Проектное финансирование : учеб. пособие. Владивосток : Дальрыбвтуз, 2001.

3. Никонова И. А., Смирнов А. Л. Проектное финансирование в России. Проблемы и направления развития. М. : АО «Консалтбанкир», 2016.

4. Смирнов А. Л. Проектное финансирование: инструменты и технологии. М. : МАКС Пресс, 2013.

5. Федорович В. А., Муравник В. Б., Бочкарев О.И. США: военная экономика, организация и управление. М. : Международные отношения, 2013.

О. Г. Поздеева, Д. А. Уймина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Этапы функционирования тендерной системы

Аннотация. Статья посвящена механизму функционирования тендерной системы, которая с каждым днем становится все более актуальной. В статье рассмотрен термин «тендер», его истоки. Дано понятие тендерной системы. Приведена классификация сделок посредством электронных площадок. Рассмотрены технико-теоретические и экономические аспекты функционирования тендерной системы. Условно они разбиты на 10 взаимосвязанных этапов. В завершении перечислены достоинства моменты тендерной системы.

Ключевые слова: тендер; тендерная система; конкурс; торги; этап.

Тендерные торги практикуются, как в России, так и во всем мире. Они используются далеко не первый год, но их актуальность только возрастает. Для большинства предприятий участие в тендерных торгах позволяет не только заявить о себе, как о надежной и устойчивой компании, но и найти возможных партнеров в будущем.

Термин «тендер» с английского переводится как конкурс. Сама процедура тендерных торгов, или конкурсов, была создана после окончания Второй Мировой войны в 1946 г. в США. Американцы создали пошаговую и наиболее прозрачную процедуру выбора поставщиков для восстановления разрушенных городов. Предпосылкой для создания такой системы послужило желание избежать всевозможной коррупции, взяточничества американских чиновников [1, с. 13].

Тендерная система-это антикоррупционный экономический инструмент, представляющий совокупность норм и правил, используемых на электронных площадках с целью совершения сделки на равных условиях [2].

На сегодняшний день, в Российской Федерации используются несколько способов осуществления сделок по средствам электронных площадок:

- 1) открытые торги;
- 2) закрытые конкурсы;

- 3) двухэтапные конкурсы;
- 4) запрос котировок (прайс-листов);
- 5) закупка у единственного поставщика¹.

Открытые торги являются наиболее распространенным вариантом для совершения сделки на оказание услуг, поставку товаров и проведение работ. Информация о тендере, условия проведения и сроки являются открытыми и доступными всем участникам.

Закрытые конкурсы являются более редким способом совершения сделки. Они проводятся в случаях, когда требуется поставка технологически сложных или связанных с государственной тайной товаров, или услуг. На такие конкурсы участникам высылаются персональные приглашения².

Двухэтапные конкурсы используются в том случае, когда закупаемые товары или услуги имеют высокую сложность. Заказчик не может сразу сформулировать условия тендера. На первом этапе происходит ознакомление заказчика с предложениями потенциальных исполнителей, не учитывая цены. На втором этапе проводится сам конкурс.

Последние два способа, запрос котировок и закупка у единственного поставщика, проводятся в случае небольшого объема заказа или в рамках Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», который расширяет возможности заказчика в рамках требований к поставщику.

Все государственные учреждения Российской Федерации обязаны согласно Федеральному закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» размещать закупки через тендерную систему на электронных площадках. Регламент данного закона четко прописывает действия заказчика и поставщика.

Разберем технико-теоретические и экономические аспекты функционирования тендерной системы³.

Первым этапом является обозначение со стороны заказчика своей потребности, и выражается данная потребность через запрос коммерческого предложения поставщикам (минимум три запроса разным по-

¹ *Официальный сайт единой информационной системы в сфере закупок.* URL : <http://zakupki.gov.ru>.

² *Об утверждении Правил осуществления ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд :* постановление Правительства РФ от 10 февраля 2014 г. № 89.

³ *О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд :* федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ.

ставщикам). Поставщик, анализируя поступивший запрос, формирует цену на товар, и отправляет ответ на запрос заказчику.

На втором этапе происходит формирование аукционной (котировочной) документации заказчиком с подробным техническим заданием и обоснованием начальной максимальной цены (НМЦ) контракта. Цена контракта формируется из нескольких ответных коммерческих предложений (не менее трех). Так же заказчик составляет проект контракта и прописывает обязательный пакет документов плюс сроки реализации данной сделки.

На третьем этапе, происходит опубликование всей документации заказчиком на сайте <http://zakupki.gov.ru> с регламентированными сроками приема заявок со стороны поставщиков. Участники (поставщики) загружают всю необходимую документацию и вносят денежные средства для участия на площадку.

На четвертом этапе, заказчик проверяет соответствие техническому заданию первых частей заявок и допускает на торги участников либо отклоняет.

На пятом этапе, в указанное время участники (поставщики) «выходят» на площадку и начинают предлагать свою цену. Происходит аукцион на понижение. От НМЦ до минимальной, предложенной участником¹.

На шестом этапе, когда уже известен участник с самой минимальной ценой, заказчик проверяет вторые части заявок, в которых участник прикладывает: регистрационное удостоверение на поставляемый товар, декларацию страны происхождения товара, справку соответствия согласно ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и иные документы, подтверждающие добросовестность участника. Если, во-вторых, частях заявки не приложены обязательные документы, то такие участники так же подлежат отклонению.

На седьмом этапе, если победитель соответствует всем заявленным требованиям, заказчиком формируется протокол подведения итогов, в котором указываются места участников и их ценовые предложения.

На восьмом этапе, заказчик размещает проект контракта на площадке в регламентированные сроки, а заказчику необходимо проверить и подписать данный договор, если он составлен корректно. Кроме

¹ *Об определении* полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 26 августа 2013 г. № 728.

того, непосредственный поставщик обязан внести обеспечение контракта, тем самым давая гарантию заказчику о выполнении своих обязательств.

На девятом этапе, после подписания контракта с двух сторон, поставщик отгружает продукцию, согласно прописанным срокам в контракте, и получает оплату за товар.

На десятом этапе, после выполнения всеми сторонами своих обязанностей, заказчик возвращает поставщику денежное обеспечение контракта в соотношении качества и сроков поставки¹.

Согласно данной схеме совершается огромное количество сделок. Без функционирования тендерной системы невозможно осуществить многомиллионную поставку изделий и осуществление услуг государственным учреждениям нашей страны. Благодаря тендерной системе, сделки «прозрачны», так как в открытом доступе на официальном сайте <http://zakupki.gov.ru> имеется информация по:

предстоящим закупкам заказчика (план-график);
заключенным контрактам;
жалобам в Управление Федеральной антимонопольной службы;
опубликованным процедурам.

Библиографический список

1. *Дегтев Г. В.* Международный опыт государственных закупок // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.

2. *Котельников В. Ю.* Коррупция в сфере размещения бюджетного заказа как угроза экономической безопасности государства // Управление экономическими системами. 2012. № 5.

¹ *Об определении* полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 26 августа 2013 г. № 728.

Экономические девиации в агропромышленном комплексе региона¹

Аннотация. Рассматриваются сущностные характеристики экономических девиаций. Особое внимание уделено основным предпосылкам возникновения экономических девиаций в агропромышленном комплексе. Анализируется проявление позитивных и негативных экономических девиаций в агропромышленном комплексе, присущее как отдельному региону, так и стране в целом. Наибольшую опасность составляет транслирование нежелательных моделей экономической деятельности, таких как коррупционные коммуникации и оппортунизм. Раскрыто содержание экономической девиации (разрушительное и созидательное начало), что важно для исследования процесса эволюции в агропромышленном комплексе. Сформулирован вывод о подвижности границ между позитивной и негативными формами девиаций во времени и пространстве.

Ключевые слова: экономическая девиация; агропромышленный комплекс; агропарк; агрокластер.

В современную эпоху массового потребления проблема экономических девиаций совпадает с широким набором дискуссионных источников для научных исследований. Одними из предметов дискуссионных поводов является роль государства в экономике, соотношение самоорганизации и публичного администрирования.

Возможности рынка и государства являются ограниченными и каждого из них нельзя рассматривать в качестве универсальных регуляторов экономики.

Сторонники либеральной школы обосновывали концепцию невмешательства государства и права в экономику. В тоже время они утверждали, что рынок не может функционировать без экономических институтов, которые создает не только сама бизнес-среда, но и государство [5].

Заложенные в рамках концепции социального государства, частно-государственного партнерства, корпоративной социальной ответственности принудительное перераспределение ради социальной справедливости воспринимается экономически активной частью населения как своего рода антистимул и демотиватор.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-02-00327 «Формирование устойчивой системы продовольственной безопасности Российской Федерации в условиях воздействия экстремальных факторов: теоретические и методологические аспекты».

Так, чрезмерное внимание к количественным экономическим показателям вызвало экономическую неустойчивость моногородов, где основная часть работоспособного населения трудится на одном или нескольких градообразующих предприятиях. В данных условиях бенефициарный собственник меньше всего обращал внимание на социальные издержки производственной деятельности, включая безработицу и экологические риски.

Н. Б. Бараева предлагает рассматривать экономические девиации – как социальные отклонения в сфере имущественных отношений, несанкционированные обществом взаимодействия коллективных и индивидуальных субъектов хозяйствования как между собой, так и с обществом в целом, с государством [1].

Я. И. Гилинский одним из первых российских исследователей обратил внимание на положительный характер девиации направленный на созидание утверждая «Девиации являются всеобщей формой, механизмом, способом изменчивости, а, следовательно, и жизнедеятельности, развития каждой системы» [2].

Отметим, что многие ученые среди форм девиаций выделяют три группы: позитивные, негативные и нейтральные [3; 6].

Я. И. Гилинский подчеркивает, что негативные девиации дисфункциональны, так как дезорганизуют систему, а позитивные выполняют негэнтропийную функцию, что ведет к устранению устаревших стандартов поведения, служит механизмом развития системы и повышения уровня ее организованности [2].

Каждая девиация содержит в себе разрушительное и созидательное начала, для процесса эволюции важно, какой компонент преобладает. Позитивными девиации являются тогда, когда способствуют прогрессу системы, повышают уровень ее организованности, помогают преодолеть устаревшие, консервативные стандарты. Границы между позитивной и негативными формами девиаций подвижны во времени и пространстве.

В агропромышленном комплексе заметно проявление как позитивных, так и негативных девиаций. К позитивным экономическим девиациям в данной сфере можно отнести реализацию успешных проектов, создание публичных компаний, агро-кластеров, агропарков и инновационных центров.

Анализ функционирования формирований в форме агро-кластеров, агропарков в России и за рубежом показал, что все участники в соответствии с законами развития систем получают больше выгод, чем до объединения.

По мнению М. А. Ковыршина, объединяясь, «...люди готовы поступиться некоторыми своими интересами во имя реализации более

значительных интересов, недостижимых вне системы (объединения)» [4]. В результате объединения участников агропромышленного комплекса в формате агро-кластеров, агропарков можно квалифицировать это как мотивацию или взаимную заинтересованность в сотрудничестве во имя реализации общих целей.

Тенденции формирования специализированных кластеров наблюдаются в основном на региональных и локальных уровнях, то есть они еще не сформированы, но имеют отдельные характерные признаки, и в перспективе могут стать соответствующими формированиями.

В Свердловской области сельскохозяйственные предприятия являются главными производителями основных видов сельскохозяйственной продукции в регионе. Однако низкий уровень их ресурсного обеспечения и развития технологий сдерживает рост производства продукции, а по отдельным ее видам (мясо крупного рогатого скота) наблюдается сокращение объемов производства ввиду резкого снижения поголовья скота в ходе реформ аграрной сферы.

В результате Свердловская область утратило продовольственную безопасность по таким важнейшим продуктам, как молоко и мясо. В ходе исследования причин отсталости организационно-технического уровня производства в сельскохозяйственных предприятиях коллективного типа была выявлена низкая их доходность и неспособность осуществления расширенного воспроизводства труда и капитала ввиду продолжения практики нарушения эквивалентности межотраслевого обмена и разобщения интересов между участниками агропромышленного комплекса.

Несмотря на значительные перспективы цивилизованного формата хранения, переработки, фасовки и продажи продукции сельскохозяйственного сектора, рынок агропарков в настоящее время в Свердловской области только начинает развиваться.

Экономические девиации – это не просто отдельные случайные отклонения от нормы. Наиболее опасно транслирование нежелательных моделей экономической деятельности, таких как коррупционные коммуникации, оппортунизм как эгоистическое поведение экономического агента, предоставляющего неполную или искаженную информацию (в том числе обман, введение в заблуждение, искажение и сокрытие истины или другие типы запутывания партнера).

Деятельность розничных сетей и ритейла на практике показала, что оппортунизм для них является одним из способов выживания несмотря на то, что для покупателей и поставщиков взаимодействие с продовольственными сетями «Магнит», «Пятерочка» и другими аналогами является крайне невыгодными из-за неэквивалентного обмена.

Опыт показывает, что основными потребителями продукции агропарков являются предприятия розничной торговли, например, доля этого сегмента на Западе составляет около 50 %. Оставшуюся половину клиентов составляют предприятия общественного питания и супермаркеты. В России эти показатели еще достаточно малы, но эксперты утверждают, что это высокоперспективное направление сельскохозяйственной деятельности, которое поможет перейти к более цивилизованному формату.

Создание агро-кластеров в регионе как одной из форм формирований обусловлено, взаимной заинтересованностью участников единой производственной цепочки (производство – переработка – торговля) в росте производства высококонкурентной конечной продукции, пользующейся спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Достижение уровня конкурентоспособного производства в агропромышленном комплексе региона возможно лишь на основе его комплексной инноватизации, чему будет способствовать объединение усилий всех участников АПК с привлечением научных организаций при действенной поддержке органов государственной и муниципальной власти.

Библиографический список

1. *Бараева Н. Б.* Экономические девиации в обществе потребления: социальная ответственность или оппортунизм? // Девиантность в обществе потребления / под ред. Я. И. Гилинского, Т. В. Шипуновой. Балтийский институт экологии, политики и права. 2012.
2. *Гилинский Я. И.* Конструирование девиантности. СПб. : ДЕАН, 2011.
3. *Гилинский Я. И.* Экономика и преступность: криминологический подход // Глобализация, девиантность, социальный контроль. СПб.: ДЕАН, 2009.
4. *Ковыркин М. А.* Факторы роста экономической эффективности сельскохозяйственного производства. М. : ФГОУ ДПОС РАКО АПК, 2010.
5. *Серегина С. Ф.* Роль государства в экономике. М. : Дело и Сервис, 2002.
6. *Kleiberg Yu. A.* Creative Deviantology. London: UK Academy of Education, 2015.

Содержание

Силин Я. П. Стратегические доминанты новой индустриализации в пространстве Уральского макрорегиона в XXI веке.....	3
Попов Е. В. Перспективы развития экономической науки на Урале	14

Урал XXI – пространство для экономического и инновационного развития

Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Наследие русского циклизма в исследовании индустриализации Уральского макрорегиона	22
Дворядкина Е. Б., Кайбичева Е. И. Периферийные территории старо-промышленного региона на пороге новой индустриализации (на материалах Свердловской области)	41
Радковская Е. В. Урал XXI – социально-экономические критерии развития региона	47
Глумов А. А. Исследование хозяйственных связей в пространстве макрорегиона (на примере Уральского района)	52
Ткаченко И. Н., Стариков Е. Н. Отраслевая промышленная политика в лесной промышленности региона	59
Новикова Н. В., Чунина Т. А. Индикаторы в определении экономической безопасности социально-экономического положения региона (на примере Свердловской области)	65
Ижгузина Н. Р. Екатеринбургская агломерация в контексте новой индустриализации	70
Кузнецов В. Н. Государственная программа создания благоприятных условий для реализации инновационных проектов в моногородах	78
Чудиновских М. В. Малые города Свердловской области: современное состояние и перспективы развития	83
Сбродова Н. В., Машарова А. О. ИКТ-инфраструктура – драйвер становления нового технологического уклада в Свердловской области	88
Лазарева В. В. Оценка устойчивого развития сельских территорий в условиях приграничного положения: теория и методология.....	93
Зубарев Е. С., Латыпов Р. Т., Шведов В. В. Основные направления государственного регулирования малого предпринимательства в Российской Федерации и ее регионах	97
Костарева Л. В., Пряхин Г. Н. Системно-сетевой подход в исследовании экономики региона	102
Фальченко О. Д. Импортзамещение в индустриальном регионе (на примере Свердловской области).....	107

Чупина Д. А. Внешнеторговые связи со странами ЕАЭС в развитии экономики региона	113
Коржевская А. А. Взаимодействие органов власти и корпоративных структур – одна из моделей инновационного регионального развития.....	119
Шабалин А. А. Программа развития деятельности в сфере охраны здоровья населения региона.....	123

Экономика нового времени: проблемы и перспективы четвертой промышленной революции

Ярошевич Н. Ю. Проблемы экономики регионов на пути к четвертой промышленной революции: системный анализ.....	127
Пономарева С. И., Кружкова Т. И. Урал – XXI век: проблемы формирования институциональной среды новой экономики.....	133
Иванова Е. М. Условия развития диверсификации предприятий ОПК: мировой, отечественный и региональный опыт.....	137
Илюхин А. А. Предпосылки и факторы опережающего развития региона: проблемы молодежного рынка труда.....	144
Илюхина С. В., Лавров В. Н., Бурцева Т. В. Политико-экономические вопросы экономического роста страны и регионов.....	151
Кондратенко Ю. Н. «Умное» предприятие в промышленности региона: понятие и перспективы.....	158
Krylatkov P. P., Kalinina N. Ye. Digital Transformation of the Information Space of Industrial Enterprises	165
Куваева Ю. В., Решетникова Т. В. Российская инновационная система: конкурентные преимущества и недостатки в контексте Индустрии 4.0.....	171
Мальцев А. А., Зимин С. В. Совершенствование таможенного регулирования в условиях ускорения промышленного роста в Евразийском экономическом союзе.....	176
Мордвинова А. Э. Модификация моделей размещения производительных сил региона в условиях глобализации.....	184
Оболенская А. Г., Гребе В. А. Управление инфляционными процессами в системе денежно-кредитного регулирования экономики региона	190
Орлова Т. С., Воробьев К. А. Современное состояние факторов влияния институциональной среды на малые предприятия регионов.....	196
Орехова С. В. Промышленная vs отраслевая политика: необщий взгляд ...	200
Долженко Р. А., Долженко С. Б. Трансформация стратегии вуза в рамках четвертой промышленной революции.....	207

Стерхова А. А., Мальцева В. А. Внешнеэкономическое сотрудничество регионов России и стран БРИКС в инновационной сфере	212
Цапенко М. В., Кириллова Е. Н. Альтернативные обобщенные показатели оценки эффективности инновационных проектов в регионах России	219
Тимошин А. А. Факторы рисков малых предприятий в промышленности региона	225
Grandjean L. Digital Business Models for Industrial Product-Service Systems in the Context of Industry 4.0.....	230

Финансовые и правовые аспекты инновационного развития территории

Марамыгин М. С., Бахтович И. В. Криптовалюта, токены и блокчейн: реалии краудэкономики	238
Пешина Э. В., Истомина Н. А. Бюджет и бюджетное планирование в регионе в контексте задачи опережающего развития (на примере Свердловской области)	247
Котова О. В., Воротилова О. А. Регионы в экономической системе России	254
Серебренникова А. И. Теоретические подходы к исследованию банковской системы в условиях индустриализации	260
Мезенин Н. А., Гергарт А. А. Инвестиционная стратегия в деятельности организации в контексте регионального развития.....	265
Трушина И. А. Методика проведения исследования эффективности методов стимулирования проектного финансирования уральских предприятий.....	269
Поздеева О. Г., Уймина Д. А. Этапы функционирования тендерной системы	275
Курдюмов А. В. Экономические девиации в агропромышленном комплексе региона	279

Научное издание

**УРАЛ – XXI ВЕК:
РЕГИОН ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ**

М а т е р и а л ы
II Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 29–30 ноября 2017 г.)

Том 1

Печатается в авторской редакции и без издательской корректуры

Технические редакторы

М. В. Баусова, М. Ю. Воронина, И. П. Зорина, Л. В. Матвеева

Компьютерная верстка

Н. И. Якимовой

Поз. 124. Подписано в печать 14.11.2017.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 15,6. Усл. печ. л. 16,74. Печ. л. 18,0. Заказ 652. Тираж 200 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета